

Вятский государственный гуманитарный университет

В Е С Т Н И К
ВЯТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Н а у ч н ы й ж у р н а л

№ 2

Киров
2015

Главный редактор

В. Т. Юнгблюд, доктор исторических наук, профессор, ректор ВятГГУ

Заместитель главного редактора

Е. М. Вечтомов, доктор физико-математических наук, профессор, заведующий кафедрой, ВятГГУ

Заместитель главного редактора

М. С. Судовиков, доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой, ВятГГУ

Ответственный секретарь

О. В. Байкова, доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой, ВятГГУ

Состав редакционного совета:

В. В. Блажеев, кандидат юридических наук, профессор, председатель Совета УМО по юридическому образованию, ректор Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (г. Москва);

И. Р. Гафуров, доктор экономических наук, профессор, ректор Казанского (Приволжского) федерального университета (г. Казань);

Н. И. Егорова, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, руководитель Центра по изучению холодной войны, Институт всеобщей истории РАН (г. Москва);

В. В. Лаптев, доктор педагогических наук, профессор, действительный член (академик) РАО, проректор по научной работе, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург);

А. А. Махнев, доктор физико-математических наук, профессор, член-корреспондент РАН, заведующий отделом, Институт математики и механики УрО РАН (г. Екатеринбург);

Ю. А. Петров, доктор исторических наук, директор Института российской истории РАН (г. Москва);

Е. И. Пивовар, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, ректор Российского государственного гуманитарного университета (г. Москва);

Н. Д. Светозарова, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник, Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург);

Е. Protassova, доктор педагогических наук, профессор-адъюнкт, отделение современных языков, Хельсинкский университет (г. Хельсинки, Финляндия);

Н. W. Retterath, доктор филологии, Институт этнографии немцев в Восточной Европе (г. Фрайбург, Германия);

D. Stellmacher, доктор филологии, профессор, Университет имени Георга-Августа (г. Геттинген, Германия)

Состав редакционной коллегии:

Н. М. Валеев, доктор филологических наук, профессор, академик Академии наук Республики Татарстан (г. Казань);

П. И. Кононов, доктор юридических наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

В. М. Лавров, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт российской истории РАН (г. Москва);

М. И. Ненашев, доктор философских наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

Н. О. Осипова, доктор филологических наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

О. А. Останина, доктор философских наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

В. Я. Перминов, доктор философских наук, профессор, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (г. Москва);

В. А. Поздеев, доктор филологических наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

О. Ю. Поляков, доктор филологических наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

Ю. А. Сауров, доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент РАО, ВятГГУ (г. Киров);

Г. И. Симонова, доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой, ВятГГУ (г. Киров);

С. В. Чернова, доктор филологических наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

Т. Н. Чугаева, доктор филологических наук, заведующая кафедрой, Пермский научный центр УрО РАН (г. Пермь)

Адрес редакции: 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26,
тел. (8332) 673-674 (Издательство ВятГГУ)

Редакторы **О. И. Коробкова**, **Т. Н. Котельникова**

Компьютерная верстка: **Ю. В. Данг**

Дизайн обложки: **А. Ю. Чепурных**

Ответственный за выпуск **А. А. Харунжев** (кандидат педагогических наук, доцент)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
(Министерство по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций)
ПИ № 77-14376 от 17 января 2003 г.

Цена свободная

*Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук*

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Круглый стол «Единство и многообразие русской философии»	6
--	---

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

<i>Левченко М. В.</i> Становление политического либерализма в Германии от наполеоновских войн до революции 1848 г. Эволюция идейных установок	46
<i>Фомичев Н. Н.</i> Советский фактор в Гражданской войне в Испании 1936–1939 гг. и формирование образа врага в ведущих британских общественно-политических изданиях	50
<i>Кудрин Е. И.</i> Политика британских оккупационных властей в отношении уголовного преследования нацистских преступников (1945–1949): гендерный аспект вопроса	55
<i>Бородкина Н. В.</i> Франция – Турция: роль стереотипов в двусторонних отношениях в начале XXI в.	61

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Гвоздева Е. В.</i> Проблемы исполнения административных штрафов за правонарушения в области дорожного движения	66
<i>Караваяев И. В.</i> П. Д. Киселев о реформе центрального управления казенным имуществом: авторский подход	71
<i>Коновалова А. Б., Мосечкин И. Н.</i> О необходимости дальнейшего совершенствования уголовного законодательства в сфере противодействия незаконной игровой деятельности	75

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Хадынская А. А.</i> Поэтика телесности в лирике Георгия Иванова	80
<i>Токарева Г. А.</i> Природа жанровой поливалентности поэмы Р. Блэра «Могила»	88
<i>Валова О. М.</i> Жанровое своеобразие драматургии Оскара Уайльда в контексте его философии нереального	95
<i>Трофимов Г. А.</i> Пережитки анимистических представлений в фольклоре европейских народов	101
<i>Горбачев К. А.</i> Особенности интерпретации исторического термина	109
<i>Баева Е. В.</i> Унификация падежей немецкого существительного в островном диалекте (на примере немецких диалектов Кировской области)	113
<i>Кондакова И. А.</i> Малотипичные концептуализации топообъекта	116
<i>Рубцова О. Г.</i> Номинация лекарственных растений в разносистемных языках через призму фитоморфологии (на материале русского, марийского, немецкого и латинского языков)	121

Белорукова М. В. О ритме и паузации в высказываниях,
представляющих собой команды, приказы и распоряжения
в современном английском языке 125

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Герасимова И. Г. Совершенствование языковой подготовки
кадров высшей квалификации 131

Кондратьева Т. Н. Анализ современных нормативно-правовых источников
в контексте этнокультурной проблематики в образовании 134

Сведения об авторах 140

Information about authors 142

CONTENTS

Round table “The Unity and diversity of Russian philosophy”

Lewchenko M. V. Formation of political liberalism in Germany from Napoleonic wars before revolution of 1848. Evolution of ideological installations

Fomichev N. N. Soviet factor in the Civil war in Spain 1936–1939 and formation of image of enemy in the leading British social and politic issues

Kudrin E. I. British Policy towards Prosecution of Former Nazi Criminals within its Zone of Occupation (1945–1949): Gender Aspect of the Issue

Borodkina N. V. France – Turkey: role of stereotypes in bilateral relationships at the beginning of XXI century

Gvozdeva E. V. Problems of implementation of administrative penalties for offences of road traffic

Karavaev I. V. P. D. Kiselyov about reform of the central management state property: author's approach

Konovalova A. B., Mosechkin I. N. About the necessity of further improvement of the criminal law in combating illegal gambling activities

Khadynskaya A. A. Poetics of corporeality in the lyrics of Georgy Ivanov

Tokareva G. A. R. Blair's poem «The grave»: nature of genre polyvalency

Valova O. M. Generic identity of Oscar Wilde's drama in the context of his philosophy of unreal

Trofimov G. A. The Remnants of Animistic Beliefs in the European Folklore

Gorbachev K. A. Peculiarities of interpretation of historical terms

Baeva E. V. Cases unification of the German noun in an island dialect (on the example of the German dialects in the Kirov Region)

Kondakova I. A. Untypical conceptualizations of topoobjects

Rubtcova O. G. The nomination of medical plats in different systems languages in the light of phytomorphology (as exemplified in Russian, Mari, German and Latin languages)

Belorukova M. V. On rhythm and pauses in orders, commands and directions in modern english

Gerasimova I. G. Towards improvements of foreign language teaching to PhD students

Kondratyeva T. N. Analysis of the current regulatory sources in the context of ethno-cultural issues in education

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

УДК 1(091)(470)

Круглый стол «Единство и многообразие русской философии»

В настоящем круглом столе можно выделить две составляющие: доклад профессора М. А. Маслина и выступление представителей кафедры истории русской философии МГУ и кафедры философии ВятГГУ, а также различных вузов Москвы. В докладе показывается, что русская философия в своих идеях, течениях и концепциях отражает национально-своеобразное осмысление универсальных философских проблем. Выделяются четыре этапа в развитии русской философии: средневековый этап; философия Нового времени; философия XIX в. и философия XX–XXI вв.

Отмечается, что вместо «собираения в единство» огромного многообразия проявлений отечественной философской культуры порой можно было наблюдать насильственное «приведение к общему знаменателю», хотя философия понималась в разные эпохи по-разному, не только как история систем или как наука, но и как мудрость или как искусство.

Идеи доклада получили содержательное развитие в выступлениях других участников круглого стола, также предлагались дополнительные направления мысли по поводу тех или иных особенностей истории русской философии.

In this Round Table can be divided into two components: the report of Professor M. A. Maslin, and the performance of the representatives of the Department of history of Russian philosophy of the Moscow state University and the Department of philosophy of Vyatka state humanitarian University, as well as various universities in Moscow. The report shows that Russian philosophy in their ideas, trends and concepts reflects in national form universal philosophical problems. There are four stages in the development of Russian philosophy: Medieval stage; the philosophy of the New age, philosophy nineteenth-century, and philosophy of XX–XXI centuries.

It is noted that instead of «gathering in unity» the huge variety of native philosophical manifestations of culture at times it was possible to observe violent «reduction to a common denominator», though the philosophy was understood in different times in different ways, not only as the history of the systems or as a science, but as wisdom, or the arts.

The ideas in the report were developed in the speeches of other participants of the Round table, it was also suggested additional avenues of thought about the specifics of the history of Russian philosophy.

Ключевые слова: русская философия, многообразие, единство, христианство, внутренняя философия, духовно-академическая философия, славянофильство, соборность.

Keywords: Russian philosophy, diversity, unity, Christianity, inner philosophy, spiritual and academic philosophy, Slavophilism, sobornost.

Редакция журнала Вестник ВятГГУ в феврале 2015 г. провела заочный круглый стол, на котором обсуждалась проблема «Единство и многообразие русской философии».

В работе круглого стола участвовали:

Михаил Александрович Маслин, доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой истории русской философии философского факультета МГУ, г. Москва (докладчик).

Людмила Ростиславовна Авдеева, кандидат философских наук, ст. научный сотрудник кафедры истории русской философии философского факультета МГУ, г. Москва.

Александра Юрьевна Бердникова, аспирант кафедры истории русской философии философского факультета МГУ, Москва.

Василий Викторович Ванчугов, доктор философских наук, профессор кафедры истории русской философии философского факультета МГУ, г. Москва.

Татьяна Александровна Горюнова, кандидат философских наук, доцент кафедры философии института истории и культуры Вятского государственного гуманитарного университета, г. Киров.

© Маслин М. А., Авдеева Л. Р., Бердникова А. Ю., Ванчугов В. В., Горюнова Т. А., Караев Т. М., Кувакин В. А., Моторина Л. Е., Ненашев М. И., Нижников С. А., Пих О. В., Пружинин Б. И., Сретенская С. В., Счастливецва Е. А., Щедрина Т. Г., 2015

Таймураз Муссаевич Караев, доктор философских наук, профессор кафедры истории русской философии философского факультета МГУ, г. Москва.

Валерий Александрович Кувакин, доктор философских наук, профессор кафедры истории русской философии философского факультета МГУ, г. Москва.

Любовь Евстафьева Моторина, профессор кафедры философии факультета социального инжиниринга Московского авиационного института (национального исследовательского университета), г. Москва.

Михаил Иванович Ненашев, доктор философских наук, профессор кафедры социологии и рекламы факультета социальных технологий Вятского государственного гуманитарного университета, г. Киров (ведущий Круглого стола).

Сергей Анатольевич Нижников, доктор философских наук, профессор кафедры истории философии факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов, г. Москва.

Ольга Вадимовна Пих, аспирант кафедры истории русской философии философского факультета МГУ, г. Москва.

Борис Исаевич Пружинин, доктор философских наук, гл. редактор журнала «Вопросы философии», ведущий научный сотрудник Института философии РАН, профессор НИУ «Высшая школа экономики», г. Москва.

Светлана Валерьевна Сретенская, кандидат философских наук, магистрант кафедры философии института истории и культуры ВятГГУ, г. Киров.

Елена Анатольевна Счастливецва, доктор философских наук, доцент кафедры философии института истории и культуры ВятГГУ, г. Киров.

Татьяна Геннадьевна Щедрина, доктор философских наук, профессор кафедры философии Московского педагогического государственного университета, г. Москва.

Ведущий М. И. Ненашев. В качестве темы для обсуждения мы выбрали проблему единства и многообразия русской философии. Очевидно, что русская философия представляет собой многообразие различных или пересекающихся между собой концепций, взглядов, пониманий. Но складывается ли оно в содержательное единство, и если складывается, то в чем оно состоит?

История русской философии может быть понята как то, что творится живыми, мыслящими и чувствующими людьми, в том числе в диалоге между носителями разных мировоззрений [1]. В таком случае ее единство не может быть чем-то таким, что дано однажды и навсегда. Наоборот, то, в чем это единство состоит, – должно постоянно переопределяться или по крайней мере уточняться. Обсуждение проблем русской философии на страницах журнала «Вестник ВятГГУ» видится нами как способ участия в этой сложной и интересной работе.

Мы представляем доклад профессора Михаила Александровича Маслина, остальные участники Круглого стола в своих выступлениях выразят свое отношение к идеям доклада, а также сообщат, что им лично представляется важным в данной проблематике. Просим участников Круглого стола в самом начале своего выступления формулировать в виде заголовка свою основную мысль или тему.

М. А. Маслин. «Единство и многообразие русской философии» [2]

Мне бы хотелось сразу сформулировать основные положения, которые дальше буду развивать. Русская философия, являясь органической частью всеобщей истории философии, отображает в то же время внутреннюю историю русского самосознания, выраженную в философских идеях, течениях, концепциях и системах, отражающих национально-своеобразное осмысление универсальных философских проблем.

Следует различать объективное существование русской философской мысли, подтверждаемое источниками и восходящее к XI в., и ее научное описание, существующее немногим более 170 лет. Первая книга, специально посвященная истории русской философии, была опубликована в 1840 г. в типографии Казанского университета. Она принадлежала перу архимандрита Гавриила (в миру В. Н. Воскресенского), профессора Казанского университета сначала по кафедре церковного права, а затем по кафедре философии. (Книга была переиздана в 2005 г. с предисловием В. В. Ванчугова.) Этот временной разрыв породил особое разнообразие мнений о русской философии, обусловленных различными мотивациями: методологическими, идеологическими, ценностными и др.

Своеобразие русской философии состоит в том, что она создавалась, кроме русского, на церковнославянском (в XI–XVII вв.), латинском (в XVIII в.), французском, английском, немецком (в XIX–XX вв.) и славянских языках. Носителями идей русской философии выступали представители не только русского, но и других народов, связанных с Россией общностью исторических судеб, –

грек Михаил Триволис (Максим Грек), хорват Юрий Крижанич, украинцы Григорий Сковорода и Феофан Прокопович, молдаване Дмитрий и Антиох Кантемиры, евреи Михаил Гершензон, Лев Шестов и многие другие.

Русская философия – это философия, существующая или родившаяся не только в России, но и за ее пределами. Многие русские философы в силу разных обстоятельств, главным образом политических, покидали Россию и за ее пределами создавали свои сочинения – А. И. Герцен, Н. П. Огарев, М. А. Бакунин, П. Л. Лавров, Н. А. Бердяев, И. А. Ильин, С. Л. Франк, С. Н. Булгаков, Г. П. Федотов и др.

Цельное представление о русской философии может быть получено лишь в результате осмысления *всей ее истории* от Киевской Руси до наших дней. Интегральная (целостная, единая) концепция русской философии выделяет следующие главнейшие этапы (эпохи) ее развития: 1. Средневековый (начальный) период (XI–XVII вв.). 2. Философия Нового времени (XVIII в.). 3. Философия XIX в. 4. Философия XX–XXI вв.

Русь включилась в «мировое измерение» философии в конце X в. благодаря приобщению к духовной культуре православной Византии. После Крещения Руси в 988 г. на этапе своего становления русская культура выступает как органическая часть славянской православной культуры, на развитие которой большое влияние оказали славянские просветители Кирилл и Мефодий. Особенно стимулирующее воздействие на древнерусскую мысль имело болгарское влияние X–XIII вв., при посредстве которого в Киевской Руси получили распространение такие богословские сочинения, как «Шестоднев» Иоанна Экзарха Болгарского, «Сборник царя Симеона», известный на Руси как «Изборник Святослава 1073 г.» и др.

Дохристианская (языческая) культура Древней Руси была бесписьменной, ее мировоззренческую основу составлял политеизм. Человек и Вселенная в рамках такого миропонимания находились в состоянии гармонического равновесия, подчинявшегося неизменному и вечному круговороту природных циклов. Соответственно не было и понимания хода исторического времени, направленности и смысла истории как процесса. Христианство вносит в культуру идею «начала» и «конца», применимую как к отдельному человеку, так и к человеческой истории в целом. Здесь понимание свободы воли предполагает также и моральную ответственность за содеянное при жизни, вводится тема греховности, покаяния, жалости к несовершенному человеку.

«Никакой человек не достоин похвалы. Всякий человек достоин только жалости» (В. В. Розанов). Это высказывание, завершающее главный литературно-философский шедевр Розанова – «Уединенное», свидетельствует о внутреннем единстве русской философии, которое выражается в «переключке» ее основополагающих идей, отделенных друг от друга порой столетиями.

Главное внимание уделялось на Руси «внутренней философии», нацеленной на богопознание и спасение души и восходящей к учениям восточных отцов церкви. Началом и высоким образцом средневековой русской философской мысли является «Слово о законе и благодати» (середина XI в.), принадлежавшее киевскому митрополиту Илариону. Здесь дано «изображение христианизации Руси и великолепное описание новой жизни на Русской земле» (Мюллер Л. Понять Россию: историко-культурные исследования. Перевод с немецкого. М., 2000. С. 134). «Слово» адресовано не профанам, а образованным людям, к тем, кто «книжной сладостью насыщен». Его автор широко использует приемы экзегетики, аллегорического и символического истолкования библейских сюжетов, что свидетельствует о высоком уровне богословско-философской мысли Древней Руси. Это гимнографическое сочинение вместе с тем представляло собой и своеобразный трактат по историософии.

«Московский период» отечественной истории (XIV–XVII вв.) ознаменован собиранием и утверждением Русского государства во главе с Москвой, развитием национального религиозно-философского сознания (идея монаха Филофея «Москва – Третий Рим», XVI в.). В словах Филофея «два Рима пали (Рим и Константинополь. – М. М.), а третий (Москва. – М. М.) стоит, а четвертому не бывать» не содержится никакой мысли о каком-то особом превосходстве и мессианистском призвании русского народа. Мессианизм Филофея был религиозным, церковным, связанным со средневековым эсхатологизмом. Кроме того, следует иметь в виду, что идея «вечного Рима» была чрезвычайно распространена в средневековой Европе. Она была известна, помимо русской, также и в латинской, и византийской версиях, а также во Франции, Испании, Сербии, Болгарии (об этом см.: Сеницына Н. В. Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.). М., 1998. С. 51–57). Историософский смысл был придан данной теории лишь в XIX–XX вв., в работах таких авторов, как В. О. Ключевский, Ф. И. Тютчев, В. С. Соловьев, С. Н. Булгаков, Н. А. Бердяев, Г. В. Флоровский и др.

Господство церкви в средневековой русской культуре не исключало наличия противоречий и разногласий среди духовенства. В конце XV – начале XVI в. возник конфликт между иосифляна-

ми и нестяжателями. Иосифляне выступали за неукоснительную регламентацию церковной жизни в соответствии с разработанным Иосифом Волоцким «Уставом», ратовали за сближение церкви с государственной властью. Нестяжатели во главе с Нилом Сорским занимали противоположную позицию, выдвигая на первый план идею духовного подвига, сочетавшуюся с призывом к труду не во имя обогащения, а во имя спасения.

Нестяжательство имело глубокие корни в народном сознании, поскольку оно выступало защитником реального, а не показного благочестия. Великим нестяжателем был Сергей Радонежский, защитник Руси и основатель Троицкого монастыря, ставшего духовным центром православия. Нестяжательскую позицию разделял Максим Грек, афонский ученый монах, прибывший на Русь для участия в переводах и сверке богослужебных книг. Он был крупнейшим мыслителем московского периода, оставившим большое наследие, включающее свыше 350 оригинальных сочинений и переводов. Максим Грек был знатоком античной философии, включал в свои сочинения многие переводы античных авторов. Особо ценил он философию Платона, предвосхитив тем самым славянофилов и других русских религиозных мыслителей, считавших, что в России философия идет от Платона, а на Западе – от Аристотеля. Подъем русской философии на новый уровень, характеризующийся появлением специализированной, профессиональной философии и философского образования в России, связан с открытием первых высших учебных заведений: Киево-Могилянской (1631) и Славяно-греко-латинской академий (1687), где читались собственно философские курсы.

С конца XVII – начала XVIII в. наступил новый этап в истории России. В XVIII в. Россия начинает испытывать вместе с Западом, можно сказать, *синхронно* влияние идей Просвещения. Однако назвать эту эпоху русской истории «веком Просвещения» (как во Франции) нет оснований. С одной стороны, в обществе распространяются идеи новоевропейской рационалистической философии (Декарт, Локк, Гердер, Вольтер, Гельвеций, Гольбах и др.), с другой – в России происходит подъем православной богословско-философской мысли, представленной школой митрополита Платона. Публикуется осуществленный Паисием Величковским перевод «Добротолубия», сборника творений восточных отцов церкви, утверждаются традиции православного старчества, открывается знаменитый монастырь Оптина пустынь, куда совершали паломничество многие русские мыслители XIX в.

В этот период происходит секуляризация, «обмирщение» культуры в целом, начинается становление светского типа философствования. Зарождается философия в университете при Петербургской Академии наук (1724), а также в Московском университете (1755). Впоследствии, в XIX в., университетское философское образование стало развиваться также в Казани, Харькове, Киеве, Одессе, Варшаве, Томске и Саратове. Университетская философия становится особой отраслью русской философии и русской философской культуры. Она сформировалась при решающей роли русско-немецких связей и под влиянием философии Г. Лейбница и Х. Вольфа. В России работали в качестве профессоров философии немецкие ученые И. Б. Шад, И. М. Шаден, Ф. Х. Рейнгард, И. Ф. Буле и др.

Модернизация России, осуществлявшаяся Петром I – Екатериной II, вызывала реакцию со стороны консервативных идеологов дворянско-аристократической оппозиции. Особенно яркую – в творчестве М. М. Щербатова, критика просвещенного абсолютизма, автора острого памфлета «О повреждении нравов в России». Он же создал первую в России консервативную утопию «Путешествие в землю Офирскую». Значительное распространение среди дворянства получили идеи европейского мистицизма. (Об этом см.: Федоров А. А. Европейская мистическая традиция и русская философская мысль (последняя треть XVIII – первая треть XIX в.). Н. Новгород, 2001.) Сочинения Ф. Парацельса, Я. Бёме, Э. Сведенборга, К. Эккартсгаузена, Л. К. Сен-Мартена широко обсуждались в кругах русского масонства, имевшего своих представителей практически во всех известных дворянских фамилиях (А. Ф. Лабзин, И. В. Лопухин, П. И. Голенищев-Кутузов, М. М. Херасков, И. Н. Болтин, А. П. Сумароков и др.).

Мыслителем, олицетворяющим переходный характер русской философии XVIII в., является Г. С. Сковорода, творчество которого вместило в себя два типа философской культуры – традиционный, восходящий к самым ранним проявлениям русской философии, и светский, обращенный к мирским, не церковным темам и проблемам. В центре философии Сковороды – учение о «трех мирах»: «мире великом» (макрокосм), «мире малом» (человек) и «мире символическом» (мир Библии). Центральным звеном этой триады является человек как венец творения, истинный субъект и цель философствования. Сковорода акцентировал внимание на проблемах добра и зла, счастья, смысла жизни и т. п. Он создал своеобразную нравственно-антропологическую философию жизни, подчеркивающую приоритет сердца, нравственного начала в человеке и обществе, пронизанную идеями любви, милосердия и сострадания. Идеи метафизики сердца Сковороды,

ставшие по-настоящему известными лишь в XX в., более чем через столетие после его смерти, в различных вариациях и как бы независимо от их источника многократно воспроизводились в русской философии и в XIX и в XX вв. Это указывает на внутреннее единство русской философии, иллюстрирует особенность русской философии, открытую В. Ф. Эрном: «Русские мыслители, очень часто разделенные большими промежутками времени и незнанием друг друга, переключаются между собой и, не сговариваясь, в поразительном согласии подхватывают один другого» (Эрн В. Ф. Соч. М., 1991. С. 98).

Характерную для русской философии «переключку идей» не следует понимать, однако, в узком смысле, как перманентно присущее ей воспроизведение фиксированного, одного и того же круга проблем на протяжении всей ее истории. Подобным образом интерпретируется порой широко известная концепция В. В. Зеньковского, содержащаяся в его «Истории русской философии». Однако наличие в русской философии таких черт, как антропоцентризм, историософичность (нацеленность на осмысление истории) и социальная приверженность, вовсе не означает, что все русские философы занимались главным образом только этими, особо выделенными Зеньковским проблемами. Тот же Сковорода, например, вовсе не занимался историософской проблематикой. Равным образом, нацеленность русской философии на онтологию, философское осмысление бытия вовсе не означает игнорирование русской мыслью проблем логики и теории познания (см.: Бажанов В. А. История логики в России и СССР. М., 2007). Не случайно «История русской философии» Н. О. Лосского, напротив, отдает предпочтение гносеологической проблематике в русской философии.

Своеобразие переходного характера русской философии XVIII в. наглядно иллюстрируется поразительным совмещением в творчестве ряда мыслителей разнородных мировоззренческих тенденций. Так, общая просветительская направленность книгоиздательской деятельности Н. И. Новикова, возглавлявшего типографию Московского университета, накладывалась на его активное членство в масонской ложе и, очевидно, нисколько не противоречила православно-христианским убеждениям русского просветителя.

Основателем светского философского образования в России явился М. В. Ломоносов. Он подготовил плеяду ученых, способствовавших развитию естествознания и философии в России, предложил вести преподавание в Московском университете на трех факультетах: юридическом, медицинском и философском.

Философские идеи европейского Просвещения XVIII в. получили отражение в творчестве А. Н. Радищева. Большое влияние на Радищева оказали сочинения Рейналя, Руссо и Гельвеция. Вместе с тем Радищев, получивший образование в Германии, в Лейпцигском университете, был хорошо знаком и с трудами немецких просветителей Гердера и Лейбница. Однако политическая философия Радищева была сформулирована на основе анализа русской жизни. Задолго до О. Тьерри и романтической школы французских историков, обратившихся к народной жизни французского общества, сосредоточенной в истории «третьего сословия», Радищев в центр отечественной истории поставил «народ преславный», наделенный «мужеством богоподобным», – народ, перед которым «нищ падут цари и царства». Понятие «человек» – центральная категория в просветительской философии Радищева. Преимущественно в «человеческом измерении» рассматривал он и проблемы бытия и сознания, природы и общества.

Ярким примером философского творчества в духе идей Просвещения является также книга «Наблюдения о человеческом духе и его отношении к миру», опубликованная на немецком языке в Германии под псевдонимом «А. Колыванов» (1790) и получившая высокую оценку в немецкой философской печати (об этом см: Васильев В. В. Загадка Андрея Колыванова // Колыванов А. Наблюдения о человеческом духе и его отношении к миру. Калининград, 2003).

XIX век открывает новый этап в развитии русской философии. Возрастает роль профессиональной философской мысли (об этом см.: Пустарнаков В. Ф. Университетская философия в России. Идеи. Персоналии. Основные центры. СПб., 2003). Вместе с тем формируются различные «идейные течения» (славянофильство, западничество, народничество, почвенничество и др.). Они являлись философскими лишь отчасти, так как включали в себя значительный слой нефилософской – богословской, исторической, социально-политической, экономической и другой проблематики. Идеи течения имели большой общественный резонанс по сравнению с университетской и духовно-академической философией. Это было замечено В. Г. Белинским: «Журнал важнее кафедры». Университеты и ученые стояли за автономию академической жизни, но виды правительства в области высшего образования и науки, напротив, были охранительными в смысле защиты от «революционной заразы» из Европы. Отсюда – правительственные притеснения, ограничения преподавания философии в университетах, особенно после европейских революций 1848 г. Работы, не проходившие цензуры, публиковались за рубежом, например сочине-

ния А. С. Хомякова и В. С. Соловьева. Более благополучной была судьба духовно-академической философии, поскольку чтение философских курсов в духовных академиях Москвы, Казани, Киева и Санкт-Петербурга не прерывалось (в отличие от университетов).

Как уже было сказано, первая история русской философии принадлежала перу архимандрита Гавриила (в миру В. Н. Воскресенского, Казань, 1840). С. С. Гогоцкий опубликовал первые в России философские лексиконы и словари, первые русские учебники по философии были написаны Ф. Ф. Сидонским, В. Н. Карповым, В. Д. Кудрявцевым-Платоновым, первым переводчиком Платона на русский язык был В. Н. Карпов. К этому надо добавить, что первый в России учебник по философии на русском языке (перевод с латыни под названием «Философия натуральная» выполнен около 1724 г.) был также осуществлен анонимным лицом духовного звания, о чем свидетельствуют новейшие архивные разыскания старшего научного сотрудника Института философии РАН Н. А. Куценко. (См. также: Куценко Н. А. Духовно-академическая философия в России первой половины XIX века: Киевская и Петербургская школы (Новые материалы). М., 2005.)

Наиболее известными идейными течениями 30–40-х гг. были западничество и славянофильство. Славянофилы (И. В. Киреевский, А. С. Хомяков, Ю. Ф. Самарин, К. С. и И. С. Аксаковы) акцентировали внимание на национальном своеобразии России, а западники больше тяготели к восприятию опыта Европы. Славянофилов объединяла приверженность к христианской вере и ориентация на святоотеческие источники как основу сохранения православной русской культуры, западничество же характеризовалось приверженностью к секулярным воззрениям и идеям западноевропейской философии. Однако и те и другие страстно желали процветания своей родине, поэтому их спор назван «спором двух различных видов одного и того же русского патриотизма» (П. В. Анненков). Центром славянофильства стала Москва, а приверженцами – выпускники Московского университета. Родоначальниками этого идейного течения стали А. С. Хомяков и И. В. Киреевский. Его представители, называвшие себя «московским» или «православным» направлением (в противоположность «петербургскому»), получили публицистическую «кличку» славянофилы, закрепившуюся в ходе журнальных дискуссий 40-х гг. и с той поры вошедшую в общее употребление. Среди славянофилов существовало «разделение труда»: И. В. Киреевский занимался собственно философией, А. С. Хомяков – богословием и философией истории, Ю. Ф. Самарин – крестьянским вопросом, К. С. Аксаков – социально-философской проблематикой и т. д. Славянофильство – своеобразный синтез философских, исторических, богословских, экономических, эстетических, филологических, этнологических, географических знаний. Теоретическим ядром этого синтеза стала специфически истолкованная «христианская философия», которая по праву считается крупным направлением оригинальной русской философии, оказавшей заметное влияние на концепции Н. Я. Данилевского и К. Н. Леонтьева, систему В. С. Соловьева, философские построения С. Н. Булгакова, С. Л. Франка, Н. А. Бердяева и др. Хомяков стал первым в России светским богословом, по-новому, с философской точки зрения трактовавшим основы православного вероучения. Центральное понятие Хомякова – соборность, впоследствии использовавшееся многими русскими религиозными философами и вошедшее без перевода в европейские языки как *sobornost*.

Подтверждением *живого единства* русской философии является многократное повторение в России ходов мысли П. Я. Чаадаева, основателя русской историософии XIX в. После революционных событий в Европе в 1830-м, а затем 1848 г. Чаадаев изменил свои первоначально западнические взгляды. «Незападное» бытие России, казавшееся ранее Чаадаеву главным источником ее бедствий и неустройств, начинает представляться ему источником своеобразного преимущества. «...Нам нет дела до крутны Запада, ибо сами-то мы не Запад... – пишет он и далее замечает: – У нас другое начало цивилизации... Нам незачем бежать за другими; нам следует откровенно оценить себя, понять, что мы такое, выйти из лжи и утвердиться в истине. Тогда мы пойдем вперед, и пойдём скорее других, потому что мы пришли позднее их, потому что мы имеем весь их опыт и весь труд веков, предшествовавших нам» (Чаадаев П. Я. Полн. собр. соч. и избр. письма. М., 1991. Т. 2. С. 98).

Для самых разных течений русской мысли притягательной оказалась мысль Чаадаева о том, что Россия имеет огромный скрытый, нереализованный потенциал и что социально-экономическая отсталость России может для нее обернуться однажды историческим преимуществом. К. Н. Леонтьев, в определенной степени основываясь на указанной мысли Чаадаева, писал даже о необходимости «подморозить Россию», затормозить ее движение, чтобы она не повторяла ошибок далеко зашедшего по пути прогресса Запада. Н. Г. Чернышевский и некоторые другие русские мыслители в известном смысле разделяли точку зрения Чаадаева при обосновании идеи некапиталистического пути развития России к социализму.

Другим доказательством существования внутреннего единства русской философии является несомненное влияние идей А. И. Герцена на эстетический консерватизм К. Н. Леонтьева. Критика Герценом мещанской потребительской цивилизации Запада, выработавшей многие по-

роки, в том числе «веру в пантеизм всеобщей подачи голосов», оказала важнейшее стимулирующее воздействие на концепцию «триединого развития» Леонтьева (от первоначальной простоты к цветущей сложности и далее к упростительному смещению). Другая центральная идея Герцена, а именно его «русский социализм», созвучна идейным поискам Ф. М. Достоевского и была переосмыслена писателем в 60-е гг. с позиций почвенничества. Достоевский провозгласил иной «русский социализм», не атеистический и не коммунистический, а христианский. По его словам, «социализм народа русского» в том, что «он верит, что спасется лишь в конце концов всесветным единением во имя Христово» (Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. Т. 21. С. 19). Позднее, в XX в., идеи христианского социализма были развиты в творчестве С. Н. Булгакова (раннего периода), а также В. П. Свенцицкого, Ф. А. Степуна, Г. П. Федотова.

Однако наиболее разветвленным и идейно-многообразным течением социалистической мысли в России (немарксистской) оказалось направление, связанное с рецепцией европейского утопического социализма, учениями Ж. Ж. Руссо, К. А. Сен-Симона, Ш. Фурье, Б. Бауэра, Е. Дюринга, П. Ж. Прудона, Ф. Лассаля и др. В его развитии выстраивается традиция, восходящая к М. В. Буташевичу-Петрашевскому и кружку петрашевцев, В. Г. Белинскому, Н. Г. Чернышевскому, Н. А. Добролюбову, Н. В. Шелгунову, Н. А. и А. А. Серно-Соловьевичам и др. Завершает эту традицию народничество, наиболее крупное идейное течение русской философии, развивавшееся в течение более 40 лет. Многие философские идеи и концепции народников, особенно в области социальной и нравственной философии, получили всеобщее признание, например теория П. Л. Лаврова о долге интеллигенции перед народом. Народники одними из первых в Европе показали, что вся социальная теория должна строиться на личности, на «борьбе за индивидуальность» (Н. К. Михайловский), разработали ценностный подход к теории прогресса, показав, что движение к общественному идеалу определяется не степенью развитости экономической цивилизации, но уровнем нравственности, взаимной помощи и кооперации (П. А. Кропоткин). Значительные философские труды, характеризующиеся системностью и универсализмом, созданы в XIX в. В. С. Соловьевым.

В своем творчестве Соловьев решал многие ключевые проблемы философии, охватывающие онтологию, гносеологию, этику, эстетику, философию истории, социальную философию. Системность философии Соловьева – в её замысле: «Не бегать от мира, а преобразовать мир». Но, в отличие от К. Маркса, он понимал изменение мира не как его переустройство на новых, революционных основаниях, а как возвращение к основам христианской цивилизации, идеям античности, софийной традиции. При этом Соловьев активно использовал сочинения западных философов (Декарт, Спиноза, Кант, Шеллинг, Гегель, Конт, Шопенгауэр, Гартман). Его философия является синтезом «подпочвы» русской философии, восходящей к античному и христианскому Логосу с западноевропейским рационализмом Нового времени. Она воплощает собой непрерывающийся со времен Сковороды внутренний диалог между антично-христианским Логосом и новоевропейской рациональностью. Именно в этом содержательном диалоге, ставшем «внутренним вопросом» русской философии, представители религиозно-философского возрождения начала XX в. – В. В. Розанов, С. Н. Булгаков, П. А. Флоренский, В. Ф. Эрн, А. Ф. Лосев и др. – видели существенную оригинальность русской философии.

Наиболее значительные русские мыслители в XX в. сами выступали также в роли историков русской философии, создавая обобщающие сочинения, посвященные ее осмыслению и рассматривая русскую философию как свое «кровное дело», как предмет любви и национальной гордости (В. В. Зеньковский, Н. О. Лосский, С. Л. Франк, С. А. Левицкий, Н. А. Бердяев и др.). Вполне закономерно появление концепций оригинальности русской философии именно в начале XX в.

Развитие отечественной культуры в этот период, по определению видного американского исследователя России Дж. Биллингтона, было настоящим «культурным взрывом» и «изысканным пиршеством». Появляются различные неохристианские течения, среди которых выделяется «новое религиозное сознание», инициированное Д. С. Мережковским и З. Н. Гиппиус. К ним примкнули Н. А. Бердяев, В. В. Розанов, Н. М. Минский и др. В Петербурге в 1901–1903 гг. было организовано проведение Религиозно-философских собраний, на которых обсуждались темы духовной свободы, вопросы пола и брака, церковные догматы, проекты модернизации исторического христианства и т. п.

Особенно оригинальной частью русского религиозно-философского возрождения явилось созданное Н. Ф. Федоровым учение о преодолении смерти и воскрешении, названное «Философией общего дела». Федоровское учение, направленное на преодоление «небратского, неродственного, т. е. немирного, состояния мира», было высоко оценено его современниками – Ф. М. Достоевским и В. С. Соловьевым, а затем и многими видными деятелями русской культуры – А. М. Горьким, М. М. Пришвиным, А. П. Платоновым, В. В. Маяковским, В. Я. Брюсовым и др. Оно явилось существенным вкладом в мировую танатологию (иммортологию), т. е. в философскую разработку вопросов о смысле жизни и смерти.

Тема оригинальности русской философии связана также с религиозной философией русской идеи, основанной Ф. М. Достоевским и В. С. Соловьевым. Её проблематика, вопреки некоторым мнениям, вовсе не сводится к «философскому национализму». Жанр и философия русской идеи не чужды «национальной самокритике», которая понималась как необходимая часть глубокого изучения и преобразования России. Об этом многократно писал такой самобытный разработчик русской идеи, как В. В. Розанов: «Сам я постоянно ругаю русских. Даже почти только и делаю, что ругаю их». Однако, по Розанову, «может быть, народ наш и плох, но он – наш, наш народ, и это решает все. От “своего” куда уйти? Вне своего – чужое. Самым этим словом решается все» (Розанов В. В. Уединенное. М., 1990. С. 48, 127).

Одним из самых тонких аналитиков проблемы национального своеобразия русской философии был С. Л. Франк, разработавший концепцию «русского мировоззрения», изложенную в работах, посвященных философскому творчеству А. С. Пушкина, Ф. М. Достоевского, Ф. И. Тютчева, Н. В. Гоголя, В. С. Соловьева и др. Так же как Достоевский, Франк считал символом русской культуры творчество Пушкина. Идея духовного «самостояния» человека, по Франку, – это не только вершина и цель творчества, самовыражения поэта, но и указание на то, что он был также «убежденным почвенником» и имел собственную «философию почвенности». Пушкинская «любовь к родному пепелищу, любовь к отеческим гробам» иллюстрирует исконную онтологическую направленность русской философии, т. е. её коренную связь с родной жизнью. Беспрецедентные переломы российского бытия в XX в. не могли не отразиться и на состоянии философского сознания.

В 1922 г. многие известные философы и деятели культуры (Н. А. Бердяев, И. А. Ильин, Н. О. Лосский, С. Н. Булгаков, С. Л. Франк, П. А. Сорокин и др.) были высланы из Советской России. Наиболее полное освещение этой темы дано в издании «Высылка вместо расстрела. Депортация интеллигенции в документах ВЧК-ГПУ. 1921–1923. М.: Русский путь, 2005». За рубежом русские мыслители продолжали выступать как представители религиозной русской философии, которую невозможно было развивать в условиях гонений против религиозных деятелей, пролеткультовских тенденций в области культурной политики и неуклонно усиливавшегося идеологического диктата, не признававшего права на разномыслие даже внутри марксизма. Наиболее известным представителем русской философии за рубежом стал Н. А. Бердяев. Большинство его сочинений переведено на основные европейские, а также на некоторые восточные языки.

Философские труды Бердяева имеют и сегодня актуальное значение. Он был одним из тревожных провозвестников грядущей глобализации, критиком современной культуры, аналитиком всех главнейших явлений XX в. – капитализма и коммунизма, революций, мировых и гражданских войн. За рубежом Бердяев выступал как патриот, представитель русской культуры, противник русофобии. Его перу принадлежали глубокие исследования, посвященные многим представителям русской философии. Особенно велико значение его книги «Русская идея» (1946), оказавшей огромное влияние на формирование интереса к России у нескольких послевоенных поколений западных исследователей.

Недооценка роли и значения крепкого государства как основы существования России, свойственная многим русским мыслителям до 1917 г., сменилась в эмиграции на «государственнические» настроения. Крупнейшим государственным-монархистом был И. А. Ильин. Он не являлся сторонником простой реставрации самодержавия в его прежнем «дофевральском» состоянии, отстаивал идею «органической монархии», полагая, что сама русская жизнь со временем выработает нужную и более современную для монархии форму. Демократия, считал он, ссылаясь на опыт ряда западноевропейских стран, вполне сочетаема с монархией. Но формы демократии, пригодные для России, должны быть не импортированными, а присущими своей «органической демократии». Ильин выступал за реабилитацию ценностей народного консерватизма, русского национализма и патриотизма, понятых, однако, не как политико-идеологические, а как духовные явления. Будучи философом права, Ильин дал глубокую трактовку феномена тоталитаризма задолго до Ханны Арендт, считающейся на Западе классиком данной темы. Анализ тоталитаризма Ильиным – философский, а не политологический или социологический. Тоталитаризм определяется им как духовное подавление, как потеря «духовного достоинства народа».

В отличие от Ильина, стоявшего на «дореволюционной» точке зрения и считавшего, что вся русская культура «нереволюционна и дореволюционна», представители евразийства (Н. С. Трубецкой, П. Н. Савицкий, Г. В. Флоровский, П. П. Сувчинский, Г. В. Вернадский и др.) выступили в качестве выразителей «пореволюционного сознания». В противоположность тем мыслителям эмиграции, которые считали Октябрьскую революцию 1917 г. случайным явлением или «наказанием России за ее грехи», евразийцы доказывали ее закономерность. Октябрь знаменует собой завершение целого периода в русской истории, восходящего к началу европеизации России в эпоху реформ Петра I. С одной стороны, это завершение европеизации России, а с другой – ее «выпадение» из рамок европейского опыта. Это подтверждает, что Россия – это особая страна,

органически соединившая в себе элементы Востока и Запада. В рамках евразийства был высказан ряд перспективных идей, имеющих современное значение. Это целостный подход к осмыслению русской истории, без изъятий ее наиболее драматических периодов (нашествие Орды, русская революция). Важным достижением была также мысль о необходимости комплексного полидисциплинарного изучения России как своеобразного евразийского типа цивилизации и о создании новой теоретической дисциплины, которую евразийцы называли россиеведением.

Некоторое время после Октябрьской революции (до 1922 г.) философию в университетах продолжали преподавать старые кадры. Так, в Московском университете работали Н. А. Бердяев, Г. И. Челпанов, Ф. Ф. Березков, И. А. Ильин, Б. П. Вышеславцев. Высылка 1922 г. существенно сказалась на качестве преподавания и изучения философии, которое поначалу не «поднималось выше простой ликвидации философской безграмотности» (Павлов А. Т. Философия в Московском университете в послереволюционные годы. 1917–1941 // Философские науки. 2003. № 9. С. 107). Однако нет оснований утверждать, что философия в СССР (за исключением религиозных ее разновидностей) была в целом «подавлена». Хотя в советский период и произошел существенный разрыв с отечественными философскими традициями и наблюдался нигилизм по отношению ко многим (преимущественно религиозным) течениям русской философской мысли, все же философия продолжала существовать и развиваться. В довоенный период философская подготовка велась в Московском институте философии, литературе и истории (МИФЛИ). В 40-е гг. были воссозданы философские факультеты в Московском и Ленинградском университетах, где велось достаточно обширное преподавание истории философии, прежде всего, философии Античности, Средневековья и Нового времени. Начиная с 60-х гг. в СССР сложились новые философские дисциплины – философия науки, этика, эстетика, философская антропология и др. В свое время даже эмигрантские историки философии – В. В. Зеньковский, Н. О. Лосский, Б. В. Яковенко – при всем критическом отношении к советской философии все же включили соответствующие разделы в свои работы по истории русской философии. Характерно, что в 1931 г. в эмигрантском журнале «Путь» (№ 27) Н. А. Бердяев опубликовал рецензию (в целом положительную) на книгу В. Ф. Асмуса «Очерки истории диалектики в новой философии» (1929).

Русская философия в советский период впервые стала предметом университетского преподавания, однако судьба ее была сложной. Единственная в СССР кафедра истории русской философии в МГУ, образованная в 1943 г., в 1955 г. была переименована в кафедру истории философии народов СССР и просуществовала с таким названием до конца 80-х гг. Целью создания данной дисциплины была демонстрация разнообразных «национальных по форме» философских идей нерусских народов СССР, что отражало господствовавшую тогда политику «двойных стандартов» по отношению к национальным культурам. Национальные элиты союзных и автономных республик получали право легитимизировать в качестве философских и религиозные, и социально-политические, и литературные, а также мифологические, в т. ч. бесписьменные источники. К истолкованию русской философии применялась, напротив, процедура «зауживания», ограничивавшая ее содержание главным образом идеями, связанными с «освободительным движением», т. е. материализмом и социализмом (хотя отношение и к ним было весьма избирательным).

В постсоветский период истолкование предметной области истории русской философии претерпело существенные изменения. Прежние «зауживания» и ограничения ушли в прошлое, широкое распространение получили плюралистические версии русской философии, основанные на различных объяснительных моделях. Образованная Россия «повернулась лицом» к русской философии, и этот поворот произошел как раскрепощение философского сознания, как отвращение от застарелой партийности, как отказ от государственного воинствующего атеизма. Расширение предметного поля историографии русской философии, введение в сферу ее внимания неизвестных или забытых персоналий, к сожалению, имеет и свою оборотную сторону. Порой вместо «собирания в единство» огромного многообразия разных проявлений интегральной отечественной философской культуры разных эпох можно наблюдать ее насильственное «приведение к общему знаменателю», хотя философия может быть понята в разные эпохи по-разному, не только как история систем или как наука, но и как мудрость или как искусство. В этих случаях одни фрагменты целого русской философии объявляются ее главными достижениями, противопоставляются другим, оцениваемым в качестве второсортной, чуть ли не бессодержательной периферии. О рецидивах партийности, противоречащих современному взгляду на русскую мысль, см.: М. А. Маслин. Русская философия как диалог мировоззрений // Вопросы философии. 2013. № 1.

Наиболее ценное достижение научной историографии русской философии, развивающейся в современных условиях не только в России, но и за рубежом, на Западе и на Востоке, состоит в раскрытии ее *многообразия*, в чем видится одно из конкретных доказательств существенной оригинальности русской философской мысли.

В. В. Ванчугов. От истории всемирной философии – к русской

Как было сказано профессором М. А. Маслиным, первая книга, специально посвященная истории русской философии, была опубликована в 1840 г. в типографии Казанского университета. Она была написана архимандритом Гавриилом, профессором Казанского университета. Мне хотелось бы остановиться на обстоятельствах издания этой книги и на личности ее автора.

Архимандрит Гавриил (1795–1868) полтора десятка лет был тесно связан с Казанским университетом. В области философии «руководствами» для него первое время были сочинения Кизеветтера, Шульце, Меллингера, Тидемана, Буле, Риттера, Рейнгольда, но, следуя духу обновления, необходимо было братья за подготовку новых учебных пособий, и начал он с истории философии.

К началу XIX в. жанр «историй философских систем» нашими преподавателями был уже вполне освоен – на русский язык переведен ряд трудов европейских авторов, также появились публикации собственных опытов сочинений (хотя и немногочисленные), и потому у архимандрита Гавриила имелись предшественники, благодаря которым он шел проторенным путем. Но архимандрит Гавриил оказался первым, кто включил в свой труд по истории философии в качестве особого добавления тему истории русского любомудрия. Рассмотрим это «добавление» пристально, чтобы выделить основные элементы и приемы работы, выявить прямые и косвенные источники вдохновения, план и степень его реализации.

Первые девять параграфов книги выполняют роль введения, где автор декларирует свои установки: каждый народ имеет свой особенный характер и свою философию, более или менее наукообразную или, по крайней мере, рассеянную в преданиях, повестях, нравоучениях, стихотворениях и религии; влияние ума на всю человеческую деятельность русский народ выражает любимыми присловиями; также автор касается «древнерусского языческого богоучения», указывает на особенное внимание ко гласу разума и опыта, которое Россия проявила при избрании веры, затем на коренные основания русского мышления, которые не изменились, чему доказательством представляет и 1812 г., и Устав духовных академий 1814 г. Он показывает отличия нашей философии от философии прочих европейских народов, в частности, подчеркивает, что если схоластика Западной Европы произошла от изучения греческой и римской литературы, то русская философия обязана своим развитием духовенству, как русскому, так и греческому.

Большая же часть книги посвящена персоналиям, и в завершение дается перечисление литературы («Руководственными книгами для изучения философских наук, при критическом разборе, могут служить...»), где в примечаниях неожиданно появляются еще несколько особо рекомендованных автором мыслителей из современников, после чего следует обращение к читателям о присылке ему «материалов» – собственных биографий и выдержек из работ.

При отборе материала для «Русской философии» основное влияние оказывала не философия, а идеология, точнее, официальная позиция Министерства народного просвещения, «доктрина» Уварова, получившая у архимандрита Гавриила богословско-философское преломление, выраженное в форме нескольких «мифологем». Одна из них – «религиозность народа» как неизменное и исключительно положительное качество.

Развивая идею, что народы имеют особенный характер, архимандрит предлагает описание качеств, которыми они награждены от Создателя: «Если древний благочестивый Израиль, внимательный ко гласу своего Господа, представляет нам символ совести, изрекающей нравственные начала для нашей деятельности, то нынешний Израиль, пораженный проклятием закона, скитающийся и трясущийся, есть представитель совести смущенной, рабского страха к закону <...>. Грек есть как бы самая воплощенная изящная людскость. Рим <...> есть эгоизм, изображенный в лицах. Скандинав задумчив, угрюм. Германец – идеалист, чувствителен, неутомим в изысканиях и часто односторонен в построении умственных теорий, как, например, Беме, Кант, Фихте, Шеллинг, Гегель. Француз любезен, веселонравен, переимчив, склонен к удовольствиям и поверхностной изящности <...>».

В описываемые времена подобные суждения о «характерах народов» воспринимались как «точные» и достаточно обоснованные. Россиянин в изображении архимандрита Гавриила «богобоязлив, до бесконечности привержен к вере, престолу и отечеству, послушен, нерешителен и даже недеятелен там, где подозревает какое-либо зло от поспешности, трудолюбив, хитер, непобедим в терпении, рассудителен. По отношению же к любомудрию отличительный характер его мышления есть рационализм, соображаемый с опытом». Последнее положение доказывается им на примере пословиц. Влияние ума на человеческую деятельность наш народ выражает любимыми «присловиями», такими, как «Свой ум – царь в голове», «Хорош ум, а два лучше».

Русский человек требует, чтобы всякая теория совершенно была согласна с опытом, он «никогда, подобно Декарту» не принимал сомнение за начало философии, хотя и допускает «ис-

пытание истины», внушая себе и другим осторожность при затруднениях. Особенное внимание ко «гласу разума и опыта» показала Россия при избрании веры, и, приняв крещение, «русский ум покорился уму беспредельному», с тех пор любомудрие и установило для себя новый закон: «Рационализм, соображаемый с опытом, поверять через откровение», от чего оно никогда с тех пор не отступало.

Верность своей характеристики «русского мышления» автор обосновывает «избранными местами русских философов», то есть историей отечественной философии, насчитывающей не менее семи столетий, поскольку любомудрие в отечестве начинается (для архимандрита) с принятия христианства. Потому философия у нас «одолжена своим развитием духовенству русскому и частью грекам, первоначально занимавшим высшие места в русской иерархии». С их помощью мы полюбили Платона, в то время как Запад, олицетворяемый Римом, «похитивший у Византии ее книжные сокровища и принявший бегущих от турок греков», предпочел «диалектические тонкости» Аристотеля, вследствие чего увлекся схоластикой, этой формальной видимостью разыскания истины. Но даже в предшествующих народных верованиях архимандрит Гавриил нашел основания для национальной гордости, поскольку языческое богоучение славян было «совсем чуждо тех между богами пиров, тех распрей, тех пороков, тех отвратительных картин, каковыми, например, преисполнена мифология греков и каковые безобразят самое человечество». Одним словом, даже язычество наше было чище, чем у греков.

«Русская философия» в версии архимандрита Гавриила изобилует церковными иерархами. Но были в ней и светские лица – перед читателями «Русской философии» чинно проходят ученые люди: Дмитрий Сергеевич Аничков, профессор логики, метафизики и чистой математики; Андрей Михайлович Брянцев, профессор философии; Данило Велланский, Александр Галич – последователи Шеллинга; Гавриил Солнцев, философ-юрист, на изложение учения которого автор не пожалел 14 страниц. Из мыслителей, чья принадлежность к философии мало у кого вызывала в то время сомнение, мы находим еще (хотя лишь в пространственных примечаниях) Лубкина, Надежина, Карпова, Сидонского, Сбоева и Кедрова. А вот своих академических наставников Кутневича и Голубинского он упоминает только в разделе рекомендуемых учебных пособий как авторов «записок по классам философских наук».

Также в число русских любомудров попали иностранцы. Речь идет о немце Иоанне Феофиле Буле (прожившем в России 10 лет), с 1804 по 1811 г. занимавшем кафедру философии в Московском университете. Вошел также в это число католик Адам Андреевич Фишер, ординарный профессор Петербургского университета в 1832 г., после восшествия на должность министра Уварова в начале своего курса заявивший, что основания философии суть священное уважение к религии, непоколебимая верность к монарху и безусловное повиновение существующим законам.

Очевиден в «Русской философии» архимандрита Гавриила перенос в прошлое установок настоящего, обусловливаемого целиком и полностью пожеланиями начальства, занятого спасением Отечества посредством правильно организованного Министерства народного просвещения.

У книги архимандрита много недостатков: компилятивность, диспропорции в объеме при представлении персоналий (чему причиной – где чрезмерное рвение по службе церковной и учебной, а где и банальная нерадивость), присутствие третьестепенных лиц, в то время как нет безусловно значимых для философии мыслителей; присутствует сумбурность изложения и размытость формулировок; невнятная методология, чрезмерное усердие в следовании «духу времени», проявившееся в буквальном исполнении предписаний начальства из Министерства народного просвещения. И все же в его защиту можно сказать, что другие вообще ничего не могли предложить соотечественникам, даже фантазий на эту тему в эпистолярном жанре. Архимандрит Гавриил был единственным, кто взялся за написание истории философии в России, завершив ею четырехтомный курс всеобщей истории философии (плюс еще одно приложение по «Восточной философии»).

За неимением навыков в научной работе и совершенным отсутствием примеров отечественной историографии русской философии, из-за его перегруженности академической работой, ведущей к «разбросанности мыслей», труд получился скорее доксографическим, чем историко-философским. «Русская философия» как книга получилась эклектической, местами наивной, схематичной, официозной, тенденциозной, одиозной. Однако он был первым, кто сделал подобную работу, не только фигурально выражаясь, богоугодную, но и полезную для философии.

Т. Г. Щедрина, Б. И. Пружинин. Русская философия как культурно-исторический феномен: проблема целостности*

В докладе М. А. Маслина помимо прочих важных сюжетов затронута одна чрезвычайно актуальная, а на наш взгляд, центральная для современной русской философии тема – тема целостности отечественной философии как феномена русской культуры. Заметим сразу, говоря о русской философии и философах, мы имеем в виду творчество тех мыслителей, которые размышляли о философских проблемах на русском языке и благодаря этому были укоренены в русской культуре. Их судьбы складывались очень по-разному, они могли жить в России и не в России, они могли писать свои работы на русском и не на русском языке, они могли интересоваться и исследовать самые разные философские сюжеты, они могли разрабатывать самые различные тенденции мировой философии... Но именно родной язык пронизывал их размышления и определял их идейные горизонты. Конечно же, отнюдь не только через язык они впитывали в себя отечественную культуру во всей ее полноте, но именно через родной язык они реализовывали ее потенциал в своих поисках. Ведь речь идет о философах. Это, во-первых.

И еще одно предваряющее замечание, во-вторых. Очевидно, что тема целостности русской философской мысли (особенно XX в.) требует очень серьезной концептуальной и исторической проработки. Это чрезвычайно масштабная задача. В данном случае речь у нас пойдет лишь о некоторых характеристиках этой целостности, и опираться мы будем не столько на концептуальные построения и широкие историко-философские изыскания, сколько на опыт одного конкретного издания, к подготовке которого мы имеем отношение. Однако издания весьма масштабного. Программа этого издания, посвященного философии России XX в., предполагает публикацию серии из 60 т. У нас речь пойдет об опыте издания уже вышедших 42 т. Опыт работы над томами этой серии очень многое показал в плане именно целостности русской философии.

Сначала, о характере издания. Каждый том посвящен одному или нескольким философам XX в. В них публикуются работы современных отечественных и зарубежных авторов, в которых анализируется творчество этих философов и выявляются актуализирующие их творчество культурные и социальные контексты. Сначала был издан 21 том по философии России второй половины XX в., потом приступили к работе и изданию томов о философах первой половины века. Отчасти забегаю вперед, хочу сказать, что мы включились в эту работу позднее, когда был уже сформирован список книг, так сказать, по второй части серии. Теперь об опыте работы.

Тома о философах второй половины XX в. (собственно, о советском периоде в истории русской философии) готовились под общей редакцией Владислава Александровича Лекторского. Он был главным редактором журнала «Вопросы философии», и когда один из авторов этой статьи сменил его на этом посту, то он продолжил работу и по серии. Но то, что эта работа велась в связи с журналом, отнюдь не случайно. В самом начале 1990-х журнал «Вопросы философии» первым в стране начал издавать в рамках серии «Из истории отечественной философской мысли» книги прежде запретных русских философов. При этом у сотрудников журнала, готовивших эти книги, возникали очень интересные переживания. О русской философии говорят, что это «прерванный полет». Метафора действительно очень точная, но она многослойная, и вот слой за слоем эту метафору мы проживали.

Когда в начале 1990-х началась реализация проекта «Из истории отечественной философской мысли», казалось, что вот сейчас мы Струве издадим, вот сейчас мы Бердяева издадим, и нам всё станет ясно – они нам объяснят, как философия сегодня, в эпоху крутых социально-экономических изменений должна выполнять свои функции, они объяснят это всем, и страна будет жить этими идеями. Между тем все более настойчиво приходило ощущение разрыва, ощущение несотнесенности их идей с новой реальностью. Философы первой половины XX в. отвечали на вопросы, которые им ставила их реальность, а мы сталкивались со своей. Все оказалось куда сложнее, чем это виделось нам первоначально. Извлеченные из перепечатанных работ идеи как бы парили над временем. Тогда мы обратились к более консервативным философам – Самарина стали издавать, Ильина стали издавать. Опять думали: «ну, вот», и опять не совсем то, и опять не совсем так. Мы все острее ощущали разрыв, внеисторическую абстрактность их текстов. Ведь когда начинали издавать, было такое чувство, что мы сейчас разрыв в культуре преодолеем и «прерванный полет» продолжим. Не получалось. Переиздание без истории оказалось не возрождением, а воспроизведением. Вот тогда стало понятно, что нужна серьезная комментаторская работа, и стали появляться работы историков русской философии, которые начали выяснять, что, собственно,

* Доклад подготовлен при финансовой поддержке гранта РГНФ. Проект № 13-03-00336.

русские философы первой половины XX в. хотели сказать в их историческом контексте. Соответственно, и мы перестали искать в них прямые ответы на наши вопросы.

Но, как мы поняли позднее, эта работа историков русской философии является хотя и обязательным, но лишь одним из условий актуализации идей. Другое условие (для многих до сих пор, к сожалению, не очевидное) выявило издание томов о философах, которые работали в советское время (о настоящих философах, а не о работниках идеологического фронта). Именно это издание и восстановило (восстановило отчасти, в какой-то степени, естественно) исторический пробел, отделявший нас от русских философов начала XX в. Можно как угодно оценивать то, что было сделано в этот советский период. Оценки только начинают определяться, работа только начинается, мы еще очень смутно себе представляем, что было сделано В. Асмусом, М. Бахтиным, Э. Ильенковым, Г. Батищевым, В. Смирновым и др. Но анализ их работ уже ясно показал, что всегда сохранялась преемственная живая связь в русской философской мысли, иногда утончающаяся, почти невидимая, но была, была даже в самые глухие времена, и её надо ясно осознавать, чтобы понимать свое настоящее.

И после того как был издан 21 том о русских философах второй половины XX в., открылась перспектива (скорее, ретроспектива) вновь обратиться к первой половине прошлого века, но уже не столько с задачей издания трудов тогдашних философов, сколько с задачей исследовательской. К 2000-м гг. задача издания основных трудов этих философов была уже во многом решена, и движение назад в историю следовало продолжить, чтобы ответить на вопрос: как мы сегодня их понимаем? Началось издание томов серии «Русская философия первой половины XX века», томов, содержащих в себе исследования не позднее 2000-х гг. И вопросы, которые напрямую ставятся перед редакторами-составителями томов: «Зачем нам нужны эти мыслители прошлого века? В чем актуальность их идей? Зачем нам сегодня нужны Бердяев и Ильин? О чем мы их сегодня можем спросить?» На сегодняшний день издано уже 20 томов этой серии. Планируется еще 20. И это не предел. Скажем, в Казахстане в ходе презентации томов серии в Евразийском национальном университете имени Л. Н. Гумилёва возник вопрос: «Почему нет тома о Гумилеве?» А затем на презентации тома о Карсавине в Доме историков русской философии (им. А. Ф. Лосева) опять возник этот вопрос, но уже в контексте подготовки тома о евразийцах, где и Гумилев с его идеями мог бы быть представлен. Кстати, размышляли и том, куда относить эту книгу – к первой половине XX в. или ко второй? По хронологическому принципу, которого мы старались придерживаться, раздел о Гумилеве надо было публиковать в рамках серии о «второй половине XX века», а раздел о евразийцах – отнести к «первой...». Однако жесткий хронологический принцип не приложим, когда мы начинаем восстанавливать ткань истории русской философии как целостного культурно-исторического феномена. Эта целостность также проявилась и в том, например, что такие фигуры, как М. Бахтин, А. Лосев, представлены в рамках «второй половины XX века». С. Рубинштейн появляется как самостоятельная фигура в рамках «второй половины...», но его идеи 1920-х гг. обсуждаются в томе «Философская психология» в рамках серии о «первой половине». Примеры можно продолжать, и все они свидетельствуют о хронологической условности деления русской философии XX в. на «первую» и «вторую» половины. Ведь реальная работа над томами подводит нас к мысли о том, что между русскими философами XX в. существует неразрывная временная связь (они находятся в одном культурно-историческом хронотопе).

Об опыте работы над этой частью серии мы и хотим здесь сказать. Очевидно, что серия является «мегапроектом» и как раз это обстоятельство делает буквально наглядным единство нашего нынешнего сообщества историков русской философии, а через него – целостность русской философии как культурно-исторического феномена. Например, презентация тома о Карсавине в «Доме Лосева» – вполне ожидаема, но там же обсуждали книгу о Кропоткине. И это не случайно, потому что очень многие авторы пишут то об одном персонаже, то о другом, то для одного тома, то для другого. А тома разные очень, как и позиции авторов статей. Однако эта разность не мешает нам понимать друг друга; и когда мы проблематизируем русскую философию XX в., у нас возникает ощущение ее целостности. Она не вся лишь «религиозная», нет. Это ведь когда по персоналиям работали, её по понятным причинам фрагментировали, а иногда и просто растаскивали. Ведь надо же было лет за десять восстановить то, что в Европе, скажем, веками делалось, и это требовало специализации. Специалисты делились по сферам, и каждый считал, что его сфера самая важная... Нам это приходилось слышать: а что – Яковенко? Или Шпет? Это так, западные влияния... Но когда мы начали работать с авторами серии, редактировать статьи, а затем презентовать вышедшие тома, стало ясно: философия русская – единая, растущая из одного культурного основания. Это очень явно проступает в ее тематическом единстве. Русских философов, весьма различных по своим идейным предпочтениям, привлекают близкие, созвучные, перекликающиеся сюжеты. Что общего, например, у Густава Шпета и Павла Флоренского? Подготовлен-

ные тома показывают – семиотика, которая, кстати, через Якобсона попала на Запад, а затем во многом благодаря Лотману вернулась в Россию. Аналогичные тематические связи можно проследить и еще в ряде областей, в том числе и в весьма неожиданных, на первый взгляд, – в эпистемологии например. А в основе их интеллектуального созвучия лежит, как показывает опять же опыт работы над серией, интерес русских философов к теме общения, к разговору как форме общения, к стилю философствования... Что через призму нашей работы по серии оборачивается акцентацией личной стороны философского творчества.

И мы стали целенаправленно работать над разделами, восстанавливающими личные судьбы и отношения между философами. Ведь философия не может быть безличностной. Без этого остаются просто схемы какие-то абстрактные, «засушенные» идеи, непонятно как связанные с реальной жизнью... Казалось бы, античные греки уже все сказали... И нет смысла все это просто повторять снова и снова. Между тем история философской мысли очень ярко демонстрирует: свой смысл и свое культурное оправдание, свою историческую жизнь философские идеи обретают через судьбы людей, посвящающих себя философии. Через личные судьбы эти идеи вплетаются в судьбы эпох, в исторические судьбы и там обретают свой полноценный смысл, свое достоинство. Русская философия в XX в. прошла через целый ряд эпохальных переворотов и разрывов. Поэтому в русской философии XX в. много белых пятен также и на уровне личных судеб. Сфера общения русских философов разрушалась неоднократно. А ведь для русской философии наличие такой сферы – не просто производственная необходимость коммуникаций, но отличительная, содержательная черта. И если мы хотим сохранить целостность русской философии, то должны вести работу по восстановлению хроники жизни мыслителей, уточнению их биографий (вплоть до мест их захоронений), что позволит нам сделать зримой их «сферу разговора».

И еще. Сегодня мы очень часто слышим о новой «русской идее», что, мол, философы ее должны нам снова сформулировать. Мы полагаем, что эта идея не является продуктом заказа, она – результат усиленной работы, которую каждый из нас ведет ежедневно в аудитории, за письменным столом, в архивах, на круглых столах, конференциях и иных обсуждениях.

Приложение

Как мы собирали материал для тома «Логико-гносеологическое направление в России первой половины XX века»

Михаил Иванович Каринский

Очень трудно было найти хорошие фотографии М. И. Каринского. Но нам хотелось все-таки, чтобы хроника, которая представлена в каждой книге, перекликалась с фотографиями. Мы хотим сказать огромное спасибо правнучке М. И. Каринского Алене Васильевой. Она прислала фотографии Михаила Ивановича, его семьи и фото своей картины «Семейные реликвии».

М. И. Каринский

И мы хотим сказать спасибо нашим коллегам из Вятки, потому что они пошли в Государственный архив Кировской области, взяли письмо С. П. Луппова, внука Каринского (упоминание о нем Татьяна Геннадьевна обнаружила через Интернет), и нашли (жаль, что не место захоронения) место, где могла бы находиться могила Каринского.

С. П. Луппов писал: «Мой дед М. И. Каринский умер в деревне Большая Субботиха, где на даче жили семьи Лупповых и Каринских. Гроб был торжественно перевезен в Трифонов монастырь, где М. И. Каринский и был похоронен (в письме дается чертеж места могилы). С надгробной речью выступил священник Люперсольский» (из письма С. П. Луппова к Е. Д. Петряеву от 1 июня 1976 г.).

Из переписки Т. Г. Щедриной с вятскими исследователями и фотографии предполагаемого захоронения Каринского

Письмо кандидата исторических наук Елены Витальевны Кустовой

Татьяна Геннадьевна, добрый день!

Высылаю фото церкви, против которой, как я полагаю, и был похоронен Каринский, примерно в том месте, где лежат шины.

С уважением, Е. В. Кустова.

Письмо доктора философских наук Елены Анатольевны Счастливецовой к Т. Г. Щедриной об архивных поисках захоронения Каринского

Татьяна Геннадьевна, добрый вечер! Сегодня с Алешей ходили фотографировать предполагаемое место могилы. Мы живем в старой Вятке. Документ я копировала в архиве, это письмо Луппова Петряеву с планом могилы. Оно на фото. Фотографии самих предполагаемых церквей, может быть, не совсем удачны, потому что сложно разобраться, в какой именно церкви находился спортивный зал, о

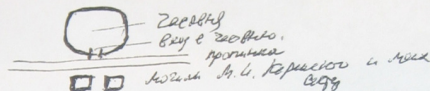
котором говорит Луппов. Есть несколько версий. Дело в том, что кладбище находилось на довольно обширной территории монастыря, огибая его вокруг. Сами церковные строения монастыря все сохранились в целости и сохранности, как утверждают краеведы. Заводов на территории монастыря тоже было много. Один из них – бараночно-сухарный – как раз находился в самой Благовещенской церкви (на снимке с синей крышей). Поэтому мы его и сфотографировали. Она расположена ближе к главному Успенскому собору (на фото с большими куполами) перед колокольней (на одном из снимков она видна слева, но частично). Колокольня реставрирована, а в Благовещенской церкви сейчас идут реставрационные работы. Тот храм (маленькая церквушка, о которой, наверное, и упоминает Луппов – предполагаемый спортивный зал), снимок которого и выслала Елена Витальевна (мы его сфотографировали слева от входа), находится несколько в отдалении от Главного собора монастыря. Но кладбище было и там. Так что нужно подумать. Если бы кладбище располагалось там, где сейчас находятся сгруппированные надгробия памятников, то можно было бы подумать, что выйти из зала и увидеть могилы можно, если этот зал находился в Благовещенской церкви, ведь ее вход как раз находится напротив этих надгробий. Но краеведы (в частности, А. А. Хохлов) утверждают, что это не настоящее место кладбища. Так что там искать могилу Каринского бесполезно. С другой стороны, там тоже были захоронения. Захоронения были справа от входа в Успенский. Обе церкви как раз и находятся справа друг напротив друга, так что мы, по сути, высылаем территорию внутреннего огороженного двора между ними.

Здравствуйте, 1 июля 1976 г.
 Дорогой Евгений Дмитриевич!
 Ваше письмо мне перевалило из Ленинграда в Москву, где я как обычно в отпуске до 12 июля. Я пока раз. Это в кафе Козмодемьянской монастыря по поводу установки памятника А. С. Каринскому и М. И. Каринскому. Вопрос был бы, чтобы была некая установка памятника усадьбе А. С. Каринского (рублики упрямый краевед). Но кажется М. И. Каринский, до его убитого детства хорошо известен, правда в книге он мне никак не встречался как один из них.
 Когда М. И. Каринский умер, мне только 7 лет, но я хорошо помню подробности. Каринский умер в деревне Б. Слободка (в нескольких километрах от Вятки, за рекой). Там же недалеко в это лето была каменная дача (Лужинская и Каринская). Там был прекрасный пейзаж и в старинном монастыре, где и похоронен. Дядя М. И. Каринский (моя мать и дядя) навестил ~~еще~~ со своим катком приехали родители и бабушка. Там были в том же здании еда, а там и был памятник, после того как был установлен. Такими образом, как бы не сопоставить с тем, что не сказать уверен, но кажется, что там из инвентаризации дачи.
 Там же о месте смерти. В прошлом году перед съездом в Москву был маленький отчет о работе. В 1966 г. таме упрямый аспиркант ее с каменным алтарем там и упрямый, вперед из

Фотография письма С. П. Луппова
 (внука М. И. Каринского)
 с указанием места захоронения М. И. Каринского.
 1976 г. ГАКО (Государственный архив Кировской области). Ф. Р-139.
 Страница 1.

Здравствуйте, 1 июля 1976 г.
 Дорогой Евгений Дмитриевич!
 Ваше письмо мне перевалило из Ленинграда в Москву, где я как обычно в отпуске до 12 июля. Я пока раз. Это в кафе Козмодемьянской монастыря по поводу установки памятника А. С. Каринскому и М. И. Каринскому. Вопрос был бы, чтобы была некая установка памятника усадьбе А. С. Каринского (рублики упрямый краевед). Но кажется М. И. Каринский, до его убитого детства хорошо известен, правда в книге он мне никак не встречался как один из них.
 Когда М. И. Каринский умер, мне только 7 лет, но я хорошо помню подробности. Каринский умер в деревне Б. Слободка (в нескольких километрах от Вятки, за рекой). Там же недалеко в это лето была каменная дача (Лужинская и Каринская). Там был прекрасный пейзаж и в старинном монастыре, где и похоронен. Дядя М. И. Каринский (моя мать и дядя) навестил ~~еще~~ со своим катком приехали родители и бабушка. Там были в том же здании еда, а там и был памятник, после того как был установлен. Такими образом, как бы не сопоставить с тем, что не сказать уверен, но кажется, что там из инвентаризации дачи.
 Там же о месте смерти. В прошлом году перед съездом в Москву был маленький отчет о работе. В 1966 г. таме упрямый аспиркант ее с каменным алтарем там и упрямый, вперед из

Здравствуйте, как я говорил, на этом месте был памятник какой-то дачи. Но я думаю, если бы памятник там установили по плану. Но кажется, что памятник похоронен, то я думаю, что так как памятник уже не найти - все прошло с того времени около 60 лет! Там же, где с каменным памятником, то же самое сейчас евангельская часовня. Но она, кажется, далеко уже от дачи.
 Вот по какому, то я могу вас убедить. Не знаю, убедит ли это все.
 Как вы думаете, там же памятник? Когда вы будете в Ленинград? Если будет у вас, сообщите. Буду рад вас видеть. Я, кажется, все время буду в Ленинграде, кроме августа и, может быть, каких-то дней июля.
 И еще один вопрос (вопрос, как сказать, "не знаю как") не скажите ли краеведом Козмодемьянском районе Вятке об известном месте П. П. Луппова?
 С. Луппов

Фотография письма С. П. Луппова
 (внука М. И. Каринского)
 с указанием места захоронения М. И. Каринского.
 1976 г. ГАКО (Государственный архив Кировской области). Ф. Р-139.
 Страница 2.

Письмо профессора Михаила Ивановича Ненашева к Б. И. Пружинину

Борис Исаевич! Двигимый лучшими чувствами, я съездил в Трифонов монастырь и сделал несколько снимков монастыря и кладбища. Посылаю то, что, как мне кажется, наиболее Вам подойдет.

Кстати, в Интернете можно в Википедии увидеть монастырь с птичьего полета, и вообще, более официальные снимки.

С уважением, проф. М. И. Ненашев

Трифонов монастырь. Фото М. И. Ненашева

Трифонов монастырь. Фото М. И. Ненашева

Владимир Николаевич Ивановский

В. Н. Ивановский участвовал в работе Первого философского конгресса, выступал с докладом на французском языке. Работал вместе с А. Лаландом над известным философским словарем. Собирал материалы по истории философской терминологии. Занимался методологическими исследованиями. Дружил с Вячеславом Ивановым, переписывался с ним, писал стихи, которые посвящал Иванову.

Владимир Николаевич Ивановский.

Фото предоставлено профессором Петром Васильевичем Алексеевым, который долгое время общался с дочерьми Ивановского

Но мы об Ивановском-философе очень мало знаем, и его больше знают психологи. Антонина Николаевна Ждан занималась его интеллектуальной биографией, она работала с его архивом, который дочери оставили в Центральном московском архиве-музее личных собраний. Очень трудно было найти его захоронение, но наши студенты нашли. Они серьезно работают над изданием этой серии: вычитывают тексты, исправляют сноски, проверяют цитаты, приводят в порядок тома перед сдачей в издательство.

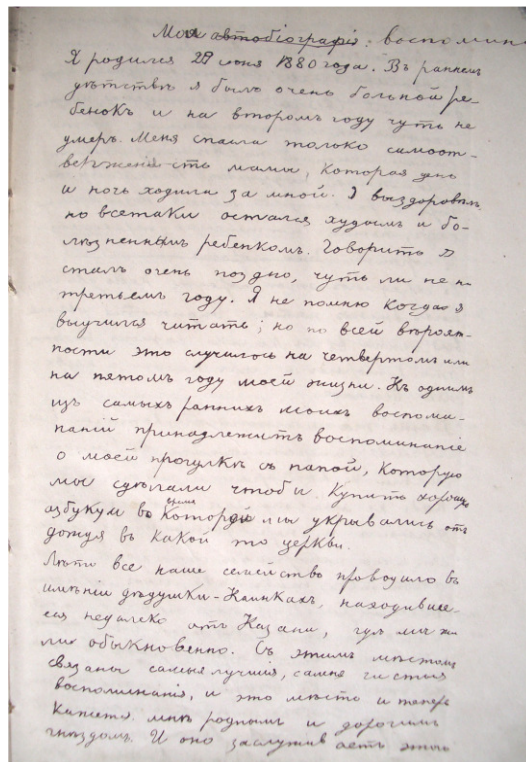

Рустам Сабанчев, студент IV курса философского факультета ГАУГН, рядом с надгробием В. Н. Ивановского. Осень 2012 г.

Николай Александрович Васильев

С архивом Николая Васильева основательно работал профессор, редактор тома «Логико-гносеологическое направление в России первой половины XX века» Валентин Александрович Бажанов. Он нашел дневник Васильева в сарае, рядом с домом, где тот жил.

Дневник Николая Васильева

А ведь это логик на уровне Римана, на уровне Лобачевского. Это фигура колоссальная на самом-то деле. А сегодня дневники находим в сараях, ну как так!.. То же самое и с Ивановским, потому что хоть дочери и оставили описание, где искать захоронение, но за могилой никто не ухаживает, дочери умерли, и всё оборвалось. Сегодня наши студенты за ней присматривают.

С. А. Нижников. Проект русской «метафизики веры»

Михаил Александрович Маслин блестяще показал единство развития русской философии во всем ее многообразии, описал вехи этого пути. При этом хотелось бы добавить, что «русская философия», так, как она сейчас понимается, не покрывает собой понятия «философия в России», которая богаче и многообразнее, включает в себя фундаментальные исследования восточных философий – китайской, индийской, арабо-мусульманской, латиноамериканской и др. В России сложились целые философские и историко-философские школы, имеющие уже более чем вековую историю. И так как эти школы существуют и развиваются в России и на основе русской культуры, то можно сказать, что это тоже варианты развития русской философии и истории философии по изучению иных духовных миров. Нас еще ждут замечательные синтезы мысли Запада и Востока на этой основе. Россия и русская мысль – это место встречи культур Запада и Востока, и отечественные мыслители, особенно это характерно для XX и начавшегося XXI в., синтезируют это многообразие философских и духовных течений и достижений.

Подчеркивая это многообразие как специфическую черту, следует отметить, что и внутри собственно того, что называется «русской философией», есть свои внутренние синтезы Запада и Востока, но уже, по сути – европейского: античного *логоса* и западноевропейского *рацио*. И в этом отношении русская философия также впитала в себя разнородные духовные и интеллектуальные влияния, стремясь достичь синтеза. Основных таких влияний было три: восточнохристианская духовная традиция, новоевропейский рационализм и западная пантеистическая мистика. В зависимости от того, какая традиция оказывала на того или иного мыслителя большее влияние, определялись и его философское мировоззрение, метод построения философии и само ее понимание.

Но в любом случае и в той или иной мере, – если мы берем то течение, которое определяется как «русская религиозная философия» (а лучше говорить – «отечественная метафизика»), – в лоне этой традиции осуществлялся проект построения «метафизики веры» во всем многообразии ее вариаций, которые создавал фактически каждый из отечественных метафизиков. Метафизика веры несводима ни к религии, ни к науке, ни к мистике: от религии она может отличаться свободой от многих предзаданных положений, что объясняется ее философским основанием, от науки – трансцендентным предметом и умозрительным методом познания, от мистики – теоретической доказательностью своих суждений и несовместимостью ни с какими мифологическими или суеверными представлениями. Метафизика веры в этой связи определяется как *духовная философия*, ибо ее предметом является духовное познание, осуществляемое посредством *веры* и закрепляемое в философском дискурсе. Метафизика веры, в этом смысле, есть тот «просвет бытия», в который призван экзистировать человек, т. е. приобщать к реальной, осмысленной духовной жизни.

Таким образом, метафизика веры представляет собой особого рода гносис, духовное познание, стремящееся изъяснить определенный опыт самопознания. Именно вера наполняет метафизику аксиологической тематикой, задает ей ценностные ориентиры. Связав истину (метафизику) и веру (ценность), мы получаем метафизику веры как действительный способ познания и обоснования морали.

Для метафизики веры теория познания не является полицейской наукой (С. Л. Франк), ограничивающей возможности познания, она также тесно связана с онтологией. Метафизика веры в России исходит из следующих установок: в ней не религия вытекает из морали, но мораль возможна лишь на метафизической основе, не свобода является альфой и омегой возможности идеи Абсолюта и бытия нравственности, но вера впервые порождает как свободу, так и нравственность. Европейское мышление, доверившись всецело Канту, перестало притязать на анализ веры, оставило попытки познать непостижимое. Русская философия, напротив, не оставляла этих попыток: она не изменила философской метафизике и сохранила гносис, т. е. она шла по пути выработки метафизики веры.

В русской философии при построении метафизики веры образовалось несколько версий: одна из них – платоническая, представленная именами, прежде всего, П. Флоренского, А. Ф. Лосева, Л. А. Гоготышвили; другая – антиплатоническая, представленная В. Н. Лосским, А. И. Сидоровым и С. С. Хоружим. Оба направления стремятся отталкиваться от традиции исихазма и борются за его адекватное отражение и развитие в философском дискурсе. Но есть направления, которые платонизируют христианство в отрыве от исихазма, стремясь использовать западноевропейскую мистику. Это – С. Л. Франк и Н. А. Бердяев.

Рассматривая гносеологический аспект метафизики веры, можно выделить три принципиальных взгляда на соотношение веры и знания: 1) их объединяющий; 2) их противопоставляющий (антиномический); 3) апофатический («ученое незнание»). К первым можно отнести Вл. Соловьева, С. Н. Трубецкого и др., к вторым – П. Флоренского, С. Булгакова и Л. Шестова, а к

третьим – С. Л. Франка, В. И. Несмелова и А. Ф. Лосева. Однако, например, Е. Трубецкой и Л. Шестов в разные периоды жизни занимали различные позиции относительно соотношения веры и знания, эволюционируя от антиномизма к единству, особенно Е. Трубецкой. Также и Франк, начиная с непостижимого как объекта веры и апофатизма, пришел к всецелому знанию. С другой стороны, если Вл. Соловьев в рамках разрабатываемой им философии всеединства стремился осуществить синтез знания научного, философского и веры, то Несмелов, напротив, стремился установить принципиальную разницу между научным знанием и верой.

Понимание соотношения веры и знания зависит от общих мировоззренческих установок и приоритетов того или иного мыслителя. Так, онтологические корни полного единства веры и знания лежат в пантеизме и панентеизме [3]: как нет принципиального различия между Богом и миром, так же нет его и между знанием и верой. Однако и крайний тертуллиановский фидеизм, развиваемый, например, Л. Шестовым и ранним П. Флоренским, также подрывает гносеологическую основу метафизики веры. С резкой критикой фидеизма Шестова выступил С. Булгаков. Между тем именно в творчестве Шестова вскрыта специфика веры в ее несводимости к разуму, глубоко осознано ее своеобразие. Тем не менее в русской философии, за редчайшими исключениями, нет ни абсолютного объединения веры и знания, ни абсолютного их противопоставления. Через тезис и антитезис она шла к «золотой середине» данного соотношения, с большим трудом, заблуждаясь и пытаясь вновь обрести истину, вырабатывала гносеологическую основу для метафизики веры.

Касаясь антропологического аспекта метафизики веры, нужно отметить, что русская философия во многом отталкивалась от византийского исихастского антропологического опыта. Дальнейшее развитие духовной антропологии шло в русской философии различными путями. Если Бердяев полагал антропологию восточного христианства неразвитой и стремился ликвидировать этот недостаток разработкой своей антропологии через творчество, то Несмелов, напротив, исходил сугубо из религиозно-духовного опыта, разрабатывая на этой основе собственную антропологию. Кроме того, существенно по-разному Несмелов и Бердяев трактовали свободу: у первого она исходит из абсолюта и возможна лишь благодаря ему, у второго трактовка свободы доходит до отождествления с необходимостью, против чего категорически высказывался Бердяев.

Как и отмечали (несмотря на все свои разногласия) Н. Бердяев, С. Франк, В. Несмелов, духовная антропология должна органически вырастать из метафизики веры, базирующейся на понятии сущности человека, характеристиками которой являются личностность, свобода и способность к творчеству. Проблема личности занимала также важное место в «христианской антропологии» В. В. Зеньковского. С. С. Хоружий стремится, используя исихастский опыт, развернуть аутентичный ему философский дискурс, рассмотреть проблемы духовной антропологии.

В целом русская метафизическая мысль утверждает субстанциальность Я в противовес Юму и Канту; персонализм – в противовес Гегелю; духовное происхождение личности – в отличие от Фейербаха. Метафизика веры, таким образом, представляет собой духовную антропологию, ибо сущность человека, развертывающаяся в процессе духовного самопознания, идет по пути созидания личности. Этот процесс является высшим видом духовного творчества, где человек творит не нечто чуждое себе или нечто вспомогательное для своего существования, но саму свою сущность.

В то же время необходимо констатировать, что проблема метафизики веры не получила завершенного вида в русской философии. Да и можно ли решить вечные философские вопросы? Важно то, что по мере выработки метафизики веры открылись перспективы дальнейшего развития (софиология, имяславие, эсхатологическая историософия, персонализм и др.). Парадоксально, но факт: уже в начале своего классического развития русский идеализм оказался созвучным современным западным веяниям, что говорит если не о единстве, то параллелизме историко-философского процесса в европейском масштабе, в этом контексте вполне можно сравнить творчество Л. С. Франка и М. Хайдеггера.

Л. Р. Авдеева. Вечные темы русской философии. Закон и благодать

В докладе профессора М. А. Маслина сказано, что началом и образцом средневековой русской философской мысли является «Слово о законе и благодати» киевского митрополита Илариона. Мне бы хотелось остановиться на этой важной фигуре русской философской мысли.

«Слово о законе и благодати» в идейном плане восходит к сочинениям «отцов церкви» IV–V вв., в частности к Гр. Нисскому, развивавшему учение об эсхатологическом милосердии. Библейский рассказ об Аврааме, Сарре, Агари и их детях, Измаиле и Исааке, становится сюжетной канвой для Илариона, предложившего четырехступенчатый вариант человеческой истории – от

«идольского мрака» к закону, благодати и небесной «метаистории». Произведение Илариона посвящено осмыслению значения христианизации Руси как пришествия «благодати» и «истины». Ступень «закона» означает подчинение жестко регламентированным предписаниям, не допускающим более или менее свободного истолкования или обсуждения, эту ступень автор связывает с Ветхим заветом, долженствующим уступить место завету Новому. Тем не менее «через скрижали и закон» люди «приучились веровать в Единого Бога», и тем самым он послужил предтечей благодати.

Свободное избрание, любовь к ближнему, прощение и милосердие – ценности, непреходящее значение которых стало очевидным с пришествием И. Христа, принесшим спасение. Не смена религиозных авторитетов, а новый, альтернативный ценностный мир видит в христианстве Иларион, а воспринятая им идея Гр. Нисского о милосердии Бога, проистекающем из его всемогущества, избавляет от чувства страха перед посмертным воздаянием.

«Слово о законе и благодати» оказалось смыслообразующим для последующих философско-исторических построений русских мыслителей. Почти ровно через сто лет после появления этого сочинения, в XII в., Климентом Смолятичем была переосмыслена и дополнена его историософия. Он отстаивал важность понимания природных и социальных процессов через самостоятельное истолкование священных текстов, которые он рассматривал в виде облеченного в художественную форму концентрированного выражения мудрости. Он пишет о двух видах познания Бога – «благодатном», безусловном, не подвергающем сомнению некие изначальные истины, и «приточном», опосредованном, предполагающим, что свободное философское рассуждение неотъемлемо от осознания смысла Библии. Смолятич дополнил историософию Илариона еще одной ступенью – «завета» с Богом, или благочестия, предвосхищающей этап «закона», полученного Моисеем на горе Синай. Он рассуждает следующим образом: невероятно представлять себе, что жившие до Моисея мудрые патриархи пребывали «во мраке» неразумия и отсутствия каких бы то ни было моральных ориентиров. Поэтому необходимо предположить, что существовала еще одна ступень на лестнице восхождения к благодати – благочестие. При этом он опирается на библейскую притчу о Фамари и ее сыновьях-двойняшках, один из которых, по имени Фарес, является символом «закона», другой, Зара, – «благодати». В процессе родов первым заявляет о своем пришествии «благодатный» ребенок, но рождается он все же вторым, что свидетельствует о существовании новой исторической ступени, предваряющей «закон», но не отменяющей его первенства перед «благодатью». Это приводит к расширению рационально значимого «пространства» человеческой истории и сужению периода «идольского мрака», тождественного неосмысленному существованию. Данная концепция, ориентирующаяся на противопоставление «закона» и «благодати», становится распространенной и общезначимой, это свидетельствует о том, что древнерусские книжники готовы были иносказательно толковать традиционные библейские сюжеты. Это лишь один пример, позволяющий говорить о возрастании стремления самостоятельно обдумывать и оценивать социально значимые проблемы.

В XV столетии наибольшее внимание привлекает обсуждение философско-исторических проблем антитринитариями [4], для которых канва рассуждений Илариона становится отправным моментом в рассуждениях о смысле существования индивида. Согласно представлениям новгородско-московских еретиков, каждый человек волен избрать один из открывающихся перед ним жизненных путей: духовный (благодатный, любовный, преподобный), достойный (душевный, законный, дружественный, воздержательный, подобающий) или плотский (ненавистный, незаконный, слабостный, неподобный). Свободное волеизъявление накладывает на ответственность, осознавая которую человек свершает свой земной путь и заслуживает соответствующее загробное воздаяние. «Самовластие ума», обладание знаниями может послужить и спасению, и гибели. В «Написании о грамоте» сказано, что «грамота», то есть образованность, сама по себе не делает человека мудрым или безумным, но усиливает свойство того или иного рода, которым он уже обладает.

Идейная борьба ортодоксии с инакомыслящими сопровождается в конце XV – начале XVI в. внутрицерковным противостоянием иосифлянства и нестяжательства. Первые выступали за строгий монастырский устав, участие церкви в делах государства, вторые проповедовали искоренение роскоши, упрощение быта, углубленный самоанализ, отказ от тесного союза с властью при решении проблем религиозно-мировоззренческого характера. Для современников их борьба олицетворяла столкновение «законничества» и «благодати».

Та же оппозиция находит свое развитие в сочинениях дипломата и публициста Федора Карпова. Рассуждая об условиях государственной стабильности, он отстаивает идею «праведного закона», опирающегося на обычаи страны и народа, и противопоставляет такой закон простому повиновению деспотической силе. Важным для него также является присутствие в системе государственного управления «милости» как возможности смягчения или даже отмены наказания.

Не будет преувеличением утверждать, что идея разумного и справедливого государственного порядка, объединяющего воедино «закон» и «благодать» и рассматривающего их уже не как ступени человеческой истории, а как взаимодополняющие ценности, становится одной из важнейших тем русской философии.

В XVIII в. С. Е. Десницкий рассуждает о происхождении социального неравенства и способах его преодоления, И. А. Третьяков – о «происшествии» наук и искусств от «разделения трудов в обществе» и появления «досужного» времени. Идеи государственного правопорядка и правозащиты личности и собственности составляют смысл сочинений Д. И. Фонвизина, А. Я. Поленова, Д. А. Голицына, А. Н. Радищева и других просветителей. Демографический трактат М. В. Ломоносова «О размножении и сохранении российского народа» и другие его сочинения хотя и не содержали радикальных социально-политических предложений, всегда имели в виду цель воздействия на власть предрежащих, от воспитания и увещаний до весьма реальных угроз в их адрес.

Все эти представления сформировались на основе вековых стремлений к свободе, справедливости, правде, на базе переосмысления огромного тяжелого исторического опыта Смутного времени и церковного раскола XVII в. Думается, именно поэтому в философии просветителей России остается, хотя и по-новому переосмысливается важнейший вектор, берущий начало в Древней Руси вопрос, с одной стороны, о нравственном оправдании власти, а с другой стороны, требования соответствия ее действий моральным нормам.

Н. М. Карамзин в «Истории государства Российского» усматривает причинную зависимость между личностными достоинствами или недостатками правителя и судьбой царства. Не все современники Карамзина были согласны с правомерностью такой постановки вопроса, считая, что нравственность и история – понятия несопоставимые и взаимопроникновение их вовсе не обязательно. Однако Л. Н. Толстой воспринял и развил именно эту традицию, усматривая в истории, помимо эмпирической ее стороны, глубинные смыслы, связанные с идеалами и чаяниями, которые коренятся в душах людей.

В XIX в. принципиальное значение принадлежит концепции славянофилов, пронизанной идеями взаимосвязи и противоборства свободы и необходимости, в которой мотив неприятия деспотизма звучит более чем определенно. Излишне доказывать, что философия конца XIX и первого десятилетия XX в. – буквально пронизана идеями создания достойного социального бытия, отвечающего чаяниям свободной творческой личности. И материалистическая, и религиозная мысль этого времени выдвигает проекты – от прагматически-политических типа усовершенствования законодательства и разработки системы юридических норм до утопически возвышенных построений. Разнообразие школ и систем неоспоримо и само по себе является исторической и культурной ценностью, связь с древнерусской традицией в этом калейдоскопе может показаться призрачной, но она, несомненно, присутствует в качестве одной из основ появления всего этого многообразия.

Л. Е. Моторина. Витторио Страда о «русском вопросе»

Прежде всего я хотела бы поблагодарить за содержательный доклад Михаила Александрович Маслина и организатора круглого стола Михаила Ивановича Ненашева, предоставившего нам возможность обсуждения столь актуальных и значимых для современной России проблем. Научный коллектив (в него входили и участники нашего круглого стола – М. А. Маслин, В. В. Ванчугов, С. А. Нижников) в 2014 г. завершил выполнение проекта, поддержанного РГНФ, по теме «Философское русскоеведение за рубежом во второй половине XX – начале XXI в.». Исследования показали, что более целостное представление о русской философии предполагает включение в общую картину «взгляда со стороны» представителей иных культур и что проблемы России серьезно обсуждаются специалистами других стран. Зарубежные исследователи, в ценностном смысле позитивно ориентированные и свободные от идеологических ограничений, вносят большой вклад в формирование адекватного образа России, углубляя тем самым наше собственное представление как о ее прошлом в контексте отношений «Россия – Запад», так о современном состоянии. В связи с этим мне хотелось бы обратиться к работе итальянского руссиеведа Витторио Страда «После империи: старая и новая Россия», вышедшей на русском языке в 2013 г.

В XXI в., пишет В. Страда, Россия оказалась перед более трудными и рискованными задачами, чем когда-либо в своем историческом прошлом, потому что на карту поставлено само ее существование, и не столько физическое, сколько духовное, при том, что ей необходимо освободиться от слишком многих иллюзий и особенно – соблазнов искать решения на пути реставрации и авторитаризма. В. Страда подчеркивает, что сложность ситуации заключена в том факте, что нити преемственности русской культуры оказались гораздо слабее, чем те разломы и разрывы, которые слу-

чилились в истории России во всех ее сферах: экономической, политической, религиозной, духовной. «Тем, кто привык слишком поверхностно смотреть на нынешнюю Россию как на саму по себе, подходя к ней с точки зрения чисто политических и экономических интересов и даже окружая ее ореолом мифа “вечной Руси” и подобных банальностей, эти рассуждения могут показаться педантством специалиста. Сегодняшняя Россия, пережившая катастрофу 1991 г. как завершение катастрофы 1917 г., обретает свое значение и перспективу только через простое и проблематичное соотношение с тремя предшествовавшими ей Россиями: советской, если допустить, что без всяких оговорок ее можно назвать Россией, и досоветской, в свою очередь делящейся на Российскую империю и Московию. Четвертая Россия, как я ее определил в книге “Русский вопрос”, имеет значительно более сложную структуру, чем может показаться на первый взгляд» [5].

Политика современной России строится на принципе преемственности русской культуры. Но, как подчеркивает В. Страда, если учитывать, что переход от России как части империи к России в составе СССР включает в себя отказ от дореволюционной культуры во всех сферах жизни общества, включая идеалы, религию, ценности, искусство и т. д., то такой разрыв в истории страны не мог не повлиять на ее дальнейшую судьбу. Сама преемственность, по мнению итальянского слависта, является весьма проблематичной, поскольку слабее момента прерывности с прошлым, что также требует анализа и уточнения.

«В результате перестройки, – продолжает он, – завершающей длительный период разломов в истории страны, после эйфории, вызванной освобождениями и надеждами, “русский мир” оказался в тяжелом положении из-за материальных трудностей и духовного вакуума и переживает не только экономический кризис. А самое главное, исторического масштаба *кризис идентичности* (курсив мой. – Л. М.): уже не советской, но еще и не русской, в том смысле, что старое советское облачение спало, хотя не могли окончательно исчезнуть внешние и внутренние пережитки, и не понятно, что сегодня означает трансформироваться в новую национальную общность – просто русских» [6].

Для населения других советских республик, ставших наравне с Российской Федерацией, по мнению В. Страда, дело обстоит проще. Их национальная идентичность, созревшая уже внутри СССР, утверждалась не только в противостоянии советскости, но и как национальное освобождение, в противопоставлении себя как имперской России, в которую они входили составными частями, так и Советскому Союзу, воспринимаемому как продолжение Российской империи. Поэтому антисоветский дух часто отождествлялся с антирусским.

«Русский мир» был вынужден радикально переоценить самого себя, что было исключительно трудно в силу двусмысленного положения русских как в Советском Союзе, так и в русской империи. Уже в рамках Союза национально-этнический элемент становился все более реальным как в образовании локальных национальных элит, так и в сохранении традиций союзных республик. Поэтому, когда рухнул советский центр, союзные республики оказались в большей степени готовыми к новой независимости и идентичности. «Русский же мир» оказался среди развалин советской системы, с которой он сросся сильнее других, поскольку отказался от подлинной преемственности с дореволюционной Россией, а следовательно, от собственной культурной автономии. Для русского мира встала задача осознания отношения с предыдущими моделями России.

Но и в Российской империи Россия была не в качестве национального государственного образования. Русские занимали одновременно господствующее и подчиненное положение. Господствующее положение по отношению к другим национальностям, подчиненное – по отношению к имперской власти. Надо сказать, что «русский мир» и в Российской Федерации, по мнению В. Страда, имеет меньше оснований для формирования национальной идентичности, чем другие национальности, сохраняющие свою символику, традиции, другие атрибуты.

Поэтому вопрос «Куда идет Россия?», с его точки зрения, включает в себя целый ряд других: чем было для России XX столетие по сравнению с остальной Европой, что оно означает: успех, прогресс, ее утверждение или же ошибку, иллюзию, катастрофу? Что осталось от советского опыта и насколько он неизгладимо повлиял на Россию? Какова связь между докоммунистической и посткоммунистической Россией? Каково новое самосознание постсоветской России в глобализованном мире? Каково реальное лицо современной России?

Если этот комплекс вопросов сосредоточивает в себе жизненную проблему России наших дней, то узловым сферой является их *историко-философское осмысление* и глубокое изучение, которое в иерархии гуманитарных знаний занимает место, предваряющее любую познавательную деятельность. Сам собой напрашивается вывод, что у современной России есть куда более серьезные причины для озабоченности, связанные с настоящим, а не только с ее прошлым. Отсюда, более важный вектор в развитии современной России – идти от осознания настоящего (восстановив слабые связи преемственности, которые были подвергнуты в истории более мощными

разрывами) к будущему, к обществу, основанному на принципе гражданства внутри многоэтнического сообщества. Именно историко-философский анализ может позволить России не оставаться в плену своего прошлого, а, критически переосмыслив, пользоваться им, для того чтобы развиваться дальше. «Стародавний вопрос Россия – Европа, по словам В. Страда, впервые ясно и четко сформулированный двести лет назад таким смелым и проницательным мыслителем, как Чаадаев, когда Европа еще была творчески созидательной силой, а русская культура только вступала в современную фазу своего расцвета, – сегодня не столько разрешился, сколько рассасывается, растворяясь в более масштабном вопросе: Россия – мир» [7].

Я выбрала данный фрагмент работы В. Страда, поскольку в нем, на мой взгляд, сфокусированы актуальные (и активно обсуждаемые) проблемы русской философии. Это – проблема целостности, преемственности, разрывов и разломов в истории России, проблема кризиса идентичности в современной России, замена парадигмы «Запад – Россия» парадигмой «Россия – мир» и сама попытка направить вектор историко-философского анализа от осознания настоящего (восстановив связи преемственности с прошлым) – к будущему.

С. В. Сретенская. Модусы Λόγος'а в русской философии

Моё сообщение имеет вид комментария к следующей мысли профессора М. А. Маслина. Философия Вл. Соловьёва воплощает не прекращающийся со времен Сковороды внутренний диалог между антично-христианским Логосом и новоевропейской рациональностью. В этом содержательном диалоге, ставшем «внутренним вопросом» русской философии, представители религиозно-философского возрождения начала XX в. – В. В. Розанов, С. Н. Булгаков, П. А. Флоренский, В. Ф. Эрн, А. Ф. Лосев и др. – видели существенную оригинальность русской философии.

Мы хотели бы остановиться на рассуждениях В. Ф. Эрна по поводу ratio и Логоса как двух типов философствования. Ratio, по мысли В. Ф. Эрна, – это орудие самоутверждения человека, ускользнувшего из «могучих и властных рук католической церкви». Орудие, меонизирующее (*меон*, *μη δν* – не сущее), препарирующее живую мысль: «Ratio, тая в своей призрачной сущности всё растущий мираж <...> поработал мысль неотступной данностью этого миража, превращая его в единственную данность, объявляя всю подлинную действительность, не вмещавшуюся в рамки рационализма, несуществующей, недействительной, относящейся к области субъективного вымысла» [8]. Меонизирующее влияние ratio на живую мысль ведёт к механистичности, детерминизму, к рассмотрению всего содержания мысли sub specie «вещности». Но как быть с личностью человека? Личностное начало для ratio иррационально, и потому всё рациональное должно мыслиться вне категорий личности, то есть имперсонально. Личность должна эмигрировать из философии в область искусства и религии. Таким образом, рационализм, меонизм, имперсонализм – три черты, характеризующие новую европейскую мысль.

Но ratio не является единственным типом философствования. По мысли В. Ф. Эрна, Логос – такая же попытка самоопределения мысли, как и ratio. Сущность Логоса, во-первых, метафизична: это не субъективно-человеческий принцип, каким является ratio, а объективно-божественный. Для Логоса характерна онтологическая, а не гносеологическая концепция истины: «Истина не есть какое-то соответствие чего-то с чем-то, как думает рационализм, превращающий при этом и субъект, и объект познания в двух меонов. Истина онтологична. Познание истины мыслимо только как осознание своего бытия в Истине. <...> И на вершинах познания находятся не ученые и философы, а святые» [9]. Сущность Логоса, во-вторых, личностна: «В логизме Бог – Личность, Вселенная – Личность, Церковь – Личность, человек – Личность». Трём основным чертам новой европейской философии – рационализму, меонизму, имперсонализму – восточно-христианское умозрение противопоставляет логизм, онтологизм и всесторонний персонализм.

Λόγος свидетельствует об отклике человеческой мысли на божественный «оклик», но, тем не менее, остаётся, как и ratio, знанием божественного, опосредованным мыслью, или ratio, «усыновлённым» Словом. Непосредственное же знание божественного – это единение с ним, или, иными словами, *гнозис*. Отличие античного гнозиса от христианского заключается в следующем моменте: если целью античного гнозиса как пути познания божественной мудрости являлось знание того, что познаётся само по себе [10], то целью христианского гнозиса является то, что превосходит всякое знание, и это, по мнению В. Н. Лосского, есть единение с Богом, или обожение.

Сформулируем тезис. По нашему мнению, имеют место как минимум два модуса Λόγος'а: модус «усыновлённого» Словом ratio и модус христианского гнозиса, которые эксплицированы в понятиях «ведение» («видение») и «умудрённое неведение» («ведающее неведение», «учёное неведение») соответственно.

Ведение как модус Λόγος'а репрезентировано в таких концептах, как «живознание», «соборный разум», «духовное разумение» или «верующее любомудрие» (А. С. Хомяков, И. В. Киреевский), «цельное знание» (В. С. Соловьёв), «цельный разум» (Н. Ф. Фёдоров), etc.

Идея всеобщего спасения или воскрешения (апокатастасис), завладевшая Федоровым, есть ответ на вопрос о проклятии рода человеческого, отмеченного печатью первородного греха, коим и обусловлена его тленность. Под первородным грехом Н. Ф. Фёдоров понимает *знание без дела* или обособление и вознесение теоретического разума над разумом практическим – распался не только цельный разум, распалось Бытие. Отсюда, целостность у Фёдорова – это не соборная целостность А. С. Хомякова, это всеобщая целостность в виде единения рода человеческого, Бога и мира. Условиями всеобщего воскрешения являются синтез двух разумов (теоретического и практического) и трёх предметов знания и дела (Бог, человек и природа), а вместе и синтез науки и искусства в религии, отождествляемой с Пасхой как великим делом. По мысли философа, в этом и заключается исполнение воли Божией.

Таким образом, ведение как модус Λόγος'а является положительным (если использовать богословскую терминологию) знанием о Боге, но путь обретения ведения не является путём совершенным. Совершенный же путь есть путь отрицания, соответствующий природе непознаваемого Бога, и именно на этом пути человек обретает иной модус Λόγος'а – «умудрённое неведение».

Суть умудрённого неведения С. Л. Франк эксплицировал в своём рассуждении о саморефлексии философской мысли: «Как только она доходит до осознания самой себя <...> она с очевидностью осознаёт неосуществимость этого своего первоначального замысла. Но <...> лишь этим она доводит человеческую мысль до ее высшего, последнего достижения, до состояния умудренного, ведающего неведения – того неведения, которое есть высшее и сполна адекватное ведение» [11]. То есть, по мысли Франка, умудрённое неведение – это умозрительная мистика.

По нашему мнению, данное понятие несёт в себе и иные семантические обертоны, выражающие следующую мысль: только путём неведения познаётся Тот, Кто превосходит любое ведение. «Ясно же и истинно открывается Он только тем, кто <...> пройдя все ступени божественных совершенств, оставляет все божественные звуки, озарения, небесные глаголы и вступает во Мрак, где, как сказано в Писании [12], воистину пребывает Тот, Кто за пределами всему сущему. <...> Как горю я желанием достичь этого Мрака, дабы неведением и невидением узреть и познать Того, Кто превосходит созерцание и познание даже в невидении и в неведении! Ведь истинное познание <...> – это именно неведение и невидение» [13].

Вот каким рассуждением откликнулся В. Н. Лосский: «Богопознание не может быть достигнуто иначе, как только преодолением всего видимого и умопостигаемого, только неведением (αἴνωσις), которым познается Тот, Кто выше всего того, что может быть объектом познания. <...> Как и для св. Григория Нисского, θεωρία (созерцание) для Дионисия не есть вершина восхождения к Богу: неизменяемой природы Божией достигают в неведении, в удалении себя от всех ее проявлений, или теофаний – богоявлений» [14].

За гранью созерцания, видения перед человеком лежит путь в иное, и этим иным является божественный Мрак. Уточним, в Священном Писании Бог сначала является как Свет, потом – как Мрак. Ведение как модус Λόγος'а коррелирует с божественным Светом, а умудрённое неведение – с божественным Мраком.

Умудрённое неведение как модус Λόγος'а репрезентировано, по нашему мнению, в таком концепте, как «понимание» (В. В. Розанов). Сравнивая человеческие знания с разорванной цепью, а понимание – с восстановлением её целостности, русский мыслитель резюмировал, что деятельность разума по существу своему есть понимание и кроме этой цели не может иметь никакой другой. Казалось бы, то, о чём говорит В. В. Розанов, несёт в себе ссылку на ведение как имеющее отношение к человеческому разуму. Но мысль о причастности понимания божественному началу отразилась в следующем положении философа: понимание не подвластно человеку. В. В. Розанов уточняет в своем труде «О понимании», что, стремясь к пониманию, человек выполняет не свою волю, но повинуется воле создавшего его. Это уже свидетельствует о принадлежности иному модусу Λόγος'а. Осознавая, что мир непостижим, и человеческая природа несовершенна, тем не менее, *понимая*, человек выполняет своё назначение на земле.

Е. А. Счастливецва. Г. Г. Шпет и Н. О. Лосский в общеевропейском философском пространстве

Говоря о русской философии, нельзя не вспомнить и о Густаве Густавовиче Шпете. Его способ мышления был по сути феноменологическим. Шпета по праву можно считать не только продолжателем учения Гуссерля, но и создателем собственной феноменолого-герменевтической концепции.

Если рассуждать о русской философии в общемировом культурном контексте, то можно сказать, что Густав Шпет как одна из её ключевых фигур, незаслуженно забытая на долгие почти 60 лет, своей философией связывал западный и российский мир. Проблематика трудов Шпета обширна. В целом она охватывает всю методологию социально-гуманитарного знания и становится всё более актуальной в последние десятилетия. Шпет предлагает метод, по которому можно установить границу между естественнонаучным и гуманитарным знанием, поскольку его постижение происходит различными путями. Шпет говорит, что естественное познание основано на объяснении законов, а в гуманитарной области мы имеем дело с постижением смысла.

Он ставит проблему взаимосвязи интуиции и понимания как феноменологического «схватывания» сути предмета, постижения его смысла, поднимает целый пласт проблем, в том числе в области лингвистики, семантической логики и семиотики и т. д.

По нашему мнению, Шпета вполне можно рассматривать также в контексте предшествующей русской философии, в частности онтологической традиции, идущей от Григория Сковороды и далее от Юркевича к Соловьеву, Лопатину, С. Н. Трубецкому, Лосскому, Франку, Бердяеву. Философия Шпета находится на пересечении лучших традиций отечественной философии.

В докладе сказано, что русская философия существовала в силу определенных обстоятельств также за пределами России. В связи с этим мне хотелось бы остановиться на такой фигуре, как Н. Лосский.

Последователь философии В. Шуппе, Лосский строит учение о внутренних актах нашего сознания и в то же время продолжает некоторые специфические черты русской философии начала XX в. Это еще и старейшая, дореволюционная традиция, которая начинается с учения Юркевича «о сердце» и продолжается Соловьевым и его последователями – С. Н. Трубецким, Лопатиным, Бердяевым, Франком, Шпетом.

Громадное большинство философов утверждает, что индивидуум имеет в своем сознании только свои психические состояния, чужая психическая жизнь не может быть ему дана. Лосский же (см.: «Восприятия чужой душевной жизни»), а также В. Лютославский («Seelenmacht») и М. Шелер («Wesen und Formen der Sympatie») считают возможным непосредственное созерцание индивидами одинаковой ступени «душевных состояний друг друга» на основе интуитивной данности некоторых душевных состояний. Лосский признавал «внечувственное восприятие», граничащее с ясновидением. Наше знание о душевных состояниях лиц, окружающих нас, есть непосредственное восприятие самих чувств: печали, радости, желаний и т. п. «телесных проявлений», – а не умозаключения на основании увиденного факта: плача, улыбки, смеха и т. д.

«Я» как сверхвременный деятель может направить интенциональный акт припоминания на свое прошлое состояние. Здесь Лосский критикует *каузальную* физиологическую теорию памяти, когда думают, что состояние мозга суть причина, творящая образ вспоминаемого события.

Свои собственные душевные состояния, согласно Лосскому, мы можем познавать так же, как и предметы внешнего мира, посредством интуиции, направляя на них интенциональные акты сознания, внимания и различения. Очень многие душевные состояния протекают бессознательно, поскольку отсутствуют акты сознания, направленные на них. Причем акты, направленные на сознание, внимание, различение, припоминание и т. п., будут выступать субъективной стороной, а объективной окажется любое бытие из состава мира: сам материальный процесс, мое, чужое психическое состояние, социальное, идеальное бытие и т. п. Следовательно, заключает Лосский, существует много видов интуиции, а значит, много видов опыта.

Лосский отмечает сложный характер душевной жизни, при котором к объективным данным опыта из области «чистой субъективности» на основе сознательных актов прибавляются субъективные примеси в виде фантазии, неточных восприятий на основе ассоциаций, иллюзии и галлюцинаций, относящихся к области непознавательных актов. И все-таки Лосский исходит из идеи *имманентности*. Он пишет, что и рационализм, и эмпиризм сходятся в одном, а именно в идее имманентности и трансцендентности. Однако и у тех и у других субъект и объект разъединены, и гносеология должна отказаться от попытки их разделения «и признать их первоначальное единство. Начиная с Канта, философия вступила на этот путь» [15].

Сознание внутри себя содержит бытие, или бытие внутренне присуще сознанию. Тогда снимаются перегородки между субъектом и объектом. В то же время познание – это процесс, ко-

торый совершает сознание (у Лосского – субъект сознания), поэтому Лосский придерживается феноменологического метода переживания феноменов.

Возникает вопрос: где находится объект знания, на который направлено переживание – вне процесса переживания или в самом этом процессе? В первом случае знание имеет трансцендентный характер, а во втором оно имманентно. Лосский полагает, что построить концепцию трансцендентного знания без противоречий нельзя, поскольку здесь уже будет ощущаться разрыв между субъектом и объектом, тогда как теория имманентности вполне приемлема, так как снимает все противоречия между субъектом и объектом. Он пишет, что благодаря утверждениям науки XIX в. присутствие объекта в самом процессе знания не нужно. Если мы говорим «здесь светло», «шумно», «мне больно», то эти переживания (утверждения) относятся к шуму, свету, боли, и нельзя не признать, что эти объекты находятся в самом знании, а не вне его. Когда же знание относится к объектам внутреннего восприятия, то имманентность объекта самому знанию еще более очевидна: «я рассержен». А вот где примеры отсутствия объекта в самом познавательном процессе? – этот вопрос повисает в воздухе.

Т. А. Горюнова. Учение об имени С. Н. Булгакова и классическая философская традиция

Профессор М. А. Маслин в своём докладе, рассматривая систему В. С. Соловьёва, проводит мысль о внутреннем диалоге русской философии с антично-христианским Логосом и новоевропейской рациональностью. Именно в этом содержательном диалоге, по словам Михаила Александровича, представители религиозно-философского возрождения в России начала XX в., видели существенную оригинальность отечественной философии. В то же время очевидно, что концепции самих русских мыслителей – это вполне самостоятельный, многосторонний и глубокий феномен, требующий всестороннего освещения. И далее мне бы хотелось показать связь самобытного учения об имени С. Н. Булгакова с идеями античных и новоевропейских авторов, подчеркнув его укоренённость в классической философской традиции.

Философско-религиозная рефлексия С. Н. Булгакова часто обращается к древнегреческим истокам – Платону, Аристотелю, Гераклиту. Не стала исключением и его «Философия имени».

В своих лингвофилософских взглядах отец Сергей опирается на платоновскую онтологию. Он сам указывает, что представление Платона об идеях «с особенной ясностью... применимо к учению об имени» [16]. Булгаков отталкивается от идеи внутренней формы, согласно которой слова как первоэлемент мысли и речи суть носители мысли и выражают идею как некоторое качество бытия, простое и далее неразложимое. Идея слова есть чистая качественность смысла, не допускающая никакого определения через другое, через контекст. Её нужно воспринять абсолютным слухом. Процесс именованья, согласно позиции автора, есть первичное и элементарное познание, узнавание в вещах их смысла и закрепление этого узнавания в имени. Воплощаясь в словах, идеи просветляют алогичное, тёмное бытие, привнося в мир осмысленность.

Сравним эти мысли С. Н. Булгакова с взглядами, изложенными Платоном в диалоге «Кратил». Античный философ считает, что имя обладает идеей, эйдосом (тем, что в философии имени русского мыслителя названо внутренней формой), а языковой знак или звук являются её носителем. Слово выражает идею, то есть репрезентирует определённое значение и смысл, отражающие устойчивую сущность вещи. И пока имя выражает вложенный в него смысл, оно остаётся правильным для того, что оно выражает. Утверждается, что правильно данное имя истинно именуется вещь. Это значит, что оно отражает объективную устойчивую сущность вещи безотносительно к нам и независимо от нас. «И давать имена нужно так, как в соответствии с природой вещей следует их давать и получать, и с помощью того, что для этого природой предназначено, а не так, как нам заблагорассудится» [17]. Итак, в концепции С. Н. Булгакова и в концепции Платона имена обладают внутренней смысловой сущностью, а словесное выражение, именованье придаёт осмысленность бытию.

Отец Сергей подробно останавливается на рассмотрении сущностных признаков слова, используя формулу нераздельного и неслиянного бытия формы и материи. Слово, по его мнению, имеет тело, реально осуществляемое. Понятие «тело слова» – это метафора, под которой мыслитель подразумевает идею или форму (внутреннюю форму), восходящую к концепциям Платона и Аристотеля. Булгаков говорит о первенстве формы и её относительной независимости от материи воплощения: слово как будто индифферентно к тому, является ли оно произнесённым, написанным или только воображаемым. Оно остаётся верно и тождественно себе при всех этих перевоплощениях благодаря наличию внутренней формы. «...Внутреннее слово существует в нас, одевая мысль раньше речи; мы говорим не только вслух, но и внутри себя, про себя, в себе, гово-

рим во сне и наяву, в сознании и забытьи, и разные степени реализации слова, различные способы его психологического переживания не имеют решающего значения для его бытия или сущности...» [18]

Тем не менее слово являет себя миру через различные воплощения. Согласно Булгакову, его нематериальная энергия полнокровно осуществляется только в материи, тесно с ней сопряжена, становясь в этом случае идеализованной материей, освещённой формой. Следовательно, форма и материя нераздельны. Причём идеальное бытие формы проходит своё становление именно в действии, то есть воплощаемости, поэтому нельзя говорить о бесплотной форме, в отвлечении от того, что она оформляет. Слово имеет либо звуковое, либо графическое воплощение. По сути, здесь речь идёт об аристотелевском учении о единстве формы и материи.

Мышление совершается словом, и как нет слов без смысла, так же не существует мыслей без слов. Автор снова прибегает к идеям античных философов и утверждает онтологическое единство, нераздельность мысли и слова.

Он использует понятие Логоса, в основе которого лежит всё та же неделимая сущность – идея: Логос в отношении к неизреченной и неизрекаемой, трансцендентной для мысли и слова сущности выражается словом. Здесь прослеживается связь с Гераклитовым Логосом, объединяющим в себе одновременно и слово в его содержательном аспекте, и мысль: мысль высказана в слове, и слово высказывает мысль. Гераклит говорит об их неразрывном смысловом единстве в Логосе: «Выслушав не мою, но эту-вот Речь (Логос), должно признать: мудрость в том, чтобы узнать всё как одно» [19].

Также и у Булгакова, с одной стороны, слово есть мысль, его первоэлемент, с другой – мысль есть слово. Но их нельзя и отождествлять до полного слияния. В этом заключается, отмечает он, двуединая природа Логоса. У Гераклита имя несёт смысл, поскольку отражает единство слова и мысли в Логосе. А у русского философа слово и мысль обладают в Логосе двуединой природой, они, отражая идею-мысль, слиты и нетождественны друг другу.

И наконец, проведем параллель с лингвофилософской теорией новоевропейского мыслителя-языковеда В. Ф. Гумбольдта, идеи которого Булгаков хорошо знает и включает в свою «Философию имени».

В. Ф. Гумбольдт в своих научных изысканиях тоже во многом идёт от классической традиции. Согласно его точке зрения, суть языка – это внутренняя форма, придающая ему целостность. Рассматривая язык через единство внутренней формы и материи, Гумбольдт в то же время пишет о нём как о «зеркале мира» и особом даре свыше, это «не продукт ничьей деятельности, а произвольная эманация духа» [20].

По мнению Булгакова, через человеческий язык говорит мир. Слова изначально онтологически представлены, поскольку они обладают идеей, с помощью которой уже проявляет себя мир: «...Не мы говорим слова, но слова, внутренне звуча в нас, сами себя говорят, и наш дух есть при этом арена самоидеации вселенной... В нас говорит мир, вся вселенная, а не мы, звучит её голос» [21].

Отмечу ещё одну важную идею В. Ф. Гумбольдта, во многом определившую последующее развитие лингвофилософии: язык есть не продукт деятельности (Ergon), а деятельность (Energeia), то есть делается акцент на процессуальном и творческом характере данного феномена.

Отец Сергей Булгаков также неоднократно подчёркивает «энергийную», творческую природу языка, которая не исчезает, даже если слово не произнесено или не услышано. «Слова вовсе не суть гальванизированные трупы или звуковые маски, они живы, ибо в них присутствует мировая энергия, мировой логос» [22]. Он считает, что через язык транслируется энергия мира. Словотворчество, отмечает философ, субъективно и индивидуально только по форме существования, по сути же оно космично и онтологично. Таким образом, язык для Булгакова и для Гумбольдта – это особый смысловой мир. Язык дан деятельностно как процесс, созидающий и конструирующий действительность.

Итак, как мы видим, самобытное и оригинальное учение об имени С. Н. Булгакова находится в тесном духовном родстве с европейской культурой и философией.

Т. М. Караев. Н. Г. Чернышевский в философии и культуре народов Кавказа

Можно согласиться с тем, что Чернышевскому не повезло с интерпретацией его творчества, так как его идеи оказывались включенными в борьбу партий, а его творчество оценивалось исключительно с партийно-политической точки зрения. К сожалению, бытовало еще и такое утверждение, что если бы не было марксизма, теорию радикальных перемен и революций придумали бы А. И. Герцен, Н. Г. Чернышевский и другие русские философы-шестидесятники XIX в.

Реальный Чернышевский остается в забвении, его богатое наследие нуждается в новом современном прочтении и осмыслении. Одна только полемика Н. Г. Чернышевского и П. Д. Юркевича, публиковавшаяся в российской печати, сыграла, с моей точки зрения, неопределимую роль в процессе дальнейшего конституирования философии в России, представления в ней проблематики европейской и мировой философии. Ведущую роль в полемике составила проблема психофизиологического параллелизма, которая до сих пор остается дискуссионной проблемой. Н. Г. Чернышевский высоко оценен В. С. Соловьевым (эстетическая концепция), В. В. Розановым (наследие Чернышевского не использовано в государственном строительстве). Высоко оценили значимость Чернышевского Н. А. Бердяев и В. В. Зеньковский.

А вот мнение американского исследователя истории русской философии Дж. П. Скэнлена: «К. Маркс высоко ценил произведения Чернышевского (он изучил русский язык для того, чтобы читать их в подлиннике). Всесторонний интерес к творчеству Чернышевского проявляла литературная и философская мысль советского периода. Он был признан одним из наиболее глубоких мыслителей-материалистов в истории философии» [23].

Для Чернышевского философия – это научное обоснование социального идеала, к которому стремятся все народы. Знание социальной философии, опыт разных народов помогут обществам прогрессировать, избежав таких социальных потрясений, как революции, войны и др. История показывает, что опыт социальных потрясений слишком дорого обходится государству, и счастлива нация, когда прозорливость ее законодателя предупреждает ход событий.

Как известно, Чернышевский первоначально хотел поступать на восточное отделение Петербургского университета. Его нереализованное желание проявилось впоследствии в интересе к культурам народов Востока. С 1844–1845 гг. в Саратове он изучает арабский, персидский, азербайджанский языки. Он был знаком с работой известного уже тогда востоковеда Мирзы-Казембека «Общая грамматика турецкого, татарского языка». Факт интереса Чернышевского к истории и культуре народов Кавказа подтверждается его одобрением таких изданий на Кавказе, как литературный альманах «Зурна», газета «Кавказ». «Отечественные записки» полностью напечатали стихотворение Вагифа в переводе М. Ф. Ахундова. Литературный бум, активная издательская деятельность кавказских народов, центром которой стал Тифлис, приветствовались Чернышевским, считавшим, что «тифлисская литература» станет залогом будущего. Чернышевскому принадлежит рецензия на народный азербайджанский эпос «Кёр-оглы», опубликованный в 1856 г.

В личной библиотеке М. Ф. Ахундова сохранились записи, появившиеся во время чтения романа Чернышевского «Что делать?». Ахундов вслед за Чернышевским считал, что философия – это наука, которая может привести к социальной гармонии и справедливости. Данная установка привела Ахундова к позиции полного отрицания ислама как устаревшего типа мировоззрения, неспособного вести по линии прогресса. Чернышевский оказал на кавказских мыслителей второй половины XIX в. влияние и по другим философским направлениям: о социальной обусловленности эстетики и нормах светской этики в качестве социальных регуляторов.

Выше указывалось, что главное предназначение философии, по Чернышевскому, – это рациональное объяснение путей социального прогресса. Приведем заключение Микаэла Налбандяна по этому же вопросу: «Философия должна отражать жизнь народа, а эта жизнь на каждом шагу, на каждой своей фазе должна порождать новую точку зрения. Созданные в прошлом системы застряли на одном месте. Они уже изжили себя в тот момент, когда их последняя мысль была положена на бумагу. Жизнь идет вперед, вперед идет и философия: какова жизнь, такова и философия» [24]. В контексте философии Фейербаха, затем Чернышевского М. Налбандян подчеркивает, что «философия, которая вытекает непосредственно из человеческой жизни и не обращается вновь к ней, не делает своим предметом человеческую жизнь, – такую философию мы объявляем софистикой и обманом... Человек является и творцом, и предметом философии» [25]. Данное рассуждение во многом совпадает с идеями Чернышевского в «Антропологическом принципе в философии» и в «Критике философских предубеждений против общинного владения».

Еще одна идея, взятая М. Налбандяном на вооружение, – это утверждение Чернышевского о том, что народы могут учиться друг у друга опыту социального прогресса. Налбандян развил эту идею до стройной, не утратившей свою значимость и сегодня, теории национального строительства на всем Кавказе. Идеи работы Чернышевского «Эстетическое отношение искусства к действительности» также были взяты на вооружение. В «Дневнике» 1858 г. Налбандян писал, что «правдивая и верная жизни литература – зеркало, в котором отражается жизнь народа. И как ценно то зеркало, которое верно отражает образ поставленного перед ним предмета, так же ценна литература, верно отражающая жизнь и образ народа» [26].

Заслуга Н. Г. Чернышевского огромна в расширении ареала культуры России и русского языка, а также в проникновении в кавказскую обществоведческую мысль идей мировой философии

фии. В периодической и исследовательской литературе стали появляться такие имена, как Гегель, Кант, Фейербах, Спиноза, Конт, Шеллинг, И. Бентам, Дж. С. Милль, П. Ж. Прудон, Л. Блан, П. Леру, Ш. Фурье и др.

Антропологический принцип, составивший философскую платформу социальной программы Чернышевского, идея общинного социализма, проблема предназначения литературы и искусства, попытка построения хоть и своеобразной, светской этики, обсуждение различных критериев социального прогресса, проблема универсального и особенного в культурах народов мира, воспевание труда, преодоление социальной асимметрии – вот проблемы, которые притягивали кавказских мыслителей к Чернышевскому.

«Народы Кавказа и России издавна симпатизировали друг другу. Русские находили источник вдохновения на Кавказе, их привлекала духовная красота народов Кавказа, кавказцам была понятна и близка открытость русской души» [27]. Проблемы взаимопроникновения и синтеза русской и кавказской культуры в историческом аспекте всегда остаются актуальными.

О. В. Пих. Апология русской философской мысли

Единство и многообразие как характеристики русской философии нередко составляют основу для дискуссий и обсуждений не только её специфических черт, но и самого факта существования русской философии. Не ставятся под сомнение искусство, литература, культура, но отечественное любомудрие для многих ассоциируется лишь с калькой европейских идей, перенесённых на русскую почву и высказанных понятным для нашего менталитета языком.

Обратимся к одному из учебных пособий по философии, к разделу, посвящённому «особому стилю русской философской мысли». Там сообщается, что «"русскость" философской мысли проявляется не в её изоляции и автономности, а в способности через призму национальной ментальности пропустить образы античной, средневековой, просветительской, материалистической традиции. Этапы развития русской философии по своей сути являются, во-первых, историей становления самобытного мировидения и, во-вторых, тесно связаны с европейской философией, принятием или критикой ее основ» [28].

Конечно, заимствование идей и их дальнейшая разработка – методы, широко используемые в любой культуре, но почему-то русской философии это заимствование не прощается, в том числе самими отечественными исследователями. В чём причина подобного скептицизма? Может быть, речь идет об отсутствии пророка в своём отечестве или, наоборот, о чрезмерной требовательности, некоей разновидности национальной гордыни: у нас всё должно быть совершенно не похоже на то, что есть у других. Но очевидно, что влияние идей извне не исключает своеобразия и собственной истории становления русской философии.

Как нам представляется, специфика русской философии состоит не столько в её несистематичности, растворённости в литературе и пр., но в своеобразии, которое трудно поддаётся строгому научному определению. Акцентирование внимания некоторых исследователей лишь на определённых аспектах русской философии, подпадание под влияние собственной субъективной позиции действительно создают определённые сложности при изучении данного вопроса, но не являются факторами, уникальными лишь для нашей истории. К тому же к данным моментам добавляется современная интерпретация источников, также не являющаяся абсолютно объективной и однообразной. Можно отметить и недостаточную изученность работ отечественных мыслителей. К сожалению, вызвано это не только утратой первоисточников или сложностью их проверки, но и, например, существовавшими политическими реалиями и, как следствие, неопубликованными архивами, размещёнными в том числе за границей.

Цельное представление о русской философии может быть получено лишь в результате осмысления *всей её истории* от Киевской Руси до наших дней, – очевидная истина, которую не все решаются озвучивать. Краткий обзор основных источников, выделение ключевых вех в истории русской философской мысли позволяют сразу же представить целостную картину её становления. Целостный подход должен быть и к отдельной работе, ведь ориентация в рамках какого-либо направления существенно ограничивает возможности для адекватного понимания текста, методов его написания, источников, что может приводить к упущению внутренних связей текста.

Историографы в истинном смысле этого слова должны иметь смелость представить историю русской философии в её реальном виде, обозначив в том числе её сильные и слабые стороны, выделив влияние и внешних факторов, сформировавших в конечном счёте тот результат, который есть в наличии. Некоторый синкретизм и противоречивость не должны умалчиваться, они как раз подчеркивают индивидуальность, собственный путь искания истины. Каждый текст

должен восприниматься в рамках определённой исторической канвы, но в то же время рассматриваться с отпечатком уникальности, с содержанием, не планируемым изначально. Здесь уместна аналогия с «третьим миром» К. Поппера, когда идеи приобретают автономное существование, независимое напрямую от автора. Если представить будущий путь подобного текста-идеи, мы сможем предвидеть уже целую ветвь последствий и влияний, на которые тем более нельзя смотреть без учёта всех наслоившихся обстоятельств.

Отмеченная профессором М. А. Маслиным тенденция раскрытия многообразия русской философии через историографические работы позволяет надеяться на замену имеющих место сложившихся закостенелых взглядов на историю развития отечественной мысли и учёт различных по характеру произведений и направлений русской философии.

Нам показалось также весьма интересным представленное в докладе высказывание В. В. Розанова из его работы «Уединённое». Считаем, что данная мысль нуждается в отдельном раскрытии в специально посвящённой этой теме статье.

А. Ю. Бердникова. Лейбниц и русская философия: история взаимоотношений

Свое рассуждение я хотела бы построить, исходя из положения профессора М. А. Маслина, что «русская философия – это философия, существующая или родившаяся не только в России, но и за ее пределами» [29]. Известно, что в XVIII–XIX вв. в России начинается становление светского типа философствования на базе открывающихся по всей территории страны университетов (начиная с Академии наук в 1724 г.). Решающую роль при этом сыграли русско-немецкие связи, позволявшие приглашать немецких профессоров в российские университеты. Также велик был интерес к идеям немецких просветителей того времени, – Г. Лейбница и Х. Вольфа, занимавших для русских мыслителей особое место в ряду западных рационалистов.

Философия Лейбница стала известна в России почти на три десятилетия раньше основания Академии наук, еще при жизни самого немецкого мыслителя. Доказанным фактом является пристальный интерес, который Лейбниц питал к личности молодого Петра Первого, во время совершения им Великого Посольства в 1696–1698 гг. Состоялось несколько личных встреч русского царя и немецкого ученого (в 1697, 1711, 1712, и 1716 гг.; последняя – незадолго до смерти Лейбница). Одним из косвенных результатов их плодотворного общения как раз и стало основание Академии наук в Петербурге, а сам Лейбниц сделался тайным советником Петра по вопросам юстиции и получил пенсию в размере 2000 гульденов.

Первым же из ученых, кто обратил серьезное внимание на идеи Лейбница в нашей стране, был Михаил Васильевич Ломоносов. Эти идеи были усвоены через призму взглядов Христиана Вольфа, бывшего наставником Ломоносова в Марбургском университете (1736–1739 гг.). Ломоносов использовал учение Лейбница о монадах в своей теории корпускул: «...нечувствительные физические частицы, реально не делящиеся на другие меньшие, мы называем физическими монадами»; «...физические монады суть твердые корпускулы» [30], при этом «абстрагируясь» от понимания монады как духовной, идеальной сущности.

С развитием университетской философии в России связано появление в конце XIX – начале XX в. специфического направления – *неолейбницеанства*. Точкой отсчета в данном вопросе можно считать призыв «Назад, к Лейбницу!», который в своей работе «Из истории критического индивидуализма» (1898 г.) высказал профессор Юрьевского университета, философ, переводчик «Монадологии» Лейбница на русский язык, Евгений Бобров. В этом призыве видна полемика с наследием Канта, набиравшим в то время силу и популярность в рамках движения *неокантианства*.

В Московском университете идеями Лейбница были увлечены профессора Л. М. Лопатин и Г. И. Челпанов. При этом они оба отталкивались от учения Канта, которое Лопатин критиковал; Челпанов же, напротив, пытался примирить Канта с Лейбницем через учение о пространстве, воспринимаемом нами априорно, но на деле состоящем из монад.

Председатель Московской философско-математической школы Н. В. Бугаев строил свое учение о монадах, исходя из принципа математической прерывности, *аритмологии*, с помощью которого пытался примирить монизм с плюрализмом, коллективное с индивидуальным, физику с историей, необходимость со свободой. Идеи Бугаева переосмыслил в религиозно-эсхатологическом контексте о. Павел Флоренский. Монады в его учении – живые личности, образующие с другими «Я» *Единое Существо, Софию* в акте божественной творческой любви.

Кроме Флоренского, одним из поздних представителей философии Серебряного века, испытывавшим влияние монадологии Лейбница, был Н. О. Лосский. Монады в его концепции предстают в виде *субстанциальных деятелей*, которые стоят выше различия психического и материального.

Как отмечал Э. Л. Радлов, «немецкой философии естественно было вернуться к Канту, как национальному философу; но русские мыслители могли искать опоры метафизики и в других источниках: в этом отношении естественно было обратиться к Лейбницу как философу чрезвычайно многостороннему, могущему дать повод к весьма различным течениям мысли» [31].

М. И. Ненашев. Единство русской философии: способы понимания

Мне думается, что можно по-разному представить русскую философию как единство многообразия школ, направлений, подходов. Можно отталкиваться от живой конкретики философских идей, течений, концепций, за каждой из которых стоят их авторы – неповторимые живые творческие личности. Тогда в истории русского самосознания обнаружатся периоды во времени (таких периодов профессор М. А. Маслин в своем докладе называет четыре), при этом каждый период раскроется как содержательное единство. Таким образом, речь идет о последовательности во времени многообразных содержательных единств, которая (последовательность) в свою очередь может быть представлена замкнутой на определенную, характеризующую именно русскую философию содержательную идею.

Замыкание начала и конца профессор М. А. Маслин показывает следующим образом. После Крещения Руси в 988 г. русская культура становится органической частью славянской православной культуры, то есть в конечном счете культуры христианской. Христианство вносит тему греховности, покаяния, жалости к несовершенному человеку. А с другой стороны, Розанов, русский философ рубежа XIX–XX вв., (то есть тысячелетие спустя) завершает работу «Уединенное» высказыванием, что никакой человек не достоин похвалы, но всякий человек достоин только жалости. Это возвращение к началу свидетельствует о внутреннем единстве русской философии, которое выражается в «переключке» ее основополагающих идей, отделенных друг от друга столетиями.

Очевидно преимущество такого понимания многообразия в единстве. Оно позволяет получить многоликую и одновременно связную картину проблемного мыслительного поля русской философии. Используем метафору о бытии из книги «Непостижимое» С. Франка, который ярко выразил особенность данного способа понимания многообразия в единстве.

Франк пишет, что бытие (в нашем случае речь должна идти о русской философии) можно уподобить спутанному клубку, который, будучи развернут, оказывается сложным взаимно переплетающимся узором. Начало и конец всякого частного явления или содержания принадлежат не ему самому, а лежат в другом – в конечном счете, в целом как таковом. Чтобы отчетливо иметь перед глазами хоть малейшую часть нити, из которой сплетен узор бытия, нужно – хотя бы в известной мере – уже развернуть весь клубок бытия. Но само по себе это «развертывание» предполагает *антиципирующее, предваряющее обладание* (курсив С. Франка. – М. Н.) тем, что потом будет нам дано в развернутом (всегда, впрочем, только «полуразвернутом») виде. Это предваряющее Франк характеризует как металогическое единство бытия, которое мы должны непосредственно иметь до всякого его «определения» и в качестве необходимой основы всякого определения.

Можно согласиться с тем, что по отношению к русской философии таким предваряющим металогическим единством как раз можно выставить розановское – никакой человек не достоин похвалы, всякий человек достоин только жалости.

В то же время нам думается, что русскую философию как многообразие в единстве можно представить через движение от *идеи единства* к многообразию, но в этом случае само многообразие будет выглядеть несколько иначе. Чтобы выразить суть дела, обращусь к идеям первых глав работы Юрия Лотмана «Культура и взрыв».

Лотман пишет о соотношении внеязыковой реальности, в нашем случае это будет смысловое поле русской философии, и языка, описывающего эту внеязыковую реальность, в нашем случае ему будут соответствовать соответствующие течения, концепции и системы. Лотман пишет о двух особенностях отношения между миром и описывающим его языком. Первой особенностью является необходимость более чем одного (минимально двух) языка для отражения запредельной реальности. Второй особенностью является неизбежность того, что пространство реальности не охватывается ни одним языком в отдельности, а только их совокупностью.

Он называет иллюзией представление о возможности одного идеального языка для выражения реальности. Минимальной работающей структурой является наличие двух языков, не способных по отдельности охватить внешний мир. Однако сама эта неспособность не есть недостаток, она диктует необходимость *другого*, в нашем случае других подходов, других концепций, других парадигм. И далее следует мысль, которая для меня является важной. Она состоит в том, что концепции и подходы (языки, по Лотману) должны быть *взаимонепереводимы* или *ограни-*

ченно переводимы. И вот это обстоятельство – взаимонепереводимость – является источником адекватности внеязыкового объекта его отражению в мире языков.

Следуя Лотману, мы теперь должны обнаружить единство русской философии не просто в совокупности многообразных подходов и концепций. Признание единства русской философии теперь должно нас нацеливать на поиск именно взаимонепереводимых, или иначе – несоизмеримых между собой точек зрения, подходов и направлений внутри русской философии [32].

То есть мы предполагаем, что условием представления русской философии в качестве единства многообразия является также обнаружение концепций и направлений, которые нельзя измерить одной мерой. Образно говоря, мы должны признать, что не все ветви русской философии растут из одного ствола. Тем не менее, развиваясь параллельно и переплетаясь друг с другом, эти стволы образуют вот таким способом национально-своеобразное смысловое единство русской философии.

В качестве примера несоизмеримых, то есть несводимых в принципе один к другому, можно указать направления, которые в средневековой европейской философии получили названия номинализма и реализма: понимание в качестве исходной реальности либо целого, либо отдельного. Очевидно, что, двигаясь непрерывно в рамках номиналистической парадигмы, нельзя прийти к парадигме реализма, и наоборот. Но это и означает отсутствие общей меры. И тем не менее европейская философия, в том числе благодаря наличию несводимых друг другу парадигм, выступает определенным содержательным единством.

Для подтверждения мысли, что единство реализуется через взаимодействие несовместимых парадигм также и в истории русской философии, обратимся к Петру Чаадаеву. Профессор М. А. Маслин говорит о переходе Чаадаева от первоначально западных взглядов – к признанию за Россией огромного нереализованного потенциала и того исторического преимущества, которым может обернуться социально-экономическая отсталость России. Но за этим этапом, обозначим его условно вторым, можно выделить еще один этап чаадаевской эволюции, по времени еще более поздний.

К концу жизни, в афоризме, который был написан, по всей вероятности, в период, близкий к написанию работы «L'Univers 15 января 1854», Чаадаев формулирует: «К тому же в русском народе есть что-то неотвратимо неподвижное, безнадежно ненарушимое, а именно – его полное равнодушие к природе власти, которая им управляет. ...Что бы ни совершилось в слоях общества, народ в целом никогда не примет в этом участия; ...по привычке встретит именем батюшки своих новых владык, ибо – к чему тут обманывать себя самих – ему снова понадобятся владыки, всякий другой порядок он с презрением или гневом отвергнет» [33]. Примерно в этот же период он пишет: «Говоря о России, постоянно воображают, будто говорят о таком же государстве, как и другие; на самом деле это совсем не так. Россия – целый особый мир, покорный воле, произволению, фантазии одного человека». И дальше Чаадаев добавляет: «Именуется ли он Петром или Иваном, не в том дело: во всех случаях одинаково это – олицетворение произвола» [34].

Очевидно, что эти мысли невозможно представить в качестве синтеза вышеупомянутых первых двух этапов, и в то же время речь идет об одной и той же личности, самим своим сохраняющимся тождеством соединяющей различные периоды своей идейной эволюции в несомненное единство.

Сошлюсь в развитие своей мысли о наличии несоизмеримых направлений в русской философии и сохраняющей в силу этого свое единство, – на рассказ Федора Достоевского «Крокодил». Сюжет состоит в том, что некий господин был проглочен крокодилом, выставленном в Пассаже, а затем из его утробы произносит речи, содержащие идеи и концепции, совершенно неприемлемые для самого Достоевского. Обращает на себя внимание убийственность художественного приема, с помощью которого Достоевский расправляется с носителями таких идей.

И. И. Евлампиев в двухтомной работе «История русской метафизики в XIX–XX веках. Русская философия в поисках Абсолюта» (СПб.: «Алетейя», 2000) охарактеризовал русскую культуру в качестве диссонансной. Нам представляется, что эту характеристику вполне можно перенести на русскую философию. Диссонансная, выступающая в виде драматического диалога несовместимых мировоззрений, но именно поэтому – единая. В возможности вот такого способа понимания единства и многообразия русской философии состоит мысль, которую я хотел донести в своем выступлении.

В. А. Кувакин. Несколько мыслей о русской мысли

Я счастливый человек, потому что мне повезло с профессией, суть которой совпала с моими главными жизненными интересами. Русская философия, её история и судьбы, её влияние на пути России и внутренний мир россиянина стала предметом моих многолетних научных изысканий. Этот же круг тем заботит меня и как частное лицо, как человека, живущего в России. Далеко не каждая страна может сказать, что имеет свою собственную оригинальную и богатую национальную философскую традицию. В России она есть. Эта интеллектуальная традиция наряду с литературой, наукой и искусством входит в наследие не только отечественной, но и мировой культуры.

Мой более чем сорокалетний педагогический и исследовательский опыт позволяет поделиться некоторыми соображениями, связанными со спецификой профессиональной работы в области истории русской философии.

Словосочетание «история русской философии» омонимично, поскольку история русской философии представляет собой, во-первых, объективный процесс ее зарождения и развития, бытования в нашей стране в качестве реальной компоненты отечественной культуры. Русская философия была, есть и будет независимо, а иногда и вопреки каждому из нас. И в этом проявляется ее историко-онтологическая субстанциальность. Во-вторых, она – область знания, существующая здесь-и-теперь, всегда для настоящего и лишь идеально для прошлого и потенциально – для будущего. В своем гносеологическом аспекте она предстает как познание, отражение и переживание русским философским сознанием вечных философских тем, так же как и глубинных метафизических и историософских тем о самой России, ее отношении к себе и к миру в целом.

Но и это не все, поскольку история русской философии – аксиологична, ценностна. Не просто в том смысле, что несет нам удивительное богатство ценностей, но в том, что сама она – ценность. Прояснение последнего для людей, ее изучающих, – дело нередко трудное, иногда – просто невозможное. Чаще всего ее ценность предстает лишь фрагментарно как любовь или интерес к какому-то мыслителю или сочинению. Между тем мы имеем здесь дело с ценностью экзистенциальной, т. е. жизненно важной, потому что независимо от того, знаем мы это или нет, желаем мы того или нет, но русская философия прямо, а чаще подпочвенно, через психологию и язык, литературу или политику, историю или быт входит в состав нашего *родного, родимого*, становясь для нас такой же близкой, как мать, отец, родня, как близкие нам люди, как родной ландшафт или язык...

Для меня, человека далеко не молодого и бывалого, стало большой радостью увидеть такое истинно профессиональное, философское и любовное отношение к отечественной мысли в недавно изданном моим другом и коллегой А. А. Ермичёвым труде «Имена и сюжеты русской философии» (СПб.: Наука, 2014. 710 с.). Горячо рекомендую всем не равнодушным к истории идей в России познакомиться с этим блестящим сочинением.

Русскую философию не выбирают. Это она незаметно выбирает, формирует, влияет на нас в меру нашей культуры и образованности, в меру нашей укорененности в ареале ее существования.

Не менее существенна для приверженца русской философии *рефлексия* относительно истории и сути отношений между ним и предметом его профессионального и человеческого интереса. По моим наблюдениям, история эта, как правило, начинается со свободной мотивации, с интереса к тому или иному философу, какому-то сочинению или даже отдельной идее. Далее этот интерес обычно перерастает в изучение всего творчества избранной персоналии. Но в тех случаях, когда дело заканчивается только этим, происходит неизбежная переоценка значимости и ценности философии одного конкретного мыслителя, его противопоставление всем остальным. Не хочу называть имен таких «однолюбов». Дело не в их пристрастиях, а в том, что их интерпретации и оценки поневоле вызывают настороженное к себе отношение, тогда как собственно историографическая и фактологическая часть их текстов обыкновенно гораздо более качественна.

Но, к счастью, большая часть специалистов не останавливается на выделении и некритичном восхвалении того или иного мыслителя или школы. Внешней побуждающей причиной шире открыть глаза является объективная необходимость преподавания (а для студентов – усвоения) целостного курса по истории русской философии. Эта причина – безотчетный вызов нашему «моноидеизму», односторонности. Здесь – начало историко-философской мудрости. Это совсем не то, чтобы «внимать равнодушно» добру и злу, т. е. тому, о чем говорит нам тот или иной русский философ, а открытие захватывающей *плюральности*, многообразия русской философии, ее интеллектуального богатства и морального благородства.

Мои наблюдения за научно-педагогическим опытом моих коллег и мой личный опыт усвоения истории русской философии говорят мне о том, что при благоприятных условиях происходит *расширение* круга нашего интереса к ней, *рост* уважения и даже любви, включение в область нашего *эмпатического* чувства практически всей тысячелетней саги русской мысли, по су-

шеству, всех персонажей этой потрясающей человеческой и идейной драмы. Отнестись к ней с сочувственным пониманием означает в таком случае выработку особого рода «веротерпимости», великодушия, сдержанности и выдержки; это и попытка расслышать не только то, что говорит нам философ, но и то, что он хочет нам сказать.

В конечном счете, речь идет о тех ценностных основаниях, которые определяют наше понимание и особенно истолкование русской философии как реальной области духовной культуры современной России, как глубинной части *духовной основы* нашего общества. Если верно то, что отечественная философская мысль является одной из форм отражения бытия России, её самоидентификации, то тогда мы – опять-таки эмпатически и реалистически – должны будем признать ту истину, что эта мысль вобрала в себя и одновременно выразила силу и слабость, достижения и провалы, успехи и упущенные возможности российской цивилизации.

Выводы, следующие отсюда, представляются достаточно простыми, что, впрочем, не делает их менее значимыми. Первый состоит в том, что *необходимо глубокое и серьезное изучение нашего философского наследия, трезвое понимание его достоинств и пробелов, метафизичности и космичности его заданий и, вместе с тем, его исторических границ*. Крайне нежелательно использование русской философии как в партийно-политических, националистических или шовинистических целях, так и нигилизм, использование деструктивных установок постмодернизма с целью «деконструкции» отечественного историко-философского процесса. Думаю, что только всестороннее, научное знание и эмпатическое переживание русской мысли позволяет освободиться и от партийно-классового, и от церковно-православного, и от вульгарно-утилитарного, и от нигилистического к ней отношения. Подчеркну еще раз: русская философия в полной мере разделяла как радости и вдохновения, так и невзгоды и лишения своего народа. Она не лучше и не хуже любой другой национальной философской традиции, но она нам – роднее и ближе, коль скоро мы живем на этой духовной почве и желаем лучшего для себя и своей страны.

Таким образом, я ратую за научное и вместе с тем экзистенциально-гуманистическое отношение к русской философии. При этом я полагаю, что идеологическое и политическое к ней отношение неправомерно. Однако и чисто мировоззренческое отношение к предмету анализа способно исказить его. Да, это так. Но честная и открытая *мировоззренческая* декларация исследователя или педагога, установление возможно более четкой демаркации между объектом исследования и принципами ценностного отношения к нему – это едва ли не половина решения проблемы *неизбежного* исследовательского субъективизма. Минимальность возможного здесь ущерба для объективного понимания и презентации историко-философского материала состоит в личной ответственности преподавателя или студента за результаты его работы, тогда как идеологический или политический подход позволяет спрятаться за «спину» общей, т. е. коллективистской, имперсональной и, конечно же, «истинной» и «справедливой» идеологии. Мировоззрение субъектно, персонально. Идеология – объективированное и социализированное мировоззрение и воля, для которых человек не более чем способ выживания и господства этой идеологии.

Другим амортизатором, смягчающим воздействие «антропогенного» фактора на научное освоение русской философии и трансляцию соответствующего историко-философского знания, является сочетание общенаучных методов с патриотическими и гуманистическими, если, правда, мы признаем за ценностями гуманизма общечеловеческий статус. Здесь, как говорится, единого мнения нет. Но, по моему разумению, суть гуманизма именно в том (в отличие, скажем, от религиозного, нигилистического или политизированного мировоззрения), чтобы искать для себя и стремиться соответствовать критериям общечеловечности, которые легко согласуются с общенаучными. В связи с этим одно мировоззренческое пожелание, если угодно, призыв к моим коллегам по «историко-философскому цеху».

Очевидно, что социальные трансформации последних десятилетий существенно изменили духовную конфигурацию российского общественного сознания. Почти строго в соответствии с «экзистенциальным законом», описанным Н. А. Бердяевым во многих своих работах о России, многие кинулись (как это было не раз в нашей истории) из одной крайности в другую. В данном случае – от марксизма к православию, от атеизма к мистицизму, от диамата и истмата к эзотерике и паранормалистике, от прославления «революционных» традиций к пиетету по отношению к консерватизму и охранительству, от «партийности» и воинствующего материализма в истолковании русской философии к установкам декадентского постмодернизма. В определенной степени это отразилось и на исследованиях истории русской философии, особенно конца XIX – первой половины XX в., которая чаще всего стала пониматься исключительно как взлет религиозного или православного духа. Выпрямлению этого явного перегиба могло бы способствовать исследование связи духовного ренессанса с гуманистическими, демократическими и вольнолюбивыми мотивациями ведущих деятелей философского движения, не случайно обозначенного как ренес-

санс. Этот беспрецедентный в истории русской культуры всплеск философской мысли был не устремлением к православной и политической архаике, а модернизаторским порывом во всех областях духовного творчества: в религиозных и философских исканиях, в области этики и социальной философии, эстетики и историософии.

Есть все основания говорить о глубоко реформаторской, модернизаторской и гуманистической направленности религиозно-философского движения в России рубежа XIX–XX вв., о либерально-социалистической, либерально-демократической и либерально-консервативной политической основе всего духовного ренессанса. В его рамках были заложены начала новой, активной творческой антропологии. Фундаментальные ценности человеческой личности: ее свобода, ее права, ее достоинство и бесконечный творческий потенциал – были подняты на высоту, равную божественной. Достаточно в этой связи упомянуть хотя бы о соловьевской идее богочеловечества и бердяевской концепции творчества и богочеловечности. В конце концов, легко показать гуманистические истоки воззрений большинства творцов русского духовного ренессанса, их поиски синтеза христианских и гуманистических ценностей.

Но верно и другое. Жестокие правила политической борьбы, навязанные стране революционизмом и большевизмом, бросили многих творцов ренессанса, почти весь либеральный интеллектуальный центр в лагерь консервативного, староправославного, монархического и контрреволюционного идеологического фланга. И это был предпоследний акт исторической драмы духовного возрождения. Последний наступил на чужбине, где культура русского философского зарубежья – в перспективе своего неизбежного угасания – дала последние, столь гениально-пронзительные плоды. (Более тонкий и дифференцированный анализ понятия «русский культурный ренессанс» дан в указанной выше работе А. А. Ермичёва «Имена и сюжеты русской философии», с. 495–510.)

Сегодня мы живем во времена свободы творчества. И значит, во времена ответственности. Для всех изучающих историю русской философии это означает как строгое соблюдение принципов объективного научного исследования, так и принятие на себя особой профессиональной, моральной и гражданской ответственности. Ибо речь идет об изучении, преумножении и гуманном отношении к нашему собственному, ничем не заменимому духовному наследию.

Заключительное слово М. И. Ненашева. Наш круглый стол обнаружил большое разнообразие точек зрения, аспектов и подходов. Какую-то общую методологию, основанную на универсальном герменевтическом подходе к интерпретации истории русской философии как научной дисциплины на современном этапе, по-видимому, выделить невозможно. Задача состоит в том, чтобы не навязывать унитарное видение предмета в пределах какой-то «образцовой» объяснительной модели (на манер прежних советских схем), но – максимально охватить многообразие всех форм русской философской мысли, включая рационалистические и религиозные ее разновидности. Если первые круглые столы постсоветского времени акцентировали актуальность заполнения «белых пятен», то теперь актуальной является необходимость сохранения целостности и единства отечественной философской традиции в ее полноте.

Доклад профессора М. А. Маслина, надо признать, содержит веер идей, провоцирующих, или, выскажемся иначе, будирующих мышление выступающих, которые развивали или конкретизировали эти идеи, опираясь на результаты собственных исследований. Важно то, что Круглый стол дал возможность высказаться его участникам.

Будем двигаться от того, что, если так можно выразиться, бросалось в глаза. Это – мысль Т. Г. Щедриной и Б. И. Пружинина, что идеи даже относительно близких нам по времени русских философов – Бердяева, Струве, Ильина – не соотносимы напрямую с сегодняшней реальностью и не могут помочь понять, «как философия сегодня, в эпоху крутых социально-экономических изменений должна выполнять свои функции». То есть наивно считать, что можно найти у них ответы на *наши* вопросы, эту работу придется выполнить нам самим. Здесь можно наметить связь с мыслью Л. Е. Моториной, которая, опираясь на исследования Витторио Страда, пишет о том, что нити преемственности русской культуры оказались гораздо слабее, чем разломы и разрывы, которые произошли в экономической, политической, религиозной, духовной сферах.

Этим мыслям, как нам кажется, соответствует наш собственный тезис, что одним из условий понимания русской философии как единства многообразия является обнаружение в ней несоизмеримых направлений, то есть таких, которые невозможно представить в качестве результатов развития из одного общего пункта.

В выступлении С. А. Нижникова выделим место, что европейское мышление, доверившись Канту, перестало притязать на анализ веры; русская же философия, напротив, пошла по пути вы-

работки метафизики веры. Здесь можно говорить о близости к тому, что выделяет С. В. Сретенская у Розанова: стремясь к пониманию, человек выполняет не свою волю, но повинуется воле создавшего его. Осознавая, что мир непостижим и человеческая природа несовершенна, тем не менее через акт *понимания* человек выполняет своё назначение на земле.

В. В. Ванчугов в деталях раскрыл процесс создания книги архимандрита Гавриила об истории русского любомудрия, погрузив нас в мыслительную атмосферу XIX в., столь отличную от современного рационального и систематического мышления.

Л. Р. Авдеева отталкивается от идей «Слова о законе и благодати» киевского митрополита Илариона, названного М. А. Маслиным началом и образцом средневековой русской философской мысли. Выступление Авдеевой интересно тем, что в нем показывается, что первоначальное противопоставление «благодати» и «закона» как сменяющих друг друга ступеней человеческой истории постепенно сменяется в работах русских философов признанием идеи разумного и справедливого государственного порядка, объединяющего воедино «закон» и «благодать» как взаимодополняющие ценности.

О. В. Пих обратила внимание на то, что очевидное влияние на русских философов идей извне не исключает своеобразия и собственной истории становления русской философии и что известный синкретизм русской мысли и ее противоречивость как раз подчеркивают собственный путь искания истины. Тема влияния европейской мысли развивается А. Ю. Бердниковой, которая показала, какую важную роль сыграли в становлении светского типа философствования в России русско-немецкие связи, приглашение немецких профессоров в российские университеты и интерес к идеям немецких просветителей того времени – Г. Лейбница и Х. Вольфа.

Е. А. Счастливцева выделяет фигуры Г. Шпета и Н. Лосского, первого – как создателя особой феноменолого-герменевтической концепции, второго – как исследователя внутренних актов сознания. В выступлении показывается, с одной стороны, принадлежность обоих мыслителей к традиции русской философии, а с другой стороны, их несомненная причастность общеевропейской философской мысли.

Т. М. Караев пишет о влиянии работ Н. Г. Чернышевского на философское творчество кавказских мыслителей второй половины XIX в., которые развивали его идеи о том, что главное предназначение философии состоит в рациональном объяснении путей социального прогресса, о социальной обусловленности эстетики и нормах светской этики в качестве социальных регуляторов. Было высоко оценено утверждение Чернышевского, что народы могут учиться друг у друга опыту социального прогресса.

Т. А. Горюнова, отталкиваясь от мысли докладчика о существовании внутреннего диалога русской философии с антично-христианским Логосом и новоевропейской рациональностью, показывает, с одной стороны, античные истоки «философии имени» Сергея Булгакова (Гераклит, Платон, Аристотель), с другой стороны, связь с идеями новоевропейского мыслителя В. Ф. Гумбольдта. Приведу то, что Горюнова выделяет в «философии имени» Булгакова: слова изначально онтологически представлены, они обладают идеей, с помощью которой уже проявляет себя мир; слова, внутренне звуча в нас, сами себя говорят, и наш дух есть при этом арена самоидеации вселенной. Здесь намечается определенная перекличка с идеями выступления С. В. Сретенской.

Выступление В. А. Кувакина подчеркивает, что далеко не каждая страна имеет собственную оригинальную и богатую национальную философскую традицию. А в России она есть. Эта интеллектуальная традиция наряду с литературой, наукой и искусством входит в наследие не только отечественной, но и мировой культуры. Русская философия была, есть и будет независимо, а иногда и вопреки каждому из нас. И в этом проявляется ее историко-онтологическая субстанциальность. В гносеологическом аспекте она предстает как познание, отражение и переживание вечных философских тем, а также глубинных метафизических и историософских тем о самой России, ее отношении к себе и к миру в целом.

Опыт преподавания истории русской философии показывает, что при благоприятных условиях происходит *расширение* круга нашего интереса к ней, *рост* уважения и даже любви, включение в область нашего *эмпатического* чувства практически всей тысячелетней саги русской мысли и всех персонажей этой потрясающей человеческой и идейной драмы.

Отечественная философская мысль является одной из форм самоидентификации России, и необходимо признать, что эта мысль вобрала в себя и одновременно выразила силу и слабость, достижения, успехи и упущенные возможности российской цивилизации.

На этих мыслях, которые, как представляется, совпадают с интенциями доклада М. А. Маслина, нам хотелось бы закончить заключительное слово.

Примечания

1. См.: Маслин М. А. Русская философия как диалог мировоззрений // Вопросы философии. 2013. № 1. С. 43.
2. Журнальный вариант статьи автора в энциклопедии «Русская философия». Изд. 2-е, дораб. и доп. М., 2014. С. 533–538.
3. Термин «панентеизм» (от греч. *pán* *én* *θεῶ*, «всё в Боге») введён немецким философом Карлом Краузе (1781–1832) в 1828 г. Панентеизм – метафизическая концепция, согласно которой мир пребывает в Боге, а не Бог растворяется в мире, как в натуралистическом пантеизме Спинозы, например.
4. Антитринитарии отказывались принимать догмат о Троице, были объявлены еретиками на Никейском соборе в 325 г.
5. Страда В. Россия и Европа: вчера и сегодня // Страда Витторио. Россия как судьба: сб. статей / пер. с итал. М., 2013. С. 424–425.
6. Там же. С. 427.
7. Там же. С. 368.
8. Эрн В. Ф. Введение. Основной характер русской философской мысли и метод ее изучения // Григорий Саввич Сковорода. Жизнь и учение. URL: http://royallib.com/read/ern_vladimir/grigoriy_savvich_skovoroda_gizn_i_uchenie.html#20480 (Дата последнего обращения: 21. 02. 2015)
9. Там же.
10. То, что познаётся само по себе – пятая, последняя ступень познания по Платону. См.: Платон. Тринадцать писем. Письмо VII // Платон. Полное собрание сочинений: в одном томе. М.: АЛЬФА-КНИГА, 2013. С. 1295–1296.
11. Франк С. Л. Непостижимое: Онтологическое введение в философию религии. М.: АСТ: ХРАНИТЕЛЬ, 2007. С. 179. Понятие «умудрённое неведение» введено С. Л. Франком как тождественное понятию «*Doxa Ignorantia*» («учёное незнание») Н. Кузанского.
12. См., напр.: 2 Цар. 22: 12: «И мраком покрыл Себя, как сению, сгустив воды облаков небесных».
13. Послание к Тимофею св. Дионисия Ареопагита. Мистическое богословие. Гл. I, II. URL: http://psylib.org.ua/books/_diogar01.htm (Дата последнего обращения: 23.02.2015)
14. Лосский В. Н. Боговидение. Минск: Белорусский Экзархат, 2007. С. 90.
15. Лосский Н. О. Обоснование интуитивизма. М., 1991. С. 67, 68.
16. Булгаков С. Философия имени: в 2 т. Т. 2. Философия имени. Икона и иконопочитание. М.; СПб., 1999. С. 130.
17. Кратил, 387d.
18. Булгаков С. Указ. соч. С. 15–16.
19. Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1. От этических теокосмогоний до возникновение атомистики. М., 1989. С. 199.
20. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М., 2000. С. 49.
21. Булгаков С. Указ. соч. С. 26.
22. Там же. С. 27.
23. Скэнлен Дж. П. Чернышевский Н. Г. Русская философия. Словарь. М., 1995. С. 608.
24. Налбандян М. Сочинения. М., 1954. С. 341.
25. Там же. С. 425.
26. Там же. С. 283.
27. Караев Т. М. Россия и Кавказ. Проблема культурной ориентации. М., 2003. С. 197.
28. Зорина Е. М., Яковлева Л. Е., Рахманкулова Н. Ф., Соколов А. В., Шестакова М. А. Философия в вопросах и ответах: учеб. пособие. М.: Проспект, 2007. С. 182.
29. Маслин М. А. Единство и многообразие русской философии // Вопросы философии. 2009. № 2. С. 167–171.
30. Ломоносов М. В. О нечувствительных частицах тел // Ломоносов М. В. Собрание сочинений. Т. I. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1952. С. 221, 223.
31. Радлов Э. Л. Очерк истории русской философии // А. И. Введенский. А. Ф. Лосев. Э. Л. Радлов. Г. Г. Шпет. Очерки истории русской философии. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. С. 212.
32. Можно провести параллель с квадратом как геометрической фигурой, единство которой обеспечивается, несмотря, но правильнее сказать, благодаря несоизмеримости стороны и диагонали.
33. Чаадаев П. Я. Сочинения. М.: Изд-во «Правда», 1989. С. 200–201.
34. Там же. С. 271.

Notes

1. See: Maslin M.A. *Russkaya filosofiya kak dialog mirovozzrenij* [Russian philosophy as a dialogue of worldviews] // *Voprosy filosofii* - Questions of philosophy, 2013, No. 1, p. 43.
2. Journal version of the author's article in the encyclopedia "Russian philosophy". Ed. 2nd, updated and add. Moscow. 2014. Pp. 533-538.

3. The term "panentheism" (from the Greek. πᾶν ἐν θεῷ, "all in God") introduced by the German philosopher Karl Krause (1781-1832) in 1828 Panentheism - metaphysical concept that the world is in God, not God solubles in the world, as in naturalistic pantheism of Spinoza, for example.

4. Antitrinitarians refused to accept the dogma of the Trinity and were declared heretics at the Council of Nicaea in 325.

5. Strada V. *Rossiya i Evropa: vchera i segodnya* [Russia and Europe: yesterday and today] // Strada Vittorio. *Rossiya kak sud'ba: sb. statej* - Russia history: collected articles / translated from the Italian. Moscow. 2013. Pp. 424-425.

6. Ibid. P. 427.

7. Ibid. P. 368.

8. Hern V.F. *Vvedenie. Osnovnoj harakter russkoj filosofskoj mysli i metod ee izucheniya* [Introduction. The main character of Russian philosophical thought and the method of learning] // *Grigorij Savvich Skovoroda. ZHizn' i uchenie* - Gregory Savvich Skovoroda. Life and teachings. Available at: http://royallib.com/read/ern_vladimir/grigorij_savvich_skovoroda_gizn_i_uchenie.html#20480 (date of the last access: 21. 02. 2015)

9. Ibid.

10. What is the knowledge itself - the fifth, the last stage of knowledge according to Plato. See: Plato. *Trinadcat' pisem. Pis'mo VII* [Thirteen letters. Letter VII] // Plato. Complete works: in one volume. Moscow. ALPHA BOOK. 2013. Pp. 1295-1296.

11. Frank S. L. *Nepostizhimoe: Ontologicheskoe vvedenie v filosofiyu religii*. [Unknowable: an Ontological introduction to the philosophy of religion.] Moscow. AST: KHRANITEL. 2007. P. 179. The concept of "sophisticated ignorance" was introduced by S. L. Frank as synonymous with "Docta Ignorantia" ("learned ignorance") of N. Kuzansky.

12. See, eg.: 2 Kingd. 22: 12: "And he made darkness Itself, as in putting, condensing water of clouds of heaven."

13. Message to Timothy of St. Dionysius The Areopagite. Mystical theology. Ch. I, II. Available at: http://psylib.org.ua/books/_diar01.htm (last access date: 23.02.2015) (in Russ.)

14. Lossky V. N. *Bogovidenie* [The vision of God]. Minsk: Belarusian Exarchate, 2007. S. 90.

15. Lossky N. O. *Obosnovanie intuitivizma* [Justification of intuitionism]. Moscow. 1991. Pp. 67, 68.

16. Bulgakov S. *Filosofiya imeni: v 2 t. T. 2. Filosofiya imeni. Ikona i ikonopochitanie* [Philosophy of name: in 2 vols. Vol. 2. The philosophy of the name. The icon and icon-veneration]. Moscow. St. Petersburg, 1999. P. 130.

17. Cratil, 387d.

18. Bulgakov S. Op. cit. Pp. 15-16.

19. Fragments of the early Greek philosophers. Part 1. From epic theocosmologies to the appearance of atomistics. Moscow. 1989. P. 199.

20. Humboldt W. von. *Izbrannye trudy po yazykoznaniju* - Selected works on linguistics. Moscow. 2000. P. 49.

21. Bulgakov S. Op. cit. P. 26.

22. Ibid. P. 27.

23. Scanlan J. P. *CHernyshevskij N. G. Russkaya filosofiya. Slovar'* [Chernyshevsky N.G. Russian philosophy. Dictionary]. Moscow. 1995. P. 608.

24. Nalbandian M. Works. Moscow. 1954. P. 341.

25. Ibid. P. 425.

26. Ibid. P. 283.

27. Karayev T. M. *Rossiya i Kavkaz. Problema kul'turnoj orientacii* [Russia and the Caucasus. The problem of cultural orientation]. Moscow. 2003. P. 197.

28. Zorina E. M., Yakovleva, L. E., Rakhmankulova N. F., Sokolov A. V., Shestakova M. A. *Filosofiya v voprosah i otvetah: ucheb. posobie* [Philosophy in questions and answers: textbook]. Moscow. Prospekt. 2007. P. 182.

29. Maslin M. A. *Edinstvo i mnogoobrazie russkoj filosofii* [The unity and diversity of Russian philosophy] // *Voprosy filosofii* - Questions of philosophy. 2009, No. 2, pp. 167-171.

30. Lomonosov M. V. *O nechuvstvitel'nyh chasticach tel* [On insensible particles of bodies] // Lomonosov M. V. *Sobranie sochinenij* - Collected works. Vol. I. Moscow. Publishing house of Academy of Sciences of the USSR. 1952. Pp. 221, 223.

31. E. L. Radlov *Ocherk istorii russkoj filosofii* [Essay on the history of Russian philosophy] // A. I. Vvedensky. A. F. Losev. E. L. Radlov. G. G. Shpet. *Ocherki istorii russkoj filosofii* - Essays on the history of Russian philosophy. Sverdlovsk. Publishing house of the Ural University. 1991. P. 212.

32. A parallel can be drawn with a square as a geometric figure, the unity of which is ensured, in spite of, but rather, because of the incommensurability of side and diagonal.

33. P. Y. Chaadayev. *Sochineniya* - Works. Moscow. Publ. "Pravda". 1989. Pp. 200-201.

34. Ibid. P. 271.

УДК 329.12(091)(430)“1815/48”

М. В. Левченко

Становление политического либерализма в Германии от наполеоновских войн до революции 1848 г. Эволюция идейных установок

В статье рассматриваются исторические условия возникновения и генезиса политических взглядов немецкого либерализма в германских княжествах от наполеоновских войн до революции 1848 г. Автор показывает прогрессивность взглядов немецких либералов, главными целями которых были борьба с реакционным пруссачеством, создание единого немецкого государства и защита конституционных прав личности. Автор не замыкается на развитии либерализма внутри государства и анализирует внешнеполитические факторы, способствовавшие расширению его влияния среди населения. Вместе с тем в статье показаны и недостатки раннего немецкого либерализма. Главной причиной было отсутствие общности политических требований, что являлось главным препятствием при создании единой партии, не позволившей либералам стать в последующий период правящей партией.

In article historical conditions of occurrence and genesis of political views of German liberalism in the German princedoms from Napoleonic wars before revolution of 1848 are considered. The author shows progressiveness of sights of the German liberals which overall objectives were struggle with reactionary пруссачеством, creation of the uniform German state and protection of constitutional laws of the person. The author does not become isolated on development of liberalism in the state, and analyzes the foreign policy factors promoting expansion of its influence among the population. At the same time in article lacks of early German liberalism are shown also. Absence of a generality of political requirements that was the main obstacle at creation of the uniform party which have not allowed liberals to become during the subsequent period by party in power was the main reason.

Ключевые слова: политический либерализм, права человека, реакция, Паулькирхе, революция 1848 г.

Keywords: Political liberalism, human rights, reaction, Paulkirhe, revolution of 1848.

Становление немецкого политического либерализма представляет особый интерес для истории. Возникнув в Германии, либерализм, по странному стечению обстоятельств, не создал в государстве прочных политических основ. Так, в период кайзеровской Германии и Веймарской республики либералам не удалось создать единой партии, и даже после Второй мировой войны, создав Свободную демократическую партию, либералам ни разу не удалось стать во главе государства. Либералы Германии, несмотря на свою активную роль в истории государства, всегда оставались на вторых ролях. Поэтому целью статьи является рассмотрение истории развития политического либерализма в германских княжествах от наполеоновских войн до революции 1848 г. и становление первых идейных установок.

Острую проблему в немецкой политической науке вызывает вопрос появления политического либерализма в Германии. До недавнего времени среди историков было принято определять появление «раннего либерализма» 1814–1815 годами [1]. В 1992 г. в данном вопросе окончательно была поставлена точка. «Немецкое общество исследования XVIII столетия» пришло к общему мнению, что «о политическом либерализме в Германии до 1789 г. никакой речи быть не может, поскольку ни один немецкий исследователь не предложил бы «его полного политического участия в делах страны» [2]. Именно такое утверждение предполагает наличие либерализма при демократии, поскольку либеральное общество основывается на обширных правах личности и верховенства большинства над меньшинством [3].

Возникновение политического либерализма в германских княжествах связывают с Великой французской революцией и движением за конституционные права, последовавшие позднее. Основой этого послужил наполеоновский Гражданский кодекс, гарантировавший гражданские права населению. После Венского конгресса 1815 г., по статье 13 Союзного Акта некоторым государствам Немецкого союза разрешалось принять свои конституции [4]. В 1816 г. конституции были приняты в княжестве Шаумбург и герцогстве Саксония, в 1818 г. – в герцогстве Баден и королевстве Бавария, королевстве Вюртемберг и Дармштадт в 1820 г.

Область деятельности первых либералов не выходила за пределы парламентской демократической оппозиции в тех немецких национальных государствах, где существовали земельные конституции. Это было характерно для южнонемецких государств, прежде всего Баден. Депутаты разных земельных палат до революции 1848 г. мало контактировали друг с другом, хотя пользовались свободой передвижения. Вместе с тем небольшой круг либералов все же стремился вырваться за пределы своих земель с целью создания общегерманского движения либералов. Среди таких политиков особенно выделялся депутат Баденского городского собрания Адам фон Ицштайн [5], устраивавший свои собрания в местечке Халлгартен близ Гессена. С ним тесно общались известные политики Роберт Блюм, Давид Хансеманн и Фридрих Даниэль Бассерманн.

Либералы стремились к представительному конституционному государству, в котором правительство было бы привязано к выбранному народом собранию, а отдельные слои граждан были защищены основными правами перед превышением государственной власти. Либералы позиционировали себя как жизненный элемент современного мира, дополненный более универсальными критериями: эмансипацией индивида, свободным участием в делах государства, секуляризацией церковного имущества, борьбой с феодальными порядками, антицерковной концепции культуры, под которыми в первую очередь понималось огосударствление школы и гражданский брак. В области экономики либералы ориентировались на расширение прав буржуазии, отказ от цехового производства, свободу предпринимательства.

До событий 1848 г. немецкий либерализм связывался с идеей национального единства немецких государств. Важную роль в этом сыграло немецкое студенчество. 18 октября 1817 г. в Вартбурге было проведено празднество, поводом к которому послужило обращение иенских студентов к студентам всех германских университетов, приуроченное к третьему столетию начала Реформации. Главной целью празднества было основание союза студентов всех германских университетов, устранение раздоров между студентами-уроженцами разных германских государств, и введение более нравственных начал в студенческую жизнь. Реакция не упустила случая воспользоваться происходившим. Вскоре после этого на собрании союзного сейма было принято решение перевести все германские университеты под полицейский надзор, а участие в студенческих обществах (*Burschenschaften*) было запрещено под страхом наказания [6].

Следующим выступлением либерально расстроенной молодежи была демократическая демонстрация, устроенная 27 мая 1832 г., в день годовщины баварской конституции, вождями радикальной партии в Баварии Зибенпфейфером и Виртом (редакторами газеты "*Deutsche Tribüne*") в виде протеста против репрессивных мер германского союзного сейма. На этот раз к Гамбахскому замку, близ Нейштадта в баварском Пфальце, стеклось до 30 000 человек со всех концов Германии. Водрузив трехцветное германское знамя с надписью «Возрождение Германии», Зибенпфейфер и Вирт провозгласили верховенство народа принципом государственного строя и указали как на конечную цель своих стремлений объединение Германии в виде федеративной республики и конфедерацию европейских республик. Кроме этого выдвигались требования демократических свобод, главным из которых была свобода печати как первое и непременное условие начала демократических преобразований [7].

С середины 1840-х гг. в германских княжествах начался внутривнутриполитический кризис, в небольшой степени способствовавший расширению национального самосознания. Этому предшествовало стремление Дании аннексировать земли Шлезвиг-Голштейн, а также расширение Немецкого союза, в состав которого накануне революции вошли Ульм и Ратштадт. С другой стороны, несколько неурожайных лет вызвали голодные бунты. Либерально настроенные деятели искусства, такие как Гейне, Герхардт Гауптман и Кете Кольвиц, выразили симпатию к бунтовщикам, считая их невинными жертвами промышленной революции [8]. По их мнению, разделяемая большинством либералов, начавшаяся индустриализация увеличила социальную и экономическую напряженность в немецком обществе. Поэтому правительство, виновное в обеднении людей, должно было принять меры для сглаживания социального неравенства.

Осенью 1847 г. Собрание в баденском Оффенбурге (*Versammlung im badischen Offenburg*) выдвинуло правительству Бадена 13 требований, среди которых – свобода печати, совести, собраний и объединений, а также народного представительства в Бундестаге. Всё это способствова-

ло тому, что среди либералов наметилась тенденция начать сотрудничество с правительством с целью унификации своих требований. Результатом этой работы на совместном заседании в Дурлахе близ Бадена было создание в 1847 г. общегерманской либеральной газеты "Deutschen Zeitung". Издателем газеты был гельдербергский историк Георг Герфинус. Вместе с ним активное участие принимали Карл Миттермайер и Людвиг Науссер.

В 1847 г. при встрече депутатов баденского ландтага Ицштайна и Хансеманна в квартире соиздателя «Немецкой газеты» Карла Мати, Хассерман предложил идею координации действий оппозиционных депутатов ландтагов Бадена, Вюртемберга, Гессена и Рейнской Пруссии с целью содействия объединения Германии и гражданских прав населения. В результате обсуждения выбор был сделан в пользу местечка Хеппенхаймер, недалеко от Гессена в гостинице «Полумесяц». С сентября 1847 г. началось приглашение депутатов. Хансеманн оповестил депутатов из Рейн-ланда и Гессена, таких как Герман фон Бекерат, Лудольф Кампгаузена, Георг фон Финке и Карл Вильгельм Випперманн. Бассерманн и Мати работали с южнонемецкими парламентариями, такими как Теодор Рех и Генрихом фон Гагерном. Инициаторы не отдавали предпочтение политическим взглядам, поэтому среди приглашенных были и радикальные демократы Франц Буль и Христиан Капп (Hoede R. Die Heppenheimer Versammlung vom 10. Oktober 1847. Frankfurt am Main: W. Kramer, 1997). По непонятным причинам в числе приглашенных не оказались депутаты саксонского парламента, хотя приглашения рассылались и им тоже.

Не все приглашенные депутаты смогли приехать. Так, в заседании парламента не участвовали гессенцы, баварцы и почти все прусские депутаты. Некоторые из отказавшихся, к примеру, Теодор Рех и Август Эммерлинг, обосновывали свое решение страхом перед государственными репрессиями и негодованием собственного электората. В конечном итоге в заседании принимали участие только 18 депутатов, преимущественно баденцы и вюртембергцы.

Основной целью делегаты считали создание немецкого национального государства. Для этого первоначально Хансеманом и Матисом было предложено расширить права немецкого таможенного союза, образованного в 1834 г., поскольку на то время это был единственный общегосударственный орган, представляющий интересы всех немцев. Предполагалось создать общее правительство немецких государств и от экономического союза перейти к политическим вопросам [9]. Также было заявлено, что в союз не следует брать Нидерланды и Данию, поскольку «у них нет интереса в единой Германии» [10].

Следующим важным событием, давшим импульс к развитию либерализма в германских княжествах, была революция во Франции, начавшаяся 22 февраля 1848 г. Известие об этом первые получили в Бадене, где была мощная оппозиция либералов. Изменения во Франции не могли быть незамеченными либералами, поэтому ими 5 марта 1848 г. было организовано Гейдельбергское собрание, призванное определить дальнейшие демократические преобразования в стране. Организация собрания проводилось в сжатые сроки, поэтому круг приглашенных был ограничен Баденом, Вюртембергом, Гессеном, Баварией и прусской провинцией Рейна. Местом проведения собрания был выбран Гейдельберг как место, удобное для проезда большинства делегатов. Основные требования либералов выражались в предоставлении гражданских прав и свобод, создание либеральных земельных правительств и особенно создании германского национального государства с общей немецкой конституцией и парламентом [11].

Правительство с негодованием узнало из «Deutschen Zeitung» о прошедшем заседании. Прусский король Фридрих Вильгельм IV в своём письме лондонскому посланному Бунсену называл депутатов не иначе как «сектантами» и «Хаппенхаймскими демагогами» [12]. Однако либеральный баденский министр Александр фон Душ был прямо противоположного мнения. Так, в разговоре с вюртембергским посланником он заявил, что это «самое значимое событие в современной Германии, которое нужно рассматривать в качестве попытки объединить отдельные правительства в рамках народного парламента. Если бы это было сделано во Франции, то ни о какой революции не могло быть и речи. Поэтому правительство должно принять меры, чтобы контролировать ситуацию» [13].

Таким образом, либерализм в Германии в рассматриваемый период прошел путь от отдельных либеральных течений до политических партий. Главными его требованиями было создание единого немецкого государства и соблюдение гражданских прав населения. Особенностью либерализма данного периода можно считать то, что он не представлял собой единого течения с четко выраженными программными установками. Либералы также испытывали сильное давление со стороны монархических кругов, что способствовало его развитию на окраинах страны, главным образом в Баден-Вюртемберге, Гессене и Бадене. Важной особенностью раннего либерализма было то, что его движущей силой являлось студенчество и интеллигенция. В ряде мест его поддерживали правящие круги, что также не способствовало созданию единой партии.

Примечания

1. *Wilhelm V.* Das Staats- und Gesellschaftsverständnis von J. H. G. von Justi: Ein Beitrag zur Entwicklung des Frühliberalismus in Deutschland. Berlin: Der Staat, Bd. 30. H. 3. 1991. S. 416f.
2. *Fenske H.* Der deutsche Liberalismus bis zum Ausgang des 19. Jahrhunderts: Literatur aus den Jahren 1987–1991// Historisches Jahrbuch. Bd. 112. 1992. S. 458.
4. Ernst R. Deutsche Verfassungsgeschichte. Seit 1789 // Reform und Restauration 1789 bis 1830. Durchgesehener Nachdruck der 2. verbesserten Auflage. Stuttgart: Kohlhammer, 1990. S. 732–734.
5. *Roßkopf J., Adam J.* Itzstein. Neue Deutsche Biographie (NDB). Berlin: Duncker & Humblot, 1974. Band 10. S. 206.
6. *Wehle H-U.* Deutsche Gesellschaftsgeschichte. Von der Reformära bis zur industriellen und politischen „Deutschen Doppelrevolution“. München: C.H. Beck, 1987. S. 335.
7. *Hahn H-W.* Helmut B. Handbuch der Deutschen Geschichte. Reformen, Restauration und Revolution 1806–1848/49. Berlin: Klett-Cotta, 2009. Bd. 14. S. 712.
8. *Müller J.* Deutscher Bund und deutsche Nation 1848–1866. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht. 2005. S. 215.
9. *Huber R.* Dokumente zur deutschen Verfassungsgeschichte. Stuttgart: Deutsche Verfassungsdokumente, 1972. Bd. I. S. 324–326.
10. Mathy in „Deutsche Zeitung“ Nr. 107 vom 15. Oktober 1847. Text des Artikels auf germanhistorydocs.
11. *Engelhausen F.* Auf dem Weg zur Paulskirche. Die Heidelberger Versammlung vom 5. März 1848. Heidelberg: Ubstadt-Weiher, 1998. S. 35.
12. Schreiben Friedrich Wilhelm IV. an Christian Carl von Bunsen, datiert Charlottenburg, 8. Dezember 1847, zit. nach Hoede. S. 113.
13. Schreiben des Freiherrn von Wächter an Graf von Beroldingen vom 29. Oktober 1847, zitiert nach Hoede. S. 180ff.

Notes

1. *Wilhelm V.* Das Staats- und Gesellschaftsverständnis von J. H. G. von Justi: Ein Beitrag zur Entwicklung des Frühliberalismus in Deutschland. Berlin: Der Staat, Bd. 30. H. 3. 1991. S. 416f.
2. *Fenske H.* Der deutsche Liberalismus bis zum Ausgang des 19. Jahrhunderts: Literatur aus den Jahren 1987–1991//Historisches Jahrbuch. Bd. 112. 1992. S. 458.
4. Ernst R. Deutsche Verfassungsgeschichte. Seit 1789 // Reform und Restauration 1789 bis 1830. Durchgesehener Nachdruck der 2. verbesserten Auflage. Stuttgart: Kohlhammer. 1990. S. 732–734.
5. *Roßkopf J., Adam J.* Itzstein. Neue Deutsche Biographie (NDB). Berlin: Duncker & Humblot. 1974. Band 10. S. 206.
6. *Wehle H-U.* Deutsche Gesellschaftsgeschichte. Von der Reformära bis zur industriellen und politischen „Deutschen Doppelrevolution“. München: C.H. Beck. 1987. S. 335.
7. *Hahn H-W.* Helmut B. Handbuch der Deutschen Geschichte. Reformen, Restauration und Revolution 1806–1848/49. Berlin: Klett-Cotta. 2009. Bd. 14. S. 712.
8. *Müller J.* Deutscher Bund und deutsche Nation 1848–1866. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht. 2005. S. 215.
9. *Huber R.* Dokumente zur deutschen Verfassungsgeschichte. Stuttgart: Deutsche Verfassungsdokumente. 1972. Bd. I. S. 324–326.
10. Mathy in „Deutsche Zeitung“ Nr. 107 vom 15. Oktober 1847. Text des Artikels auf germanhistorydocs.
11. *Engelhausen F.* Auf dem Weg zur Paulskirche. Die Heidelberger Versammlung vom 5. März 1848. Heidelberg: Ubstadt-Weiher. 1998. S.35.
12. Schreiben Friedrich Wilhelm IV. an Christian Carl von Bunsen, datiert Charlottenburg, 8. Dezember 1847, zit. nach Hoede. S. 113.
13. Schreiben des Freiherrn von Wächter an Graf von Beroldingen vom 29. Oktober 1847, zitiert nach Hoede. S. 180ff.

Советский фактор в Гражданской войне в Испании 1936–1939 гг. и формирование образа врага в ведущих британских общественно-политических изданиях

В статье исследуется проблема формирования образа врага в общем контексте ведения информационной войны для мобилизации общественного мнения Великобритании 1930-х гг. (на примере испанского вопроса).

Актуальность исследования базируется на изучении влияния СМИ на общественное мнение, информационной безопасности личности. В более широкой перспективе – на систематизации явлений влияния СМИ на массовое сознание.

Исследование опирается на принципы объективизма. Основными методами, использованными при раскрытии темы, являются сравнительный и описательно-повествовательный.

Цель работы – раскрытие феномена образа врага в «демократической пропаганде» на примере описания проблем Гражданской войны в Испании 1936–1939 гг. в британской прессе различных направлений. В рамках исследования было проанализировано около 1,5 тысячи публикаций за 1936–1939 гг.

Следует отметить, что в рассматриваемый период антисоветский фактор играл существенную роль при формировании образа врага в британских изданиях консервативного толка (*Times, Daily Mail*) или же для конструирования были использованы его отдельные аспекты (*Manchester Guardian* др.). Единый образ врага, близкий понятию «коммунизм», оформился в фашистских газетах *Action* и *Blackshirt*.

The article addresses the issue of forming the image of the enemy in the general context of information warfare to mobilize public opinion of Great Britain of the 1930s. on the example of the Spanish question.

Relevance of research based on the study of the influence of media on public opinion in the context of personal information security person, in a broader perspective it is aim to systematize the phenomena of media influence on mass consciousness. The research is based on the principles of objectivism. The main methods used in disclosing topics are comparative and descriptive narrative.

The main purpose of the disclosure is the phenomenon of «democratic propaganda» on the example of describing the Spanish Civil War of 1936–1939 in British press of different directions. It was analyzed 1,5 thousand publications in 1936–1939.

It should be noted that the anti-Soviet factor played a major role in shaping the image of the enemy in the British edition of the conservative wing (*Times, Daily Mail*), or for its construction it was used in the frames of casual aspects (*Manchester Guardian* etc.). A single image of the enemy closed to concept of «communism» was shaped in such newspapers as *Action* and *Blackshirt*.

Ключевые слова: Гражданская война в Испании 1936–1939 гг., Великобритания, пропаганда, информационная война, общественно-политические издания, пресса, образ врага, общественное мнение, редакторская политика, медийная тактика, консервативный, центристский, либеральный, коммунистический, фашистский.

Keywords: The Spanish Civil War of 1936–1939, United Kingdom, advocacy, information warfare, social and political publications, the press, the image of the enemy, public opinion, editorial policy, media tactics, Conservative, Centrist, Liberal, Communist, Fascist.

Начавшаяся в Испании в июле 1936 г. с военного мятежа Гражданская война в значительной степени поляризовала политические силы Европы и всего мира, выступив катализатором их дальнейшей радикализации. Идеология франкизма, сформировавшаяся в ходе войны, стала своеобразным компромиссом между профашистскими элементами испанского общества, традиционалистами и клерикалами. Республика и политическая коалиция Народного фронта в левой мировой прессе и публицистике зачастую выступали символами антифашизма, демократии и стремления к ускорению социальных и экономических перемен. Многие исследователи внутренних составляющих конфликта признают, что период Гражданской войны сопровождался также социальной революцией в республиканской зоне [1].

Помимо чисто военных аспектов конфликта, огромное значение приобрело и информационное его содержание. Французский журналист, видный исследователь и участник испанских событий Ж. Сория говорил, что Испания стала «для целого поколения сосредоточением страстей всего мира» [2]. Недаром период Гражданской войны и непосредственно предшествовавший ему сопровождался мощным всплеском в искусстве, литературе и философии и нашел закономерное отражение в прессе.

Война уже с августа-сентября 1936 г. сопровождалась масштабной интернационализацией: СССР поддержал республиканцев, а Италия и Германия – националистов [3]. Объявив о позиции строгого нейтралитета, Лондон оставался, тем не менее, важным игроком на «испанской арене», во многом благодаря серьезному влиянию «невмешательства» в исход конфликта. Великобритания имела значительные интересы в испанском конфликте ввиду стратегического и ресурсного значения Испании. Опасным представлялась уязвимость главной базы Лондона в Западном Средиземноморье – Гибралтара [4].

Однако британскому обществу, различным политическим силам пути выхода из испанского кризиса виделись не только в четком следовании установкам «невмешательства». Испанская война 1936–1939 гг. стала важной информационной вехой формирования образа врага в СМИ, которые считались «демократическими». Отдельным и очень важным (особенно для консервативных и крайне правых изданий) его аспектом в межвоенной Великобритании предстает «антисоветский фактор».

The Times (газета была связана с проправительственными кругами периода коалиционного правительства Н. Чемберлена – 1937–1940) при анализе событий в Испании 1936–1939 гг. изначально следовала антисоветской линии. Довольно часто информационным атакам на ее страницах подвергалась советская позиция в Комитете по невмешательству в дела Испании (далее: КПН, Комитет). Он начал работу в сентябре 1936 г. в Лондоне для реализации Соглашения о невмешательстве, в него вошло 27 стран, в т. ч. СССР, Великобритания, Италия, Германия и Франция [5].

В одной из статей в *Times* было с симпатией прокомментировано отрицательное решение председателя КПН лорда Плимута о необходимости разбирательства по запросу советского правительства о «принятии эффективных мер по блокаде португальских портов», через которые испанские мятежники получали иностранное оружие (*Times*. 1936. 22 Oct.). Советская тактика в Комитете была названа «визгливой, разрушительной и вредной» (*Times*. 1936. 22 Oct.). Сам советский запрос был отклонен из-за «отсутствия свидетельств о снабжении мятежников через указанные порты» (*Times*. 1936. 22 Oct.).

В контексте осложнения международной обстановки в Европе во 2-й пол. 1930-х гг. в печати и аналитических работах появлялись прогнозы будущего политического развития Испании. Так, автор консервативной *Daily Express* В. Форест отмечал схожие черты в общественно-политическом развитии России 1917 г. и Испании 1936 г. Он заключал, что весьма вероятным завершением испанских событий может стать «еще одна советская республика, которая будет представлять угрозу миру» (*Daily Express*. 1936. 21 Oct.). Показательны следующие его наблюдения: «Россия: зима 1917 г. – буржуазно-демократическая революция, лето – антиправительственный мятеж, осень – приход к власти левых экстремистов; Испания: зима – революция (выборы в Кортесы в феврале, давшие большинство коалиции Народного фронта), лето – военное восстание, осень – ?» (явный намек на эволюцию режима Республики в левоэкстремистском направлении) (*Daily Express*. 1936. 21 Oct.).

Правой британской прессой был создан образ «неконструктивности» советской тактики в Комитете (акцент на протестах, обструкциях, демаршах советского представителя в КПН полпреда И. Майского). Следует отметить, что аналогичные действия со стороны представителей Италии и Германии не освещались в проправительственных изданиях так полно. Позже медийная тактика *The Times* стала заключаться в использовании образа врага в более сложных пропагандистских схемах. Например, помещая информацию о принятии КПН решения об установлении инспекторского контроля на испанских границах (2-я половина июля 1937 г.), издание опубликовало часть интервью Майского, направленного на поиск компромисса в этом вопросе (британский план не предполагал участия советских представителей в контроле за испанскими границами). Акцент на принципиальной согласии с предложением Советского Союза (представляемого в качестве самого «несговорчивого» партнера по КПН) подчеркивал значительные усилия английской дипломатии по разрешению испанской проблемы (*The Times*. 1936. 27 Jul.).

Лейбористская *Daily Herald* тоже критиковала действия советского представителя в Комитете. В одной из статей сообщалось о несогласии СССР с нарушениями соглашения о невмешательстве в испанские дела. В нейтральном тоне повествовалось об ультиматуме советской стороны по принятию мер по недопущению противоречащих международным обязательствам действий Рима и Берлина. Издание опубликовало ноту советского поверенного в делах в Великобри-

тании С. Кагана (временно замещал Майского), в которой, в частности, содержалось заявление: «Италия и Германия заинтересованы в сырье и базах – вот главная причина итало-германской интервенции в Испании» (Daily Herald. 1936. 14 Oct.). В данном случае при несколько критическом отношении к СССР налицо негативное восприятие Италии и Германии.

Daily Worker акцентировала внимание на информационной поддержке, оказываемой Советским Союзом республиканской Испании. В городах Советского Союза проводились митинги и иные массовые мероприятия. Выпускалось большое количество плакатов с портретами лидеров республиканской Испании (упор делался на героизации коммунистических деятелей). Большое значение имели многочисленные книги, брошюры, радиопередачи, фильмы об Испании (Daily Worker. 1937. 8 Nov.).

Дипломатические шаги Советского Союза по созданию «антигерманской коалиции» поддерживала центристская *Daily Mirror*, критикуя при этом кабинет Чемберлена, который «проводит в Испании трусливую политику». Автор статьи особо подчеркивал, что внешнеполитический курс на «умиротворение» агрессоров не подвергается серьезному анализу в британской прессе. Даже многие члены оппозиции подписались под поздравлением главе правительства Чемберлену со словами «с восхищением, уважением, и преданностью Вам» (Daily Mirror. 1938. 18 Mar.). И пусть это была всего лишь вежливая форма, все же «сервильная» тенденция в британском политическом истеблишменте того периода была налицо. В сравнении с умиротворением политика СССР на противодействие Германии в Испании вызывала большее уважение (Daily Mirror. 1938. 18 Mar.).

Либеральная *Manchester Guardian* в статье «Литвинов дрожит перед диктаторами» выразила недовольство позицией СССР ввиду отрицательного отношения советского руководства к британскому плану по формированию комиссии наблюдателей для вывода иностранцев, сражавшихся на стороне Республики. Нарком по иностранным делам СССР Литвинов представлялся не соответствующим своей должности, его позиция и заявления определялись как «шаблонные» (Manchester Guardian. 1938. 18 Sep.).

Резко антисоветскую позицию занял и другой значимый либеральный орган – *The Observer*. Он сообщал о «чистках» в партийных и армейских кругах в Советском Союзе. Еженедельник приводил эти факты вместе с сообщениями об участии военных советников из СССР в обороне Бильбао. Автор статьи считал, что как бы «не старались «красные», комплекс укреплений вокруг столицы Страны Басков будет прорван, а их, русских помощников, расстреляют так же, как Тухачевского» (The Observer. 1937. 13 Jun.). Отдельное значение имела персонификация советских политических деятелей (часто персонажем карикатур становились И. Сталин, И. Майский, М. Литвинов). В контексте идеологических аспектов Гражданской войны в Испании 1936–1939 гг. пропагандистской атаке подвергался и коммунистический режим как таковой. *The Observer* писала, что для перевозки грузов военного назначения и войск в Испанию «иностранцами» (подразумевался Советский Союз) часто используется «красный флаг торгового флота Его Величества» (The Observer. 1937. 22 Aug.). Эти сообщения являли собой яркий пример дезинформации.

Автор *Daily Mirror* отмечал, что, якобы, в ответ на обещание Германии отправить в Испанию 6 тыс. новых «волонтеров» для помощи националистам, 4 тыс. обученных «добровольцев» военизированных формирований Советского Союза, в том числе женщины, написали обращение к Сталину с просьбой о направлении их на фронты Испании для содействия республиканскому правительству. Газета не сообщала о том, была ли эта просьба удовлетворена, однако отмечалось, что «боевой дух» в советском обществе очень велик (Daily Mirror. 1936. 3 Dec.). *Contemporary Review* в одной из статей упоминала о существенной роли, которую сыграли советники из России в обороне испанской столицы, со ссылкой на слова видного республиканского генерала Х. Миахи [6].

Особенно явственно *Manchester Guardian* критиковала участие советских войск в боевых действиях. В статье «Иностранное участие в Испании» газета, по сути, соглашалась с мнением, выраженным в одном из фалангистских изданий (Фаланга – сокращенное название партии фашистского типа в Испании. – Н. Ф.), что наличие иностранных войск на стороне обоих противоборствующих лагерей негативно для Испании и ведет к эскалации конфликта. В данном случае участие контингентов из СССР в боевых действиях не рассматривалось отдельно от итало-германского вмешательства, что сглаживало впечатление от новости (Manchester Guardian. 1937. 20 Dec.).

Только положительно оценивала помощь законному правительству Испании со стороны СССР прокоммунистическая *Daily Worker*. Ссылаясь на данные агентства *Exchange Telegraph*, газета писала о митинге в Барселоне на площади перед зданием правительства автономной Каталонии, в котором принимали участие представители всех партий Народного фронта – около 350 тыс. чел. (явное преувеличение). Собравшиеся благодарили советское правительство за оказание помощи Республике в условиях международного давления. В отдельных заметках, например, в статье «Дети из Страны Басков в Ленинграде», была помещена информация о ряде гуманитарных акций, в данном случае о принятии испанских детей в СССР (Daily Worker. 1938. 12 Feb.).

Пример нейтральной подачи информации о советской помощи Республике продемонстрировала консервативная *Daily Express*. В одной из заметок корреспондент издания сообщал о советском судне, которое доставило в один из республиканских портов 27 самолетов. Также в номере содержалась информация о том, что еще один корабль вышел из Ленинграда с грузом продуктов и одежды общим весом 2 тыс. тонн. Издание уточняло, что груз направлен «для испанских женщин и детей» (*Daily Express*. 1936. 21 Sep.). В этом же ряду и информация в *Daily Mirror*. Статья об аресте советского судна «Чубарь» инсургентами в испанских территориальных водах носила нейтральный характер, без аналитической составляющей (*Daily Mirror*. 1936. 28 Nov.).

Издание «патриотически настроенных рабочих», профашистская *Blackshirt*, связанная с БСФ («Британский союз фашистов» – крупнейшая фашистская организация в Великобритании рассматриваемого времени. – Н. Ф.), писала о двух ошибках британской прессы при рассмотрении гражданского противостояния в Испании. Во-первых, был затронут тезис, что республиканские силы отстаивают демократические принципы. Во-вторых – положение, согласно которому испанские националисты «все до единого – фашисты». Медийной тактике газеты был присущ тезис о снабжении республиканцев «московскими деньгами». *Blackshirt* сообщала, что на территории республики царит коммунистический террор, созданы концлагеря и все недовольные правящим режимом уничтожаются. Весьма показательное сообщение о командировке известного венгерского коммуниста Б. Куна в Испанию для подготовки восстания в националистической зоне. Также утверждалось, что «русское коммунистическое» и «французское социалистическое» правительства сделали из британского кабинета Болдуина марионеточный псевдодемократический режим, используя невмешательство как прикрытие коммунистической агрессии в Испании (*Blackshirt*. 1936. 29 Aug.). Данная информация не соответствовала действительности, отвечала основным положениям идеологии британских крайне правых.

В заметке в *Blackshirt* «Мы помним и о России, и об Испании» журналист Г. Гибс писал, что большевизм уничтожил миллионы людей, чтобы прийти к власти в России, в данный период он пытается захватить власть и в Испании. Причину гражданского конфликта автор видел в «большевистском вирусе», который был занесен в Испанию из СССР, чем противопоставлял испанских патриотов якобы обманутым коммунистической пропагандой республиканцам. Также он писал, что Россия стремится к новым и новым жертвам (*Blackshirt*. 1936. 28 Nov.). В другой публикации в *Blackshirt* утверждалось, что «руководители мировой революции» собираются с помощью Испании овладеть Средиземным морем. Следующая их цель – развязать общеевропейскую войну, блокировать торговые пути и самостоятельно устанавливать цены на товары (*Blackshirt*. 1936. 30 Nov.). Подобные инсинуации встречались в *Blackshirt* достаточно часто.

Весьма показательны и статьи с названиями «Русское оружие высылается в Испанию», «Русские в испанской столице» (*Blackshirt*. 1936. 5 Dec.). Демократический характер республиканского правительства ставился под сомнение. Также выражались опасения, что Испания в будущем могла бы подключиться к пакту России, Франции и Чехословакии (имелись в виду советско-французский и советско-чехословацкий договоры 2 и 16 мая 1935 г. На самом деле они не были триединым соглашением – явная смысловая манипуляция). Во второй статье содержалась информация о том, что «большевистская» техника поступает в Картахену и Барселону под флагами латиноамериканских государств. Издание сообщало, что количество советских контингентов в Испании уже позволяет квалифицировать советское присутствие как интервенцию. Сообщалось, что испанская столица в октябре 1936 г. была удержана только благодаря советникам из СССР и бойцам интернациональных бригад (также очевидная инсинуация), а обороной Мадрида руководили два русских генерала. По мнению автора публикации, исход испанского конфликта станет показателем возможности европейской цивилизации противостоять коммунизму. Если «Испания будет завоевана», то незамедлительно последует агрессия со стороны Советской России в отношении стран Восточной и Центральной Европы (*Blackshirt*. 1936. 12 Dec.).

Резюмируя сказанное, необходимо отметить, что советское присутствие в испанском конфликте обозначалось в британской прессе в различных формах: дипломатическая помощь, пропагандистская поддержка; материальная помощь (в т. ч. военные материалы); непосредственное участие в боевых операциях и деятельность советников. Несмотря на очевидную антикоммунистическую позицию ряда британских газет, свидетельства о непосредственном участии советских контингентов в испанской войне относительно редки (за исключением профашистских газет и либеральной *The Observer*). В последней образ врага во многом совпадал с образом Советского Союза, дополненного антикоммунистическими выпадами в духе клерикальной пропаганды. По степени необоснованной критики советской роли в Гражданской войне в Испании 1936–1939 гг. *The Observer* был близок к профашистским изданиям.

Частично антисоветскую линию проводили *Manchester Guardian*, *The Times*, и *Daily Mail* («имперское» по своей сути издание). Консервативная *Daily Express* и центристская *Daily Mirror* пытались в то же время максимально дистанцироваться от антисоветской риторики ввиду своей ярко выраженной антифранкистской позиции в испанском вопросе. Слабопозитивный образ СССР оформился в *Contemporary Review*, *Daily Herald*. Однако эти издания не признавали непосредственное участие советских войск в военных действиях и вмешательство советских представителей в дела Испании. Наконец, крайне левые издания, такие как *The Weekly Daily Worker*, писали о советском факторе в Испании довольно редко, причем только в комплиментарном тоне. Акцентировались гуманитарные мотивы помощи со стороны Советского Союза республиканцам.

Примечательно отсутствие прямой зависимости между политической позицией изданий и этнонимичным пониманием СССР. В равной степени применялись три основных обозначения: СССР, Советская Россия и Россия. Таким образом, коммунистический режим и государство выступали в качестве аффилированных понятий. Очевидно, что Россия – СССР представлялись не столько идеологической, сколько геополитической и исторической данностью.

Особого внимания требует изучение построения образа врага в британской фашистской прессе на примере связей Советского Союза и республиканской Испании. То же можно сказать и о части либеральной и клерикальной прессы (*The Observer*, *Catholic Herald* и т. д.). В их трактовке вмешательство в испанские события подвергалось постоянному анализу и сопровождалось массированными информационными атаками. Профашистские газеты *Fascist Week*, *Action* и *Blackshirt* оставались верны идеологической платформе национализма, имперской «державности» (при весьма скептическом отношении к институту монархии), настроениям антисоветизма и антисемитизма. Определение «коммунизм» на страницах британской профашистской прессы наиболее полно соединило в себе сущностные черты образа врага – понятие исходящей опасности и необходимости мобилизации всех сил общества для защиты. В публикациях происходило отождествление понятий «советский», «красный» и «коммунистический». Советский Союз демонизировался. Именно он назывался «вдохновителем испанской войны». Необходимо подчеркнуть, что сведения об участии советского правительства в той или иной форме «закулисных манипуляций» с целью подрыва общественно-политической обстановки в Испании появились в профашистских изданиях еще в 1934 г., что свидетельствовало о явной тенденциозности последних.

Не только в профашистских, но и в ряде консервативных изданий Великобритании развивалась мифология о полной зависимости правительства Народного фронта от СССР (*The Times*, *Daily Mail*). Концепция органов прессы этого типа включала в себя также персонифицированную критику (политически неадекватную республиканской Испании, руководство СССР). Мишенью для информационных атак стало и «коммунистическое правительство Франции» (для *Action* и *Blackshirt*). Франция представлялась союзником Советского Союза в Испании, хотя это было далеко не так. Критике часто подвергались и «неспособные кабинеты» С. Болдуина (1935–1937) и Н. Чемберлена (1937–1940) за их «слабую» внешнюю политику.

В изданиях различных политических лагерей использовались такие пропагандистские приемы, как «образ единого врага», «гиперболизация» («преувеличение»), карикатуры, «демонизация». Особенно примитивен был набор средств пропаганды в крайне левых и крайне правых печатных СМИ (что в то же время не позволяет говорить об их низкой эффективности). Не менее явственно была выражена тенденция к слиянию образа внутреннего (критика правительства) и внешнего врага. Заметным явлением были стереотипизация и мифотворчество. Например, противопоставление «западной и восточной цивилизаций», «коммунистического варварства и европейского разума». Это характерные черты выделенной в концепции М. Маклюэна «холодной» пропаганды (не тяготеющей к мысленному дополнению образа) [7].

Примечания

1. См., например: Пожарская С. Франсиско Франко и его время. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007. 410 с.
2. Сориа Ж. Война и революция в Испании: в 2 т. / ред. С. П. Пожарская. М.: Прогресс, 1987. Т. 1. С. 8.
3. Новиков М. В. Гражданская война в Испании 1936–1939 гг. и советская дипломатия // Международные отношения в XX веке. Вып. 2. Киров, 2009. С. 87–104.
4. Британская империя, становление, эволюция, распад: новая и новейшая история: учеб. пособие / В. В. Высокова. Екатеринбург: Волот, 2010. С. 34.
5. Малай В. В. Гражданская война в Испании 1936–1939 годов и Европа: международные аспекты конфликта. М.: Наука, 2011.
6. The War in Spain // *Contemporary Review*. 1937. Sep. P. 277.
7. Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека. М.; Жуковский: «КАНОН-пресс-Ц»: «Кучково поле», 2003. С. 27–30. (Приложение к серии «Публикации Центра фундаментальной социологии»).

Notes

1. See, for example: Pozharskaya S. *Fransisko Franko i ego vremena* [Francisco Franco and his time]. Moscow. OLMA Media Group. 2007. 410 p.
2. Soria J. *Vojna i revolucija v Ispanii* [War and revolution in Spain]: in 2 volumes / edited by S. P. Pozharskaya. Moscow. Progress. 1987. Vol. 1. P. 8.
3. Novikov M. V. *Grazhdanskaya vojna v Ispanii 1936–1939 gg. i sovetskaya diplomatiya* [Civil war in Spain 1936-1939 and Soviet diplomacy] // *Mezhdunarodnye otnosheniya v XX veke* - International relations in the twentieth century. Is. 2. Kirov. 2009. Pp. 87-104.
4. *Britanskaya imperiya, stanovlenie, ehvolucija, raspad: novaya i novejschaya istoriya: ucheb. posobie* - The British Empire, the formation, evolution and decay: modern and contemporary history: tutorial / V. V. Vysokova. Ekaterinburg, Volot. 2010. P. 34.
5. Malai V. V. *Grazhdanskaya vojna v Ispanii 1936–1939 godov i Evropa: mezhdunarodnye aspekty konflikta* [Civil war in Spain 1936-1939 and Europe: international aspects of the conflict]. Moscow. Nauka. 2011.
6. The War in Spain // *Contemporary Review*. 1937. Sep. P. 277.
7. McLuhan M. *Ponimanie media: vneshnie rasshireniya cheloveka* [Understanding of media: the extensions of a man]. Moscow; Zhukovsky: "CANON-press-C": "Kuchkovo pole". 2003. Pp. 27-30. (Annex to the series "Publications of the Centre of fundamental sociology").

УДК 94(430).086

Е. И. Кудрин

**Политика британских оккупационных властей
в отношении уголовного преследования
нацистских преступников (1945–1949): гендерный аспект вопроса**

Окончание военных действий в Европе поставило перед союзниками ряд новых вызовов, одним из которых являлось уголовное преследование лиц, причастных к военным преступлениям и преступлениям против человечности. На скамье подсудимых в Британской зоне оккупации оказались около 50 женщин, бывших сотрудниц охранных гарнизонов концлагерей, обвиняемых в жестоком обращении с заключенными. Великобритания в вопросах уголовного преследования бывших нацистских преступников явилась пионером, так как на момент первых судебных разбирательств нормы международного права еще не были институционализированы решениями Международного военного трибунала. Таким образом, трибуналы полагались в своей деятельности на действующее национальное законодательство. С другой стороны, даже принятие Союзническим Контрольным советом мер правового характера, унифицирующих процедуру судебных разбирательств и применяемых норм, не привело к существенной корректировке курса английского правительства в данном вопросе.

Once the war was ended in Europe a number of challenges emerged, one of them was the legal prosecution of those involved in war crimes and crimes against humanity. The defendants in the British zone of occupation were about 50 women who earlier acting as concentration camp guards, accused of ill-treatment of prisoners. United Kingdom in matters of criminal prosecution of former Nazi war criminals was a pioneer, because at the time of the first trial international law had not yet been institutionalized by mean of decisions of the International Military Tribunal. Thus, military tribunals applied the norms of the national legislation. On the other hand, the adoption of the legal measures by the Allied Control Council in order to unify the procedure and applicable rules, did not lead the British Government to adjust to the common course.

Ключевые слова: Британская зона оккупации, концентрационный лагерь, надзирательница, нацистские преступники, СС.

Keywords: British occupation zone, concentration camp, lady-superintendent, nazi offenders, SS.

К октябрю 1945 г. в Британской зоне оккупации (Britische Besatzungszone) находились в заключении более 20 тыс. человек, подозреваемых в причастности к военным преступлениям. Порядка 2 тыс. человек английское правительство планировало привлечь к суду за совершенные деяния. Однако уже во второй половине 1945 г. встал вопрос о прекращении судебного преследования бывших нацистских преступников. Данный поворот обуславливался, главным образом, объективными причинами: кадровый голод, связанный с демобилизацией, отсутствие необходимых материальных, транспортных средств, инфраструктуры и т. д.

Тем не менее в первые пять послевоенных лет (1945–1950), на которые приходится пик судебных разбирательств, 1085 представителей государств оси, главным образом, немцев, предстали перед судами в ходе 356 разбирательств под председательством Великобритании [1]. Малоизвестным остается тот факт, что на скамье подсудимых оказались женщины, бывшие сотрудницы охранных гарнизонов СС концентрационных лагерей для женщин.

В настоящее время вопрос уголовного преследования нацистских преступников, в том числе представительниц администрации лагерей, несмотря на солидную историографическую и источниковую базу, остается освещенным достаточно фрагментарно. Дело в том, что профессиональные историки долгое время не имели физического доступа к судебным материалам. Так, по указанному периоду гриф «Секретно» с актов, находящихся на хранении в бывшем Public Record Office (Лондон), был снят в 1977 г.

Открытый доступ к архивным материалам, а также пересмотр превалирующих в историографии положений в свете новых историко-философских парадигм привел к оживлению дискуссий и появлению плеяды авторов, исследовавших, в том числе, специфику формирования правовой оценки деятельности бывших надзирательниц концлагерей в Британской зоне оккупации. Среди указанных авторов отметим Н. С. Бересфорда, Д. Блоксама, Дж. Крамера, А. Кретцер, А. Рудорфф и И. Эшебах [2].

Первым крупным судебным разбирательством послевоенных лет стал процесс в г. Люнебурге под председательством Великобритании (17 сентября – 17 ноября 1945), вошедший в историю как «Бельзенский процесс». На скамье подсудимых оказались 45 сотрудников концентрационных лагерей (среди них 16 женщин), которым было предъявлено два пункта обвинения. Первый пункт предусматривал обвинение в жестоком обращении с заключенными, интернированными в Берген-Бельзен в период с 1 октября 1942 по 30 апреля 1945 г.; второй пункт, идентичный в формулировках первому, был связан с преступной деятельностью подсудимых в концентрационном лагере Освенцим в период с 1 октября 1942 по 30 апреля 1945 г. [3] Таким образом, Бельзенский процесс фактически становится первым послевоенным судебным разбирательством, на котором рассматривалась деятельность лагерного персонала Освенцима. Из 16 женщин, находившихся на скамье подсудимых, по двум пунктам обвинялись только И. Грезе и Э. Фолькенрат, обе долгое время служившие в Освенциме и его лагерных отделениях. Ю. Борманн, которая среди всех подсудимых имела наибольший опыт службы в системе концентрационных лагерей (с 1938 г.), было предъявлено обвинение только по второму пункту. Остальные женщины проходили по первому пункту обвинения.

Процесс вызвал значительный резонанс со стороны общественности, в том числе благодаря тому факту, что на скамье подсудимых находились женщины. Таблоид «Daily Mirror» писал об одной из обвиняемых следующее: «...привлекательная блондинка, больше похожая на голливудскую кинозвезду» [4]. Национал-социализм, таким образом, приобретал женское лицо, что свидетельствовало о том, что не только и не столько мужчины были причастны к его преступлениям.

Треть женщин на скамье подсудимых поступили на службу в систему концентрационных лагерей до 1944 г., в большинстве своем добровольно и в зрелом возрасте. По некоторым подсчетам, именно в 1944 г., на который приходится пик мобилизационной кампании, подписали контракт с администрациями лагерей добровольно или в рамках всеобщей мобилизации 1806 женщин, что составило 77% по сравнению с предыдущим годом [5]. Большая часть подсудимых оказалась в числе этих женщин. Это были сотрудницы промышленных предприятий, администрации которых командировали в Равенсбрюк и другие лагеря для обучения и облечения соответствующими полномочиями. По возвращении на предприятие на этих женщин возлагались обязанности по надзору над заключенными близлежащих лагерей, задействованными в качестве бесплатной рабочей силы. Во-вторых, пестрым представляется возрастной портрет подсудимых: одна женщина – 1893 г. р., шесть женщин – 1900–1919 г. р., наконец, восемь женщин – 1921–1923 г. р.

Несомненно, главной особенностью данного процесса является его беспрецедентность, так как решения Международного военного трибунала, признавшего преступный характер нацистских организаций, в том числе СС, а также само определение «преступлений против человечест-

ва», закрепленное ст. 6 Устава Трибунала и использовавшееся в дальнейших судебных разбирательствах, к моменту вынесения приговоров еще не были оглашены.

В первые послевоенные месяцы, предшествующие Нюрнбергскому процессу, юридической базой судебного преследования нацистских преступников становились правовые акты национального законодательства, зачастую не только не соответствовавшего нормам международного права, но также требовавшего внесения соответствующих поправок в собственные процессуальные нормы. Так, судебные процессы в Британской зоне оккупации проходили в рамках Королевского разрешения (Royal Warrant) от 14 июня 1945 г., статья 8 (i) которого допускала, например, использование письменных показаний под присягой (аффидевит). Английское законодательство на тот момент, в свою очередь, исключало письменные показания, данные под присягой, из процессуальной нормы. Тем не менее аффидевит сыграл существенную роль в ходе большинства процессов в Британской зоне оккупации, что связано с объективными причинами. Многие свидетели не могли очно участвовать в процессах и давать свидетельские показания под присягой либо в связи с репатриацией на родину, либо по медицинским показаниям. Таким образом, в общей неразберихе массового перемещения людских масс в первые послевоенные месяцы и годы, на которые приходится большинство процессов, аффидевит оставался если не единственным, то эффективным механизмом процессуальной нормы. Одновременно с этим применение в судебной практике письменных показаний привело к ряду сложностей. Во-первых, представители обвинения и защиты лишались возможности перекрестного допроса свидетелей. Во-вторых, усугублялся и без того остро стоящий вопрос, связанный с опознанием обвиняемых. Достоверная идентификация подсудимых очно в зале заседаний или по предъявленным фотографиям, в конечном счете, служила для того, чтобы доказать их причастность к конкретным пунктам обвинения и привлечь к уголовной ответственности. В большинстве случаев бывшие заключенные идентифицируют надзирательниц словом «ауфзерка» (от немецкого слова «Aufseherin» – надзирательница) либо не упоминая их имен или фамилий, либо воспроизводя их фонетически, с искажениями. Дело в том, что согласно действующему лагерному распорядку и сложившимся неформальным связям среди надзирательниц и заключенных, последние обязаны были приветствовать надзирательниц по стойке смирно, обращаясь к ним «Frau Aufseherin» или «Fräulein Aufseherin» [6]. За редким исключением – и только в отношении действительно одиозных надзирательниц, отличавшихся особо жестоким обращением с заключенными, – как опубликованные, так и неопубликованные воспоминания бывших заключенных донесли незначительное упоминание женщин из числа бывших надзирательниц с указанием их имен или фамилий, а также занимаемых должностей и выполняемых функций. Так, одна свидетель обвинения заявила под присягой: «Я не знала ее имени в то время, но я опознаю ее на предъявленных мне фотографиях» [7].

Другая свидетельница не была даже уверена в том, действительно ли женщина на скамье подсудимых являлась надзирательницей, в отношении которой она давала показания.

«Я сказала Веннигер, но, насколько я знаю, в лагере находились две сестры, которые были очень похожи друг на друга. Одна была Веннигер, а другая – Фолькенрат». И далее:

Вопрос: – Вы можете с уверенностью сказать, кто сидит на скамье подсудимых, Веннигер или Фолькенрат?

Ответ: – Нет, не могу [8].

Другим немаловажным является тот факт, что Королевское разрешение не касалось ни преступлений против мира, ни преступлений против человечества. Подсудимые в рамках бельзенского и последующих процессов привлекались к суду фактически за военные преступления, то есть нарушение законов и обычаев войны, совершенных в ходе любой войны, в которую «Её Величество было вовлечено или могло быть вовлечено в любое время, начиная со 2 сентября 1939 г.» [9]

В результате судебных слушаний с участием подсудимых, их адвокатов, свидетелей обвинения и защиты три женщины были оправданы, остальные признаны виновными по обоим или одному пункту обвинения и приговорены к различным наказаниям. И. Грезе, Э. Фолькенрат, Ю. Борманн были приговорены к смертной казни, остальные – к различным срокам тюремного наказания (от одного до 15 лет тюремного заключения).

«Бельзенский процесс», оглашение вердикта по которому состоялось за несколько дней до начала работы Международного Военного Трибунала, вызвал критику как в Великобритании, так и за ее пределами. В первую очередь критике подверглись мягкие приговоры, вынесенные в отношении лиц, вина которых была доказана. Справедливости ради необходимо отметить, что приговоры не имели обосновательной части, таким образом, установить причины, обусловившие принятие того или иного решения в отношении подсудимых, в настоящее время представляется невозможным. С другой стороны, подсудимые, обвинения в отношении которых основывались

исключительно на аффиците, были или оправданы, или получили незначительные сроки тюремного заключения. Именно поэтому за «Бельзенским процессом» в историографии закрепился эпитет «пародия на справедливость» [10].

Недовольство широких слоев английского общества, а также непосредственных участников процесса вызвали его длительность и неудовлетворительная организация, например, работа переводчиков, квалификация которых не соответствовала предъявляемым требованиям.

Впоследствии из соображений экономии людских и материальных средств было принято решение, что одновременно на скамье подсудимых не будет находиться более 10–12 человек. Тем самым значительно сокращался штат адвокатов защиты, а также время рассмотрения конкретных дел. Другим нововведением также становится требование, чтобы все обвиняемые говорили на одном языке. Что касается судебного-процессуальной нормы, то вина подсудимого могла быть доказана только при условии, как минимум, одного очного свидетельского показания или не менее двух непротиворечивых письменных свидетельств в отношении преступной деятельности подсудимого.

Второй Бельзенский процесс представлял собой серию процессов, имевших место в г. Целле в период с 16 по 30 мая 1946 г. Из числа восьми обвиняемых перед судом предстали три бывшие надзирательницы, служившие ранее в лагерях Равенсбрюк, Нейенгамме, Освенцим, Майданек и их отделениях.

Рассмотрение дела в отношении военных преступлений, совершенных Аннелизе Кольманн, бывшей кондуктором трамвая в г. Гамбург, имело место 16–18 мая 1946 г. Ей было предъявлено обвинение в жестоком обращении с гражданами союзных государств в г. Гамбурге и его окрестностях в период с июня 1944 по март 1945 г. В частности, она обвинялась в побоях заключенных лагерного отделения Тифштак. А. Кольманн была приговорена к двум годам тюремного заключения.

Двумя днями позже, 20 мая 1946 г., на скамье подсудимых оказалась Марта Линке. Она родилась 27 января 1922 г. в Силезии. Ее путь на службу в концентрационный лагерь пролегал через администрацию предприятия, на котором она трудилась: в августе 1944 г. М. Линке была командирована для обучения в Лангенбилау, откуда ее перевели на фабрику Роерсдорф в качестве надзирательницы. В связи с приближением к фабрике Советской Армии и угрозой освобождения все заключенные в сопровождении надзирательниц были эвакуированы в Берген-Бельзен. Так, Линке оказалась на службе в гарнизоне этого лагеря 28 февраля 1945 г.

Она обвинялась в жестоком обращении с гражданами союзных государств, интернированными в концентрационный лагерь Берген-Бельзен в период с декабря 1944 по апрель 1945 г. Свидетели обвинения показали, что обвиняемая избивала заключенных резиновой дубинкой или сапогами, иногда до смерти [11].

Необходимо отметить тот факт, что, как и в случае с первым Бельзенским процессом, имели место многочисленные ошибки как со стороны обвинения и защиты, так и со стороны свидетелей – бывших заключенных. Свидетель обвинения Ф. Хорват показала, что М. Линке была худшей надзирательницей в Равенсбрюке, избивая заключенных во время переключек [12]. Однако доказательств того, что Линке служила в Равенсбрюке, не сохранилось. Тем не менее в результате рассмотрения ее дела она была признана виновной в совершении предъявленных ей обвинений и приговорена к двенадцати годам тюремного заключения.

Наконец, 21–22 мая 1946 г. рассматривалось дело в отношении Г. Хайзе. Несмотря на долгий опыт службы в системе концлагерей, в том числе на руководящей должности (Гертруд Элли Хайзе поступила на службу в Равенсбрюк в 1942 г. Впоследствии служила в Майданеке, Плашове, Освенциме, Оберхайде (в должности старшей надзирательницы), Берген-Бельзене), обвинение ограничилось только военными преступлениями, совершенными в Освенциме и его окрестностях в период с июля 1943 по декабрь 1944 г. Помимо жестокого обращения с заключенными ей инкриминировалось убийство и участие в отборе в газовые камеры. В итоге Г. Хайзе была приговорена к десяти годам тюремного заключения. Впоследствии приговор был смягчен и срок заключения сокращен до семи лет.

Под председательством Великобритании рассматривался ряд второстепенных дел относительно деятельности сотрудниц концентрационного лагеря Нейенгамме и его отделений (Зазель, Нейграбен и Тифштак) в Гамбурге. В июне – июле 1946 года перед судом предстали 16 бывших надзирательниц, приговоренных к различным срокам тюремного заключения [13]. Данные процессы не носили массового характера, длились непродолжительное время и заканчивались оправдательными или достаточно мягкими вердиктами.

Несомненно, значимыми процессами, в ходе которых рассматривались преступления, совершенные бывшими сотрудницами концентрационных лагерей, были так называемые «Гамбургские процессы» или «Равенсбрюкские процессы» под председательством Великобритании в отношении лагерного персонала Равенсбрюка.

Первый процесс против т. н. «главных военных преступников» („Hauptkriegsverbrecher“) состоялся 5 декабря 1946 – 3 февраля 1947 г. в г. Гамбурге. На скамье подсудимых помимо девяти мужчин оказались семь женщин (бывшие надзирательницы и медицинский персонал гарнизона лагеря, а также заключенные-функционеры). Им было предъявлено обвинение в совершении военных преступлений в Равенсбрюке в период с 1939 по 1945 г., когда они в качестве сотрудников Равенсбрюка в нарушение законов и обычаев войны были вовлечены в жестокое обращение и убийство граждан союзных государств [14].

Из числа бывших надзирательниц были признаны виновными и приговорены к смертной казни через повешение Д. Бинц и М. Бёзель; к десяти годам тюремного заключения приговорена бывшая надзирательница тюремного блока М. Мевес.

К марту 1947 г. в лагерях военнопленных в Британской зоне оккупации находились 208 бывших охранников Равенсбрюка; из них 100 женщин и 108 мужчин [15]. В указанную группу женщин входили 80 надзирательниц лагерных отделений Равенсбрюка и 20 надзирательниц, служивших в головном лагере.

Чтобы избежать длительных и сложных процессов с участием большого числа обвиняемых, оставшиеся дела по Равенсбрюку были разбиты на шесть групп. Предполагалось, что дела в отношении того или иного обвиняемого будут рассматриваться судом в рамках каждой группы. Впоследствии число групп сократилось до пяти:

Врачи и медицинские сестры.

Адъютанты администрации.

Старшие надзирательницы.

Персонал молодежного лагеря Уккермарк.

Персонал СС швейных мастерских.

Из перечисленных выше групп, соответствующих судебному разбирательству, наибольший интерес в связи с заявленной темой представляют третий и шестой процессы, имевшие место 14–26 апреля 1948 г. и 2–21 июля 1948 г. соответственно. В ходе третьего процесса «Ravensbrück Jugendschulungslager Case № 3» перед судом предстали бывшие сотрудницы молодежного лагеря Уккермарк Й. Браах, Р. Клозиус, Э. Монеке, М. Рабе и Ф. Тоберенц. Шестой процесс «Ravensbrück Case № 6» рассматривал дела бывших надзирательниц концентрационного лагеря Равенсбрюк и его лагерных отделений. Среди подсудимых находились старшие надзирательницы Э. Циммер, А. Кляйн и Л. Бруннер, служившие в Равенсбрюке на различных этапах его существования. Обвинения, предъявляемые подсудимым, были детализированы. Так, обвиняемым в рамках шестого процесса были предъявлены помимо обвинения в жестоком обращении и убийстве заключенных, идентичном первому процессу, также обвинение в участии в селекциях заключенных в период с сентября 1939 по апрель 1945 г. По данному пункту обвинения проходили все старшие надзирательницы Равенсбрюка, представшие перед судом, а также бывшая сотрудница отдела труда Г. Шрайтер. Из 11 бывших надзирательниц, оказавшихся на скамье подсудимых, три приговорены к смертной казни, остальные – к различным срокам заключения или оправданы по причине недостаточной доказательной базы.

В итоге в 1945–1948 гг. в Британской зоне оккупации перед судом предстали 49 женщин, бывших сотрудниц администрации концентрационных лагерей Равенсбрюк и Нейенгамме, а также их отделений.

Примечания

1. *Harwood R.* Nuremberg and other War Crimes Trials: A New Look. Chapel Ascote, Ladbroke, Southam, Warks: Historical Review Press, 1978. P. 1; *Kretzer A.* NS-Täterschaft und Geschlecht Der erste britische Ravensbrück-Prozess 1946/47 in Hamburg. Berlin, 2009. S. 25.

2. *Beresford N. C.* The Belsen Trials 1945 – 1948. Lexington: N/A, 2013. 154 p.; *Bloxham D.* British War Crimes Trial Policy in Germany, 1945–1957: Implementation and Collapse // *Journal of British Studies*. Vol. 42. No. 1 (January 2003). P. 91–118; *Bloxham D.* From Streicher to Sawoniuk: the Holocaust in the Courtroom // *The Historiography of the Holocaust* / ed. D. Stone. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2004. P. 397–419; *Eschebach I.* Gespaltene Frauenbilder: Geschlechterdrataurgien im juristischen Diskurs ostdeutscher Gerichte // „Bestien“ und „Befehlsempfänger“: Frauen und Männer in NS-Prozessen nach 1945 / Herausgegeben U. Weckel und E. Wolfsum. Göttingen Vandenhoeck und Ruprecht, 2003. S. 95–116; *Heike I.* Ehemalige KZ-Aufseherinnen in westdeutschen Strafverfahren // *Schuldig. NS-Verbrechen vor deutschen Gerichten. Beiträge zur Geschichte der nationalsozialistischen Verfolgung in Norddeutschland*. Heft 9. Bremen, 2005. S. 89–101; *Kretzer A.* She who violates the law of war... Hauptkriegsverbrecherinnen im Hamburger Ravensbrück-Prozess 1946/47 // *Geschlechterverhältnisse in Krieg und Frieden. Perspektiven der feministischen Analyse internationaler Beziehungen*. Opladen, 2002. P. 123–141; *Kretzer A.* NS-Täterschaft und Geschlecht Der erste britische Ravensbrück-Prozess 1946/47 in Hamburg. Berlin, 2009; *Lower W.* Male and Female Holocaust Perpetrators and the East German Approach to Justice, 1949–1963 // *Holocaust and Genocide Studies*. 24. № 1. Spring 2010. P. 56–84; *Meyer K.* „Die Frau ist der Frieden der Welt“. Von Nutzen

und Lasten eines Weiblichkeitsstereotyps in Spruchkammerentscheidungen gegen Frauen // „Bestien“ und „Befehlsempfänger“: Frauen und Männer in NS-Prozessen nach 1945. Göttingen, 2003. P. 117–138.

3. Law Reports of Trials of War Criminals / Selected and prepared by The United Nations War Crimes Commission. Volume II. The Belsen Trial. L.: Published for the United Nations War Crimes Commission by His Majesty's Stationery Office, 1947. P. 4–5.

4. Belsen Blonde // Daily Mirror. 31 July, 1945.

5. Strebel B. Das KZ Ravensbrück. Geschichte eines Lagerkomplexes. Paderborn: Verlag Ferdinand Schöningh, 2003. S. 78.

6. *Aussage E. Gebhardt* // BStU. MfS HA IX/11 ZUV 39 Bd. 2. S. 74, *Eschebach I.* SS-Aufseherinnen des Frauenkonzentrationslagers Ravensbrück. Erinnerungen ehemaliger Häftlinge // Werkstatt Geschichte. 1996. № 13. S. 46.

7. Trial of Josef Kramer and forty-four others (The Belsen Trial) / ed. R. Phillips. London, Edinburgh, Glasgow: William Hodge and Company, Ltd., 1949. P. 82.

8. Trial. P. 119–120.

9. Law Reports of Trials of War Criminals. P. 126.

10. *Beresford N. C.* The Belsen Trials 1945–1948. P. 46.

11. TNA. WO 235/120.

12. TNA. WO 235/120.

13. TNA: WO 235/108, WO 235/109, WO 235/121, WO 235/124, WO 235/179.

14. Цит. по: *Kretzer A.* She who violates the law of war... S. 123.

15. *Kretzer A.* NS-Täterschaft und Geschlecht. S. 378.

Notes

1. *Harwood R.* Nuremberg and other War Crimes Trials: A New Look. Chapel Ascote, Ladbroke, Southam, Warks: Historical Review Press, 1978. P. 1; *Kretzer A.* NS-Täterschaft und Geschlecht Der erste britische Ravensbrück-Prozess 1946/47 in Hamburg. Berlin, 2009. S. 25.

2. *Beresford N. C.* The Belsen Trials 1945 – 1948. Lexington: N/A, 2013. 154 p.; *Bloxham D.* British War Crimes Trial Policy in Germany, 1945–1957: Implementation and Collapse // Journal of British Studies. Vol. 42. No. 1 (January 2003). P. 91–118; *Bloxham D.* From Streicher to Sawoniuk: the Holocaust in the Courtroom // The Historiography of the Holocaust / ed. D. Stone. N. Y.: Palgrave Macmillan, 2004. P. 397–419; *Eschebach I.* Gespaltene Frauenbilder: Geschlechterdrataurgien im juristischen Diskurs ostdeutscher Gerichte // „Bestien“ und „Befehlsempfänger“: Frauen und Männer in NS-Prozessen nach 1945 / Herausgegeben U. Weckel und E. Wolfrum. Göttingen Vandenhoeck und Ruprecht, 2003. S. 95–116; *Heike I.* Ehemalige KZ-Aufseherinnen in westdeutschen Strafverfahren // Schuldig. NS-Verbrechen vor deutschen Gerichten. Beiträge zur Geschichte der nationalsozialistischen Verfolgung in Norddeutschland. Heft 9. Bremen, 2005. S. 89–101; *Kretzer A.* She who violates the law of war... Hauptkriegsverbrecherinnen im Hamburger Ravensbrück-Prozess 1946/47 // Geschlechterverhältnisse in Krieg und Frieden. Perspektiven der feministischen Analyse internationaler Beziehungen. Opladen, 2002. P. 123–141; *Kretzer A.* NS-Täterschaft und Geschlecht Der erste britische Ravensbrück-Prozess 1946/47 in Hamburg. Berlin, 2009; *Lower W.* Male and Female Holocaust Perpetrators and the East German Approach to Justice, 1949–1963 // Holocaust and Genocide Studies. 24. № 1. Spring 2010. P. 56–84; *Meyer K.* „Die Frau ist der Frieden der Welt“. Von Nutzen und Lasten eines Weiblichkeitsstereotyps in Spruchkammerentscheidungen gegen Frauen // „Bestien“ und „Befehlsempfänger“: Frauen und Männer in NS-Prozessen nach 1945. Göttingen, 2003. P. 117–138.

3. Law Reports of Trials of War Criminals / Selected and prepared by The United Nations War Crimes Commission. Volume II. The Belsen Trial. L.: Published for the United Nations War Crimes Commission by His Majesty's Stationery Office, 1947. P. 4–5.

4. Belsen Blonde // Daily Mirror. 31 July, 1945.

5. Strebel B. Das KZ Ravensbrück. Geschichte eines Lagerkomplexes. Paderborn: Verlag Ferdinand Schöningh, 2003. S. 78.

6. *Aussage E. Gebhardt* // BStU. MfS HA IX/11 ZUV 39 Bd. 2. S. 74, *Eschebach I.* SS-Aufseherinnen des Frauenkonzentrationslagers Ravensbrück. Erinnerungen ehemaliger Häftlinge // Werkstatt Geschichte. 1996. № 13. S. 46.

7. Trial of Josef Kramer and forty-four others (The Belsen Trial) / ed. R. Phillips. London, Edinburgh, Glasgow: William Hodge and Company, Ltd., 1949. P. 82.

8. Trial. P. 119–120.

9. Law Reports of Trials of War Criminals. P. 126.

10. *Beresford N. C.* The Belsen Trials 1945–1948. P. 46.

11. TNA. WO 235/120.

12. TNA. WO 235/120.

13. TNA: WO 235/108, WO 235/109, WO 235/121, WO 235/124, WO 235/179.

14. Cit. by: *Kretzer A.* She who violates the law of war... S. 123.

15. *Kretzer A.* NS-Täterschaft und Geschlecht. S. 378.

Франция – Турция: роль стереотипов в двусторонних отношениях в начале XXI в.

Диалог Франции и Турции имеет длительную историю. Особенно интенсивно отношения между двумя странами начинают развиваться с XIX в., когда складываются своеобразные представления стран друг о друге. Франция и Турция, выстраивая двусторонние отношения, начинают руководствоваться не только объективными экономическими или политическими реалиями, но и иррациональными представлениями. Постепенно складываются определенные политические стереотипы, которые самым непосредственным образом влияют на восприятие странами друг друга. Политические лидеры обоих государств становятся своеобразными ретрансляторами данных стереотипов, которые порой влияют на внешнюю политику даже больше, чем политические взгляды самих глав государств. Особенно отчетливо взаимные стереотипы проявились в процессе принятия Турции в ЕС. Само желание Турции войти в Европейский союз имеет глубокое идейное основание, как и сопротивление Франции принятию Турции.

Dialogue France and Turkey has a long history. Particularly intense relationship between the two countries begin to develop from the XIX century. When folded peculiar ideas of each other. France and Turkey, building bilateral relations, begin to be guided not only by objective economic or political realities, but also irrational ideas. Gradually, some political stereotypes that most directly affect the perception of each other's countries. Political leaders of both states becomes a kind of repeater data stereotypes, which sometimes affect the foreign policy even more than the political views of the Heads of State themselves. Especially clearly manifested mutual stereotypes in the process of Turkey to the EU. The very desire of Turkey to join the European Union has deep ideological grounds, as well as the resistance of France, acceptance of Turkey.

Ключевые слова: Франция, Турция, Европейский союз, внешняя политика, стереотипность, европейская идентичность, экономика, член ЕС, принятие.

Keywords: France, Turkey, the European Union, foreign policy, stereotypical, European identity, the economy, a member of the EU, the adoption.

Не секрет, что франко-турецкие отношения никогда не были однозначными. Камнем преткновения является стремление Турции стать равноправным членом ЕС. За последние более чем сорок лет французская позиция относительно членства Турции в ЕС колебалась от сдержанно отрицательной до резко негативной (при президентах Ж. Шираке и Н. Саркози). Францию беспокоило, что в случае вхождения Турции в Европейский союз, ей придется столкнуться с натиском мощной иммиграционной волны и с потерей влияния на решения Европарламента, так как благодаря введению нового Конституционного договора у многонаселенной Турции появились бы реальные шансы заблокировать любое неудобное для Франции решение. Вместе с тем французское руководство и население Франции боялись «исламского влияния», особенно после терактов в США 11 сентября 2001 г. и погромов во Франции 2005 г. [1]

До 2004 г. французское руководство не высказывалось категорически против принятия Турции, но когда оно осознало, что механизм запущен и пути назад нет, то стало затягивать данный процесс. В частности, французские правящие круги разыграли «армянскую карту» – настаивали на признании Турцией геноцида армян начала XX в.

Парадоксальность франко-турецких отношений становится особенно очевидной после того как новый хозяин Елисейского дворца Франсуа Олланд резко повернул от принципа «недопустимости вступления Турции в ЕС» к налаживанию нормального диалога с Турцией. В чем кроется причина таких скачков французской политики в отношении Турции, сказать трудно. Очевидным кажется, что не только политические взгляды глав Пятой республики и смена контекста мировой политики влияют на колебания франко-турецких отношений.

Франко-турецкие отношения имеют многовековую историю, в результате которой сложился определенный стереотип восприятия странами друг друга. Стоит вспомнить, что первые дипломатические контакты между двумя странами восходят к XIV в., периоду правления Франциска I и Сулеймана Великолепного [2]. Именно тогда начала складываться матрица двусторонних

франко-турецких отношений. Франция и Турция традиционно воспринимали друг друга как международных лидеров. Такое отношение порождало конкуренцию между двумя странами и в то же время потребность «оглядываться» друг на друга. Стоит отметить, что османские турки называли Европу «Фирангистан», то есть «земля франков». Долгое время турки называли «франками» только жителей империи Каролингов, но затем стали называть так всех европейцев. К началу XIX в. османы стали воспринимать Фирангистан как нечто достойное внимания и подражания. Так, к концу XIX в. элита турецкого общества разговаривала на французском языке [3].

Государственные преобразования Атаюрка, последовавшие за провозглашением турецкой республики в 1923 г., сделали турецкое государство светским [4]. Такое положение дел должно было бы укрепить франко-турецкие отношения, но этого не произошло. Ярким свидетельством этого стал визит Ш. де Голля в Анкару в 1968 г., целью которого было восстановить «дружбу», другими словами, возродить конкурирующие отношения. Франция и Турция имеют мало общего в культурно-историческом плане, даже несмотря на то что в истории обоих государств существовал факт резкого государственного поворота – Великая революция во Франции и приход к власти Атаюрка в Турции. Однако Великая Французская революция, так или иначе, была преемницей королевской Франции, а Турция Атаюрка исповедовала идею «чистого листа», то есть отрицания Османской империи.

Данная идея Атаюрка стала предпосылкой навязчивого желания Турции стать частью Европы. Стоит начать с того, что к началу 60-х гг. XX в. Турция являлась членом различных политических и экономических структур Запада. В 1947 г. Турция вступила в Международный валютный фонд и в Международный банк реконструкции и развития, в 1949 г. – в Совет Европы, в 1952 г. стала членом НАТО [5]. В 1959 г. Турция заявила о своем желании стать членом Европейского экономического сообщества. Переговоры по данному вопросу были заморожены в связи с военным переворотом, который произошел в Турции в 1960 г. В 1963 г. в Анкаре между Турцией и Европейским экономическим сообществом был подписан Договор об ассоциации, который ознаменовал возобновление интеграции Турции в Западную Европу. В данном договоре были поставлены условия, которые должна была выполнять турецкая сторона, чтобы впоследствии получить статус члена ЕЭС. Условия подразумевали проведение политических реформ и реформ в гражданской и правовой сферах [6]. Экономический кризис, разразившийся в Турции в 1979 г., и военный переворот 1980 г. затормозили интеграционные процессы. В апреле 1987 г. Турция подала официальный запрос о полном членстве в ЕЭС. ЕЭС ответил, что данный вопрос может быть решен только в среднесрочной перспективе [7]. Как оказалось, среднесрочная перспектива растянулась почти на тридцать лет.

Турция не остановилась на достигнутом и продолжила «открывать окно» в Европу, со своей стороны Франция продолжала «закрывать окно» с обратной стороны. Казалось бы, противоборство между странами должно разобщить их, однако оно только углубило процесс складывания взаимных внешнеполитических стереотипов. Оба государства стали не просто воспринимать друг друга как некие образцы для подражания, они стали перенимать внешнеполитические техники.

Так получилось, что внешнеполитические техники, сложившиеся в XX в. в этих государствах, практически полностью идентичны. Ведущей политической тактикой обоих государств стало распространение идеи европейской культурной конгруэнтности. В связи с этим Франция отстаивает право быть «культурным ядром» Европейского союза, а Турция – право быть частью Европы [8].

Более того, с определенной периодичностью Франция и Турция начинают навязчиво муссировать внешнеполитические идеи друг друга в несколько искаженном ракурсе. Особенно отчетливо это проявилось в период Саркози – Эрдогана. В это время экономические показатели Турции возросли, она вполне справедливо начала претендовать на роль ведущего государства Ближнего Востока. В свою очередь, президент Н. Саркози обратился к идее радикальных культурных различий между Европой и Турцией. Стоит напомнить, что мысль это не нова для французской внешнеполитической риторики. В свое время бывший французский президент Валери Жискар д'Эстен категорически заявил, что Турция – не европейская страна и ее прием означал бы крах Союза. «Турция – это близкое к Европе государство, где есть настоящая политическая элита. Турция имеет очень большое значение, однако она не является европейским государством... Те, кто прилагает наибольшие усилия, настаивая на расширении Европы за счет присоединения Турции, желают конца Европейского союза» [9].

Н. Саркози неоднократно заявлял о том, что Турция остается особым, привилегированным партнером Франции и Европейского союза, но это не означает, что Турция сможет стать членом ЕС. «Я всегда был против вступления Турции в ЕС, и моя позиция не изменилась. Уверенно могу заявить, что большинство стран – членов ЕС разделяют позицию Франции по данному вопросу», – заявил президент Н. Саркози во время встречи с президентом США Б. Обамой в апреле

2009 г. [10] Саркози не стал оригинальным и когда начал продвигать в Европейском парламенте линию о признании Турцией геноцида армян.

Точку зрения правящих кругов поддерживало и население Франции, по данным IFOP, в период с сентября 2005 г. по сентябрь 2011 г. доля французов, не желающих видеть Турцию в составе ЕС, колебалась от 65 до 61%. Однако события Арабской весны 2011 г. усугубили эти показатели, и уже в 2012 г. 84% населения Франции были принципиально против вхождения Турции в ЕС. Несмотря на то что произошла существенная эскалация отрицания идеи европейской Турции, стоит отметить, что и до событий 2011 г. большая часть населения Франции отрицательно относилась к перспективе присоединения Турции к Европейскому союзу [11].

В ответ турецкие политические элиты выдвинули мысль о том, что турецкое экономическое превосходство страшит французов, и они целенаправленно выталкивают Турцию за пределы Европейской цивилизации, тем самым порождая в самой Турции негативные стереотипы о Европе. Это подтверждается и данными социологических опросов: число граждан Турции, отрицательно относящихся к вступлению в ЕС, достигло 72% к 2011 г.

Подобная стереотипность внешней политики обоих государств не позволяет им объективно взглянуть на двусторонние отношения. Франция не желает видеть Турцию в ЕС (и вообще в Европе), а Турция усиленно доказывает, что она часть Европы, пусть и с «восточным акцентом».

Вполне закономерно возникает вопрос: если процесс вступления Турции в Евросоюз приводит в действие взаимно направленные стереотипы внешнеполитического восприятия, то и негативные последствия от этого вхождения сильно преувеличены Францией, а потенциальные выгоды не столь значительны для Турции?

В-первых, опасение Франции, что многомиллионная Турция (к 2025 г. население страны достигнет 85 млн) за счет демографического верховенства сможет влиять на общую и финансовую политику ЕС. Турция фактически сможет провести любое выгодное ей решение в Европейском парламенте и Совете Евросоюза. Однако Лиссабонский договор устанавливает лимит на количество депутатов в Европарламенте от «больших» государств, тем самым предотвращая развитие подобного сценария [12].

Во-вторых, Франция настаивает на том, что турецкая экономика недостаточно развита для вхождения в ЕС. Реальные же цифры говорят об обратном. Еврокомиссия установила, что экономический потенциал Турции подкреплялся стабильностью финансовой системы и строго выстроенной государственной политикой. С середины 2004 г. макроэкономические показатели улучшились за счет нового витка структурных реформ и удачного сочетания налоговой и финансовой политики. Рост ВВП увеличился с 5,8% в 2003 г. до 8,9% в 2004 г. и 4,5% в первой половине 2005-го [13]. Такие результаты можно считать достаточно хорошими даже для европейских государств. Так, например, рост ВВП в 2004 г. в Великобритании составил 3,1%, в Германии – 1,6% [14]. Турецкое правительство прилагало максимум усилий для предотвращения экономических кризисов национальной экономики и для снижения инфляции. По производительности труда Турция опережала Болгарию и Румынию. Положительным также являлось то, что турецкая экономика стала более открытой, возросли объемы экспорта и импорта [15]. Так, Турция в составе ЕС не была бы страной, нуждающейся в финансовой поддержке, а была бы способна разделить бремя финансовой ответственности с другими членами ЕС.

В третьих, вхождение Турции в ЕС позволит сделать европейскую внешнюю политику более активной и независимой. Турция, являясь членом НАТО с 1952 г., продемонстрировала желание и возможность иметь независимую внешнеполитическую позицию. Особенно явно это прозвучало в 2003 г., когда Турция встала в оппозицию к стратегии США в отношении Ирака. Стоит отметить, что Франция то же не поддержала США в этом вопросе. Помимо НАТО Турция является членом G20, наблюдателем Лиги арабских государств. Турция считается ключевым внешнеполитическим звеном между исламским и западным миром. Ее интеграция в ЕС будет открывать дополнительные возможности для Европы влиять на диалог между западными странами и большим Ближним Востоком. Так, само геополитическое положение Турции будет дополнительным плюсом для Евросоюза. Через Турцию можно выстраивать «мост на Восток» [16].

Очевидно, что Турция – ключевая страна большого Ближнего Востока, имеющая свой голос в международной политике, обладающая достаточными (даже по европейским меркам) темпами экономического роста. Безусловно, нельзя идеализировать Турцию: высокая инфляция и безработица, вопрос признания Кипра и геноцида армян, количество политических заключенных в стране – факторы, ослабляющие Турцию на международной арене. Однако они не критичны и очевидных выгод для ЕС от вхождения Турции много больше. Франция не видит или не может увидеть их в связи со стереотипностью восприятия Турции. В свою очередь, Турция напрасно стремится в ЕС. Обе страны имеют искаженное восприятие друг друга, которое порождает невоз-

возможность выстраивания общих перспектив. Происходит своеобразный обмен внешнеполитическими клише, которых между двумя странами накопилось немало.

Сегодняшний президент Франции Ф. Олланд попробовал хотя бы в плоскости политической риторики отказаться от внешнеполитических стереотипов в отношении Турции. Его официальный визит в Турцию в январе 2014 г., первый визит такого уровня с 1993 г., красноречиво об этом свидетельствует. Однако его комментарии о том, что Франция будет принимать решение о членстве Турции в ЕС только после референдума, говорит о том, что Франция не готова согласиться с членством Турции. Итоги референдума нетрудно спрогнозировать, зная данные социологических опросов во Франции по данному вопросу. Французская сторона считает более адекватным для Турции вариант «привилегированного партнерства», а не членства в ЕС [17]. Это позволило бы, не меняя стереотипность внешней политики по отношению к Турции, получить определенные выгоды от более тесного политического контакта. К сожалению, такой вариант невозможен. Более двух столетий назад Турция выбрала Европу в качестве модели цивилизации, она многое сделала для ее воплощения, и вступление в ЕС является кульминацией данного процесса. Недаром европейская интеграция является центральной осью турецкой внешней политики. Франция в погоне за сохранением «чистой» Европы, своего места в ней, не видит, что Турция как член ЕС способна укрепить его как никто другой. Интеграция Турции в ЕС может быть реальным мостом между Европой и большим Ближним Востоком [18].

Примечания

1. Современный исламский восток и страны Запада. М., 2004.
2. Готье (1811–1872). Путешествие на Восток / пер. с фр. И. Кузнецовой, М. Зониной. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2000.
3. Ходнев А. С. Ислам: введение в изучение социальной истории XIX–XX веков: учеб. пособие. Ярославль: Изд-во ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, 2004.
4. Льюис Р. Османская Турция: Быт. Религия. Культура / пер. с англ. Л. А. Игоревского. М.: Центрполиграф, 2004.
5. Recommendation of the European Commission on Turkey's progress towards accession. 2005. URL: www.ec.europa.eu/.../candidate-countries/turkey/key_documents_en.htm
6. Vanani D. D. Reforming history: Turkey's legal regime and its potential accession to the European Union. URL: http://www.bc.edu/school/lav/lavreviews/meta-elements/journals/bciclr/26_1/05_TXT.htm/
7. Современный исламский восток...
8. Льюис Р. Указ. соч.
9. Монбриаль Т. де. Турецкий вопрос // Россия в глобальной политике. М., 2004. Т. 2. № 4. Июль–август. С. 91–102.
10. Marc Semo, Ahmet Davutoğlu. Entre Paris et Ankara, il est temps de passer à une coopération visionnaire // Libération. 2013. 8 juillet.
11. Eurostatistics – Date for short-term economic analysis. URL: http://epp.eurostat.ec.eu.int/cache/ITY_OFFPUB/KS-CZ-05-004/EN/KS-CZ-05-004-EN.PDF
12. Монбриаль Т. де. Турецкий вопрос // Россия в глобальной политике. М., 2004. Т. 2. № 4. Июль–август. С. 91–102.
13. Recommendation of the European Commission...
14. Eurostatistics – Date for short-term economic analysis. URL: http://epp.eurostat.ec.eu.int/cache/ITY_OFFPUB/KS-CZ-05-004/EN/KS-CZ-05-004-EN.PDF
15. Там же.
16. Wood S., Quaisser W. Turkey's Road to the EU: Political dynamics, strategic context and applications for Europe // European Foreign Affairs Rev. Prague, 2005. № 10. P. 147–173.
17. Le long chemin de l'adhésion turque à l'Union européenne // Le Monde. 2014. 29 janvier. Режим URL: http://www.lemonde.fr/international/article/2014/01/29/le-long-chemin-de-l-adhesion-turque-a-l-union-europeenne_4355569_3210.html
18. Там же.

Notes

1. Modern Islamic East and the West. Moscow. 2004.
2. Gautier (1811–1872). Journey to the East / transl. from French I. Kuznetsova, M. Zonina. Moscow. Publ. of Sabashnikov. 2000.
3. Khodnev A. S. [Islam: an introduction to the study of social history of the XIX–XX centuries: tutorial]. Yaroslavl. Publishing house of the Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky. 2004.
4. Lewis R. [Ottoman Turkey: Life. Religion. Culture] / transl. from Eng. by L. A. Igorevsky. Moscow. Centrpoligraph. 2004.
5. Recommendation of the European Commission on Turkey's progress towards accession. 2005. Available at: www.ec.europa.eu/.../candidate-countries/turkey/key_documents_en.htm

6. Banani D.D. Reforming history: Turkey's legal regime. a. its potential accession to the European Union. Available at: http://www.bcEdu/school/lav/lavreviews/meta-elements/journals/bcicl/26_1/05_TXT.htm/
7. Modern Islamic East...
8. Lewis R. Op. cit.
9. Monbrial T. de. [The Turkish question] // Russia in global affairs. Moscow, 2004, vol. 2, No. 4, July-August, pp. 91-102.
10. Marc Semo, Ahmet Davutoğlu. Entre Paris et Ankara, il est temps de passer à une coopération visionnaire // Libération. 2013. 8 juillet.
11. Eurostatistics - Date for short term economic analysis. Available at: http://epp.eurostat.ec.eu.int/cache/ITY_OFFPUB/KS_CZ_05_004/EN/KS_CZ_05_004_EN.PDF
12. Monbrial T. de. [The Turkish question] // Russia in global affairs. Moscow. 2004, vol. 2, No. 4, July-August, p. 91-102.
13. Recommendation of the European Commission...
14. Eurostatistics - Date for short term economic analysis. Available at: http://epp.eurostat.ec.eu.int/cache/ITY_OFFPUB/KS_CZ_05_004/EN/KS_CZ_05_004_EN.PDF
15. Ibid.
16. Wood S., W. Quaisser Turkey's Road to the EU: Political dynamics, strategic context and applications for Europe // European Foreign Affairs Rev. Prague, 2005, No. 10, pp. 147-173.
17. Le long chemin de l'adhésion turque à l'union européenne // Le Monde. 2014. 29 janvier. Available at: http://www.lemonde.fr/international/article/2014/01/29/le-long-chemin-de-l-adhesion-turque-a-l-union-europeenne_4355569_3210.html
18. Ibid.

Проблемы исполнения административных штрафов за правонарушения в области дорожного движения

С учетом анализа правоприменительной практики излагается порядок исполнения постановлений о наложении административного штрафа за правонарушения в области дорожного движения на всех его стадиях. Выделяются проблемы, которые возникают у сотрудников ГИБДД при взыскании административных штрафов, предложены пути их решения.

Taking into account the analysis of law-enforcement practice the order of performance of resolution on imposing of an administrative penalty for offenses in the field of traffic at all its stages is stated. Problems which arise at the staff of traffic police when collecting administrative penalties are allocated, ways their solutions are proposed.

Ключевые слова: административный штраф, правонарушение в области дорожного движения, исполнение постановлений о наложении административных штрафов, Госавтоинспекция, Федеральная служба судебных приставов.

Keywords: administrative penalty, offenses in the field of traffic, performance of resolutions on imposing of administrative penalties, compulsory collecting penalties, the States traffic inspectorate, Federal Bailiff Service

Неотвратимое и обязательное исполнение постановлений о наложении штрафов за административные правонарушения в области дорожного движения – это не только фактор наведения порядка в стране, но и статья доходов соответствующих бюджетов.

Исполнение постановления по делу об административном правонарушении является заключительной стадией производства по делам об административных правонарушениях, которая урегулирована нормами Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) (главы 31, 32) [1] и Федеральным законом РФ от 02.10.2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» [2]. Указанную стадию проходят только вступившие в законную силу постановления. Исполнение постановлений о наложении административных штрафов ГИБДД заключается в уплате штрафов нарушителем Правил дорожного движения в добровольном или принудительном порядке.

Стадия исполнения постановлений о наложении административных штрафов в области дорожного движения состоит из следующих последовательных действий соответствующих должностных лиц ГИБДД и Федеральной службы судебных приставов:

1. Обращение постановления о назначении штрафа к исполнению.
 2. Приведение в исполнение данного постановления.
 3. Окончание исполнения постановления о назначении административного штрафа.
- Рассмотрим их подробнее.

1. Обращение постановления о назначении штрафа к исполнению. Обязанность по обращению к исполнению постановлений о наложении административных штрафов в области дорожного движения возложена на должностных лиц ГИБДД.

В соответствии со ст. 31.2 КоАП РФ постановление по делу об административном правонарушении подлежит исполнению с момента его вступления в законную силу.

Административный штраф должен быть уплачен правонарушителем не позднее 60 дней со дня вступления постановления о наложении административного штрафа в законную силу либо со дня истечения срока отсрочки или срока рассрочки.

С 01.01.2013 г. согласно Федеральному закону от 27.06.2011 г. № 162-ФЗ [3] и в соответствии с ч. 8 ст. 32.2 КоАП РФ банк или иная кредитная организация, организация федеральной почтовой связи, платежный агент, осуществляющий деятельность по приему платежей физических лиц, или банковский платежный агент (субагент), осуществляющий деятельность в соответствии с Федеральным законом от 27.06.2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» [4], которым уплачивается сумма административного штрафа, обязаны незамедлительно после уплаты административного штрафа лицом, привлеченным к административной ответственности, направлять информацию об уплате административного штрафа в Государственную информационную систему о государственных и муниципальных платежах (далее – ГИС ГМП), предусмотренную Федеральным законом от 27.07.2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» [5].

В рамках реализации положений статьи 21.3 Федерального закона от 27.07.2010 г. № 210-ФЗ на Федеральное казначейство возложены функции по созданию, ведению, развитию и обслуживанию ГИС ГМП, являющейся информационной системой, предназначенной для размещения и получения информации об уплате физическими и юридическими лицами платежей за оказание государственных и муниципальных услуг.

В соответствии с ч. 5 ст. 32.2 КоАП РФ при отсутствии документа, свидетельствующего об уплате административного штрафа, и информации об уплате административного штрафа в ГИС ГМП по истечении 60 дней со дня вступления постановления о наложении административного штрафа в законную силу должностное лицо ГИБДД направляет в течение 10 суток постановление о наложении административного штрафа с отметкой о его неуплате (с указанием фамилии, должности и даты лица, осуществившего проверку) судебному приставу-исполнителю.

При отмене постановления либо уплате штрафа должником сотрудниками ГИБДД делается его незамедлительный отзыв из службы судебных приставов.

Несомненно, увеличение с 09.05.2013 г. срока добровольной уплаты штрафа (с 30 до 60 дней) и срока направления постановлений в службу судебных приставов для исполнения (с 3 до 10 суток) является положительным моментом для правоприменительной деятельности ГИБДД. Прежде всего, это позволило увеличить период времени, в течение которого возможно получение органами ГИБДД достоверной и полной информации об уплате штрафов, что должно исключить направление в ФССП для принудительного исполнения уже оплаченных постановлений.

В 2014 г. сотрудниками ГИБДД Кировской области вынесено 296312 постановления о наложении взыскания в виде штрафа, из них на 27.02.2015 г. исполнено 239106 постановлений, что составляет 80,1%. С учетом того, что срок давности исполнения постановлений, вынесенных в 2013 и 2014 гг., не истек, уровень взыскиваемости за указанный период увеличится (см. таблицу).

Также проанализированы сведения, полученные в ГИС ГМП в 2014 г. В ней содержатся сведения о 121 497 фактах уплаты штрафов ГИБДД, при этом из кредитных учреждений в подразделения ГИБДД области поступили сведения об уплате 153 989 штрафов (уд. вес – 78,9%). Таким образом, требования Федерального закона от 27.07.2010 г. № 210-ФЗ в части передачи информации в ГИС ГМП субъектами информационной системы выполняются не в полном объеме.

В связи с этим Управлением ГИБДД УМВД России по Кировской области (далее – УГИБДД) в 2013 г. в прокуратуру Кировской области была направлена соответствующая информация о невыполнении в полном объеме требований Федерального закона от 27.07.2010 г. № 210-ФЗ в части передачи информации в ГИС ГМП субъектами информационной системы для принятия мер прокурорского реагирования. Аналогичная информация была направлена в банки и иные кредитные организации Кировской области. Несмотря на постепенное увеличение поступления сведений в ГИС ГМП, система в требуемом полном объеме пока не работает.

Отсутствие достоверных сведений об уплате гражданами штрафов создает определенные трудности в осуществлении сотрудниками ГИБДД требований ч. 5 ст. 32.2 КоАП РФ в части, касающейся направления для принудительного исполнения постановлений о наложении административных штрафов в ФССП и привлечения неплательщиков к административной ответственности по ч. 1 ст. 20.25 КоАП РФ.

Поэтому на территории Кировской области в 2013–2015 гг. работа по проверке уплаты штрафов ГИБДД правонарушителями перед направлением постановлений в ФССП осуществляется по двум источникам информации:

- 1) по информации об уплате административного штрафа, содержащейся в ГИС ГМП;
- 2) по информации об уплате административного штрафа, получаемой из банков и кредитных организаций «напрямую» (в порядке, который действовал до 01.01.2013 г.).

Получение такой информации об уплате штрафов является регулярным, и сведения незамедлительно (в течение суток) вносятся в АИПС «Адмпрактика».

При своевременной уплате штрафа должником такой алгоритм действий сотрудников ГИБДД позволяет практически исключить возможность направления для принудительного исполнения в ФССП оплаченных постановлений о наложении штрафов ГИБДД [6].

2. Приведение в исполнение постановления о наложении административного штрафа выражается в совершении действий судебными приставами, направленных на принудительное взыскание административного штрафа в порядке и сроки, предусмотренные Федеральным законом РФ «Об исполнительном производстве».

В 2014 г. в Кировской области в службу судебных приставов было направлено 107 840 постановлений (-1,5% к АППГ). В отношении лиц, своевременно не уплативших штраф, в 2014 г. возбуждено 5698 (+23,3% к АППГ) дела по ч. 1 ст. 20.25 (уклонение от исполнения административного наказания) КоАП РФ.

Выявление данных лиц осуществляется при контроле за дорожным движением, регистрационно-экзаменационных действиях, реализован вызов правонарушителей в подразделения ГИБДД. Организовано возбуждение административных дел в отсутствие лица, не уплатившего штраф.

3. Окончание исполнения постановления о назначении административного штрафа состоит в возвращении его в ГИБДД с отметкой о его исполнении или невозможности исполнения.

В соответствии со ст. 31.10 КоАП РФ постановление о назначении административного наказания, по которому исполнение не производилось или произведено не полностью, возвращается в Госавтоинспекцию:

1) если по адресу, указанному судьей, органом, должностным лицом, вынесшими постановление, не проживает, не работает или не учится привлеченное к административной ответственности физическое лицо, не находится привлеченное к административной ответственности юридическое лицо либо не находится имущество указанных лиц, на которое может быть обращено административное взыскание;

2) если у лица, привлеченного к административной ответственности, отсутствуют имущество или доходы, на которые может быть обращено административное взыскание, и меры по отысканию имущества такого лица оказались безрезультатными;

3) если истек срок давности исполнения постановления о назначении административного наказания, предусмотренный ст. 31.9 КоАП РФ.

Сотрудниками ГИБДД проводятся регулярные сверки с ФССП на предмет окончания или прекращения исполнительного производства, по которым истек срок, предусмотренный ст. 31.9 КоАП РФ. В случае непоступления информации об исполнении постановлений о наложении штрафа не реже 1 раза в квартал направляются в ССП соответствующие запросы о предоставлении соответствующей информации об окончании или прекращении исполнительных производств.

Управлением ГИБДД также осуществляется постоянный контроль за деятельностью подразделений ГИБДД области, в части

своевременного направления постановлений о наложении штрафа в службу судебных приставов для принудительного взыскания в соответствии со ст. 32.2 КоАП РФ;

исключения направления в ФССП постановлений, по которым штрафы уплачены (информация об уплате штрафов проверяется по имеющимся информационным учетам, ГИС ГМП);

исключения одномоментного массового направления постановлений для принудительного взыскания в ФССП;

организации работы в соответствии с указанием ГУОБДД МВД России от 03.06.2013 г. № 13/8-145 по администрированию штрафов через официальный интернет-сайт ГИБДД МВД России;

поступления информации об окончании исполнительного производства и незамедлительного (в течение суток) внесения поступающей информации об уплате штрафов ГИБДД в АИПС «Адмпрактика».

Для постоянного контроля за данным направлением правоприменительной деятельности с августа 2014 г. на сайте Регионального отдела информационного обеспечения ГИБДД УМВД России по Кировской области организован ежедневный мониторинг не обращенных к принудительному исполнению постановлений по делам об административных правонарушениях в разрезе каждого подразделения ГИБДД области.

Следует отметить, что деятельность органов и должностных лиц ГИБДД по исполнению (взысканию) штрафов за правонарушение в области дорожного движения не ограничивается исполнением требований Кодекса РФ об административных правонарушениях (главы 31, 32). УГИБДД принимаются и дополнительные необходимые меры по исполнению постановлений о наложении административных штрафов в области дорожного движения и повышению уровня их взыскиваемости:

1. На интернет-сайте ГИБДД МВД России регулярно размещается информация об ответственности за неуплату административных штрафов с указанием статистических данных о возбужденных делах по ч. 1 ст. 20.25 КоАП РФ, о проводимых сотрудниками ГИБДД в данном направлении деятельности мероприятиях. Этот вопрос регулярно освещается в средствах массовой информации.

2. Разработана и напечатана памятка о необходимости уплаты штрафов ГИБДД и последствиях их неуплаты, которая выдается гражданам при надзоре за дорожным движением, при проведении экзаменационно-регистрационных действий, прилагается к копиям постановлений, вынесенных в отношении собственников транспортных средств. При обращении граждан в подразделения ГИБДД по различным причинам осуществляется проверка этих лиц по учетам на наличие неуплаченных административных штрафов.

3. Гражданам направляется почтой информация об имеющейся у них задолженности по штрафам ГИБДД и необходимости их уплаты.

4. Регулярно проводится совместно с сотрудниками УФССП по Кировской области целевое оперативно-профилактическое мероприятие «Должник», направленное на выявление и привлечение к ответственности лиц, уклоняющихся от добровольной уплаты административных штрафов за правонарушения в сфере обеспечения безопасности дорожного движения.

5. Организована работа по направлению сотрудниками ГИБДД в суд заявлений об ограничении выезда за пределы РФ должников, имеющих задолженность по штрафам ГИБДД более 10 000 рублей.

6. Организовано исполнение функции администратора платежей по штрафам ГИБДД в соответствии с приказом МВД России от 30.09.2014 г. № 836 [7], Постановлением Правительства РФ от 29.12.2007 г. № 995 [8], письмами Министерства финансов Российской Федерации от 14.08.2012 г. № 02-04-10/3152 [9], от 23.03.2012 г. № 02-04-11/986 [10], в том числе своевременное уточнение невыясненных платежей, принятие дополнительных мер по снижению дебиторской задолженности по штрафам ГИБДД.

Принимаемые УГИБДД меры позволили в 2012–2014 гг. поднять уровень реального исполнения постановлений и взыскиваемости штрафов ГИБДД по области в среднем на 27.02.2015 г. до 91,5% по постановлениям 2012 г., 89,5% по постановлениям 2013 г., 80,7% по постановлениям 2014 г. (см. таблицу).

По нашему мнению, обеспечить исполнение постановлений о наложении административного штрафа за правонарушения в области дорожного движения возможно, реализовав следующие мероприятия:

1) законодательное закрепление обязанности для всех водителей создать специальный адрес электронной почты, на который сотрудники ГИБДД могли бы направлять информацию о неоплаченных штрафах и необходимости их уплаты, а также постановления по делу об административном правонарушении о наложении административных штрафов в области дорожного движения;

2) законодательное закрепление отказа в регистрационно-экзаменационных действиях лицу, не исполнившему обязанности по уплате административного штрафа;

3) возложение на судебных приставов-исполнителей обязанности по составлению протоколов по ч. 1 ст. 20.25 КоАП РФ в отношении лица, не уплатившего административный штраф по делу об административном правонарушении, вне зависимости от того, кем дело рассмотрено;

4) законодательное закрепление возможности лишения права управления транспортными средствами лиц, не исполнивших обязанность по уплате административного штрафа;

5) наделение судебных приставов-исполнителей полномочиями по остановке транспортных средств в рамках возбужденного исполнительного производства на стационарных постах ДПС.

Показатели исполнения постановлений о наложении административных штрафов ГИБДД в Кировской области за 2012–2014 гг. (по сведениям на 27.02.2015 г.)

Показатели	2012 г.	2013 г.	2014 г.
Вынесено постановлений о наложении штрафа, из них:	352500	347346	296312
взыскано по постановлениям	322491	310844	239106
взыскиваемость по постановлениям, %	91,5	89,5	80,7
Наложено штрафов, руб., из них:	122595085	210737019	271538000
взыскано штрафов, руб.	111029413	187703397	222049000
взыскиваемость по суммам штрафов, %	90,6	89,1	81,8
Возбуждено дел по ч. 1 ст. 20.25 КоАП РФ, из них:	4129	4602	5698
назначено штрафов	3052	3238	3776
назначено административных арестов	519	676	747
Направлено в ФССП постановлений	130252	109417	107840

Примечания

1. Российская Федерация. Законы. Кодекс об административных правонарушениях: [Федеральный закон РФ: принят Гос. Думой 30.12.2001 г. № 195-ФЗ: ред. от 08.03.2015 г.] // Российская газета. 2001. № 256.
2. Российская Федерация. Законы. Об исполнительном производстве: [Федеральный закон РФ: принят Гос. Думой 02.10.2007 г. № 229-ФЗ: ред. от 08.03.2015 г.] // Российская газета. 2007. № 223.
3. Российская Федерация. Законы. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О национальной платежной системе»: [Федеральный закон РФ: принят Гос. Думой 27.06.2011 г. № 162-ФЗ: ред. от 22.12.2014 г.] // Российская газета. 2011. № 139.
4. Российская Федерация. Законы. О национальной платежной системе: [Федеральный закон РФ: принят Гос. Думой 27.06.2011 г. № 161-ФЗ: ред. от 29.12.2014 г.] // Российская газета. 2011. № 139.
5. Российская Федерация. Законы. Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг: [Федеральный закон РФ: принят Гос. Думой 27.07.2010 г. № 210-ФЗ: ред. от 31.12.2014 г.] // Российская газета. 2010. № 168.
6. Гвоздева Е. В. Взыскание административных штрафов за правонарушения в области дорожного движения // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2013. № 3. С. 19.
7. Российская Федерация. Министерство внутренних дел: [приказ: издан Министерством внутренних дел Российской Федерации 30.09.2014 г. № 836]. [КонсультантПлюс].
8. Российская Федерация. Правительство РФ. О порядке осуществления федеральными органами государственной власти (государственными органами), органами управления государственными внебюджетными фондами Российской Федерации и (или) находящимися в их ведении казенными учреждениями, а также Центральным Банком Российской Федерации бюджетных полномочий главных администраторов доходов бюджетов бюджетной системы Российской Федерации: [постановление: принято Правительством Российской Федерации 29.12.2007 г. №995: ред. от 15.10.2014 г.] // Собрание законодательства РФ. 2008. № 2. Ст. 116.
9. Российская Федерация. Министерство финансов Российской Федерации: [письмо: издан Министерством финансов Российской Федерации 14.08.2012 г. № 02-04-10/3152]. [КонсультантПлюс].
10. Российская Федерация. Министерство финансов Российской Федерации: [письмо: издан Министерством финансов Российской Федерации 23.03.2012 г. № 02-04-11/986]. [КонсультантПлюс].

Notes

1. Russian Federation. Laws. The code of administrative offences: [Federal law of the Russian Federation: adopted by the State Duma on 30.12.2001 № 195-FZ: edited on 08.03.2015] // Rossiyskaya Gazeta – Russian Newspaper. 2001, No. 256. (in Russ.)
2. Russian Federation. Laws. About Executive production: [Federal law of the Russian Federation: adopted by the State Duma on 02.10.2007 № 229-FZ: edited on 08.03.2015] // Rossiyskaya Gazeta – Russian Newspaper. 2007, No. 223. (in Russ.)
3. Russian Federation. Laws. On amendments to certain legislative acts of the Russian Federation in connection with adoption of the Federal law "About national payment system": [Federal law of the Russian Federation: adopted by the State Duma on 27.06.2011 No. 162-FZ: edited on 22.12.2014] // Rossiyskaya Gazeta – Russian Newspaper. 2011, No. 139. (in Russ.)
4. Russian Federation. Laws. On the national payment system: [Federal law of the Russian Federation: adopted by the State Duma on 27.06.2011 No. 161-FZ: edited on 29.12.2014] // Rossiyskaya Gazeta – Russian Newspaper. 2011, No. 139. (in Russ.)
5. Russian Federation. Laws. On the organization of public and municipal services: [Federal law of the Russian Federation: adopted by the State Duma on 27.07.2010, No. 210-FZ: edited on 31.12.2014] // Rossiyskaya Gazeta – Russian Newspaper. 2010, No. 168. (in Russ.)
6. Gvozdeva E. V. *Vzyskanie administrativnyh shtrafov za pravonarusheniya v oblasti dorozhnogo dvizheniya* [The recovery of administrative penalties for offences in the field of traffic] // *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii* - Herald of the Kazan Law Institute of the MIA of Russia. 2013, No. 3, p. 19.
7. Russian Federation. The Ministry of the interior: [order: issued by the Ministry of internal Affairs of the Russian Federation on 30.09.2014 No. 836]. [The consultant]. (in Russ.)
8. Russian Federation. The government of the Russian Federation. On the exercise of Federal bodies of state power bodies (state bodies), controls state extra-budgetary funds of the Russian Federation and (or) are in charge of state institutions and the Central Bank of the Russian Federation the budgetary powers of the chief administrators of the revenues of budgets of the budgetary system of the Russian Federation: [resolution: accepted by the government of the Russian Federation on 29.12.2007 No. Resolves legislation of the Russian Federation. 2008, No. 2, art. 116. (in Russ.)
9. Russian Federation. The Ministry of Finance of the Russian Federation: [letter: issued by the Ministry of Finance of the Russian Federation on 14.08.2012 No. 02 04 10/3152]. [The consultant]. (in Russ.)
10. Russian Federation. The Ministry of Finance of the Russian Federation: [letter: issued by the Ministry of Finance of the Russian Federation on 23.03.2012, No. 02 04 11/986]. [The consultant]. (in Russ.)

П. Д. Киселев о реформе центрального управления казенным имуществом: авторский подход

Статья посвящена предпосылкам создания Министерства государственных имуществ и содержит архивные сведения, свидетельствующие о беспорядках в сфере управления государственной собственностью на уровне министерств. В статье, со ссылками на архивы пятого отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии и Министерства государственных имуществ, цитируются фрагменты служебных писем П. Д. Киселева на имя Николая I, докладов шефа жандармов Киселеву о действиях должностных лиц департамента государственных имуществ, объяснительных записок департамента государственных имуществ на имя Императора, а также приводятся выдержки из личного блокнота Киселева, в котором сохранились пометки об отношении Николая I к результатам работы министра финансов Е. Ф. Канкрине и подчиненного ему департамента государственных имуществ. В статье, с опорой на сохранившиеся материалы официальной и неофициальной переписки, приводится собственное мнение Киселева о причинах существующих недостатков в сфере управления имуществом и его концепция реформирования центральных органов управления государственной собственностью.

Article is devoted to prerequisites of creation of the ministry of the state property and contains the archival data testifying to disorders in the sphere of management of state ownership at the level of the ministries. In article, with links to archives of the fifth office Own its Imperial Majesty of Office and the ministry of the state property, fragments of office letters of P. D. Kiselyov addressed to Nicholas I, reports the chief of gendarmes Kiselyova about actions of officials of department of the state property, explanatory notes of department of the state property addressed to the Emperor are quoted, and also excerpts from a personal notebook of Kiselyov in which marks about Nicholas I's attitude towards results of work of the Minister of Finance to E. F. Kankrin and the department of the state property. In article, with a support on the remained materials of official and informal correspondence, own opinion of Kiselyov on the reasons of the existing shortcomings of the sphere of management of property and its concept of reforming of the central governing bodies of state ownership is given.

Ключевые слова: Министерство государственных имуществ, управление государственной собственностью, пятое отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, департамент государственных имуществ, П. Д. Киселев, реформа управления казенными крестьянами.

Keywords: ministry of the state property, management of state ownership, fifth office Own its Imperial Majesty of Office, department of the state property, P. D. Kiselyov, reform of management of state peasants.

Во второй четверти XIX в. Российская империя являлась крупнейшим собственником. К числу государственного имущества относились земли, леса, недра, реки и озера, заводы и фабрики, отдельные объекты недвижимости и движимые вещи, а также оброчные статьи и рыбная ловля, сборы и подати, казенные крестьяне.

Однако уже в самом начале правления Николая I стали очевидны недостатки существующей системы управления государственной собственностью: бедственное положение казенной деревни, разорение лесов, низкая доходность оброчных статей, огромные недоимки по налогам и сборам, взяточничество, отсутствие надлежащего учета государственного имущества, неэффективность основанных на принудительном труде посессионных заводов.

По итогам проведенной масштабной ревизии государственных имуществ П. Д. Киселев в общих чертах описывал государю ситуацию так: «...к сожалению, беспорядок в делах и недостатков по всем частям верных сведений о состоянии государственных имуществ не удовлетворил нисколько моим ожиданиям...» [1]. К числу главных причин, «препятствующих благосостоянию государственных крестьян и благоустройству государственных имуществ» [2], он относил «неудовлетворительность управления, во всех степенях его развития...» [3].

Таким образом, ответственность за положение дел в сфере управления государственной собственностью была возложена на департамент государственных имуществ, который составители первой части Исторического обозрения пятидесятилетней деятельности Министерства го-

сударственных имуществ называли «началом сосредоточения управления государственными имуществами и государственными крестьянами, переданными из разных учреждений и ведомств» [4].

Работой департамента был недоволен и сам император. Из его разговора с Киселевым, состоявшегося 17 февраля 1836 г., нам известно его мнение: «...от департамента государственных имуществ успеха ожидать не можно, я ему (Е. Ф. Канкрину. – И. К.) доказал, по прочтении их бумаг за целую неделю, что они пишут вздор, что он (Канкрин. – И. К.) бумаг этих не видит, и все дело идет без толку» [5].

Поводом к столь резкой оценке деятельности департамента со стороны государя, очевидно, была низкая эффективность работы департамента, о чем часто информировали императора. Так, в записке государю принц Ольденбургский сообщал о состоянии казенных крестьян и лесов следующее: «1) ...пьянство усиливается стараниями откупщиков... большие недоимки на экономических крестьянах обнаруживают беспорядки управления... 2) Леса ежегодно более и более истребляются... Так называемые общие лесные дачи... представляют картину совершенного опустошения... Лесные пожары во всех почти губерниях доказывают совершенное небрежение и крайнюю беспечность» [6].

Эти сведения позднее подтвердились проведенными ревизиями, но департамент государственных имуществ, кажется, предпочитал не замечать реального положения дел и в объяснительной записке от 19 ноября 1834 г. все списывал на случайные обстоятельства: «...по большим дорогам... крестьяне, особенно ямщики, пристрастились конечно к вину, но по сему нельзя определить общего народного характера... Значительные недоимки, накопившиеся на некоторых казенных поселениях, есть следствие бывших в последнее время неурожаев и свирепствовавшей почти повсеместно холеры... чего нельзя отнести собственно к беспорядкам управления. Леса, с размножением народонаселения в России, с учреждением разных фабрик и заводов и с сооружением огромных зданий в Столице и многих Губернских городах, естественно, должны были ежегодно уменьшаться, при всем, однако, чрезвычайном потреблении оных есть и поныне много нетронутых еще лесов... Лесные пожары в нынешнем году случались более, чем в другие годы, но причину сего бывшая в течение нынешнего лета чрезвычайная засуха... Впрочем... со всеми усилиями, не всегда могут быть отвращаемы злоупотребления, хотя при всяком обнаружении оных, виновные преследуются по всей строгости закона» [7].

Но последнее утверждение о принимаемых к нарушителям мерах редко подтверждается фактами, более известны случаи, когда департамент оказывает покровительство коррумпированным губернским чиновникам. Так, шеф жандармов А. Х. Бенкендорф в письме от 05.02.1837 г. № 163 известил Киселева «о беспорядках по лесной части в Казанской губернии» [8]. В этом письме, в числе прочих беспорядков, губернский лесничий Каменовский обвинялся в оказании содействия столоначальнику лесного отделения казенной палаты в краже материалов следствия в отношении лесничего Иванова, против которого было возбуждено дело по факту взяток за порубки в корабельных рощах и поборов с населения. Сведения о поведении Каменовского казанский военный губернатор довел до Министерства финансов, однако «правитель канцелярии директора департамента государственных имуществ Г. Шелихов, – указывал Бенкендорф, – не только постоянно отклоняет от господина Каменовского всю ответственность за злоупотребления, но и составляет ему награды орденами» [9].

Об этом факте Киселев проинформировал государя и в записке на имя Бенкендорфа от 11.03.1837 г. № 163 сообщил, что император поручил казанскому военному губернатору «произвести строгое исследование всех обстоятельств дела» [10].

Причины неэффективного управления государственной собственностью заключаются не только в служащих департамента, но также в том, что департамент государственных имуществ являлся частью Министерства финансов, главной задачей которого было извлечение максимальных доходов от государственной собственности: «...департамент государственных имуществ в Министерстве финансов, – отмечает Е. Ю. Иванова-Малофеева, – ...должен был заботиться исключительно о поступлении сборов с государственных крестьян. То есть казенная деревня долгое время представлялась властям в образе курицы, несущей золотые яйца, но ничего существенного не делалось, чтобы обеспечить ее безбедное долготлетие» [11]. Вопросам улучшения хозяйственного положения государственного имущества Министерство финансов внимания не уделяло.

Предложения Канкрин по исправлению ситуации, в основном, сводились к созданию особого аппарата управления казенными крестьянами на местах по примеру удельного ведомства, мнение Государственного совета о необходимости изменения податной системы, межевания, описания земель и лесов министр финансов не поддерживал: «Я давно убедился, – говорил император Киселеву, – в необходимости преобразования их (государственных имуществ, в первую

очередь казенных крестьян. – И. К.) положения; но министр финансов от упрямыя или от неумения находит это дело невозможным. Я его знаю и поэтому настаивал на необходимости заняться пристально и увидев, что с ним это дело не пойдет, решился приступить к нему Сам...» [12].

Киселев соглашался с Канкриним в необходимости административной реформы на местах, но, кроме того, настаивал на реформе центральных органов управления государственной собственностью и переходе от фискальных к хозяйственным средствам управления: «Правительственная экономия, – пишет он императору в письме от 10.05.1837 г., – имеет два главных разряда: один собственно хозяйственный, другой финансовый...» [13] Именно в объединении разнородных предметов управления в одном ведомстве Киселев видел слабость существующей системы управления собственностью: «...разделение правительственной экономии на две части: хозяйственную, имеющей предметом управление государственными имуществами и извлечение из них дохода, и финансовую, распоряжающуюся доходами, представляет ту несомненную пользу, что изъемерит из одного столь сложного состава управления доставить каждому из них большую удобность к развитию и усовершенствованию; сообразно их свойствам и государственным выгодам» [14].

Таким образом, Киселев предложил передать «хозяйственные» предметы ведения Министерства финансов в Министерство государственных имуществ: «Обращаясь исключительно к образованию управления государственных имуществ, следовало бы в теоретическом распределении предметов правительственной экономии подчинить под Министерство государственных имуществ все, что составляет казенную недвижимость, в том числе все заведения на казенных землях и богатства в недрах оной, как-то: рудники, соляные озера, и казенные заводы, фабрики и т. п.» [15] Такая передача, по его мнению, должна быть постепенной, без резких перемен. Для этого в первое время нужно ограничиться передачей Министерству государственных имуществ предметов, «соответствующих Министерству государственных имуществ... поименованных в статьях 1, 2, 3 и 4» [16], то есть казенных земель, оброчных статей, казенных лесов, а также попечения над государственными поселянами, колонистами и кочевыми народами. Таким образом, в Министерство государственных имуществ должны были перейти не все виды государственной собственности, а только находящиеся в ведении департамента государственных имуществ. При этом винокурные, горные, соляные заводы и суконные фабрики, как казенные, так и посессионные; казенные рудники, соляные озера, слои, горы и копи, запасные и оптовые магазины со всеми их принадлежностями; леса, земли, люди, к заводам казенным приписанные; учебные учреждения, состоящие при других ведомствах, например горные школы при заводах; подати и пошлины, откупные и акцизные сборы и другие вопросы управления – должны были некоторое время еще оставаться в ведении Министерства финансов и иных центральных государственных учреждений.

Как видно, вновь образуемое Министерство государственных имуществ должно было, по мысли Киселева, принять функции департамента государственных имуществ, а также отдельные функции других министерств: «К сим предметам (казенные леса, земли, арендные имения, казенные крестьяне. – И. К.), – писал Киселев императору, – ...к ведомству Министерства государственных имуществ имеют быть причислены от Министерства финансов и Министерства внутренних дел: как заведование всеми вообще делами о распространении и поощрении сельского хозяйства, так и попечение над колонистами, свободными хлебопашцами и кочующими народами» [17].

Эти мысли Киселева были им изложены в «Предварительных соображениях о преобразовании управления государственными имуществами» от 10.05.1837 г., и после прочтения император собственноручно поставил на первой странице письма визу «Исполнить» [18]. Таким образом, идея Киселева о реформировании управления государственными имуществами получила высочайшее одобрение.

После одобрения проекта реформы Киселев приступил к составлению положения о новом министерстве, «дабы со введения положения о государственных имуществ, можно было открыть и главное управление над оными...» [19].

Все то время, пока Киселев работал над проектом создания нового министерства, текущее управление государственной собственностью осуществлял временный совет, созданный для управления департаментом государственных имуществ в соответствии с указом от 7 января 1837 г. Согласно данному указу звание директора департамента государственных имуществ упразднялось, власть и ответственность министра и директора присваивались временному совету. Таким образом, уже в начале 1837 г. департамент государственных имуществ формально входит в состав Министерства финансов, фактически же подчиняется члену Государственного совета генерал-адъютанту Киселеву. После назначения временного совета прежний директор департамента сенатор Дубенский был предан суду.

В конце 1837 г. Государственным советом, как указывает А. П. Заблоцкий-Десятовский, «были рассмотрены (в соединенных департаментах законов и государственной экономии, с уча-

стием Министерства финансов и внутренних дел и в общем собрании) Учреждение и штаты Министерства государственных имуществ и Наказ ему, утверждены Государем... и тогда же подписан указ о назначении Киселева министром государственных имуществ» [20]. 26 декабря 1837 г. состоялось «Высочайше утвержденное учреждение Министерства государственных имуществ» [21], согласно которому управление государственными имуществами переходило в ведение Министерства государственных имуществ, а департамент государственных имуществ закрывался.

В результате создания Министерства государственных имуществ доходы от использования государственной собственности значительно выросли, проведена инвентаризация казенных земель, большое число казенных крестьян из малоземельных губерний переселены на свободные земли и получили государственную поддержку на случай пожаров, в западных губерниях введено оброчное землепользование, приняты значительные меры по защите имущественных интересов казны. Некоторые результаты Министерства государственных имуществ приведены в отчете Киселева о деятельности министерства за период 1837–1842 гг.:

«Сравнительные выводы о состоянии предметов ведомства государственных имуществ

	В предшествовавшие 6 лет до 1837 года	В последние 6 лет с 1837 года
Поступило доходов государственное казначейство	137 750,176 руб.	164 730,833 руб.
В том числе:		
С казенных оброчных статей	3 593,822 руб.	5 392,078 руб.
С казенных имений	5 350,720 руб.	7 153,575 руб.
С казенных лесов	3 025,871 руб.	3 680,911 руб.
Снято казенных земель на планы	736,363 дес.	11 224,724 дес.
Открыто земель, не бывших в виду	(0 – И. К.)	415,399 (дес. – И. К.)
Переселено крестьян из малоземельных губерний на свободные земли	24 733 душ.	64 312 душ.
Переведено земель из западных губерний на оброк	76 (дес. – И. К.)	290 (дес. – И. К.)
Оказано пособий крестьянам по случаю пожаров:		
Безвозвратно	25,954 руб.	1 375,970 руб.
В ссуду	318,519 руб.	43,474 руб.
Рассмотрено и поступило в Правительствующий Сенат дел по ограждению государственных имуществ	1,242 (тыс. – И. К.)	2,492 (тыс. – И. К.)
Вследствие сих дел присуждено в казну:		
Крестьян	1,940 душ. (тыс. – И. К.)	4,876 (тыс. – И. К.)
Земель и лесов	91,392 дес. (тыс. – И. К.)	402,619 дес. (тыс. – И. К.)
Оброчных статей	12	41
Денежных капиталов	92,789 руб. (тыс. – И. К.)	275,837 руб. (тыс. – И. К.)» [22]

Таким образом, концепция П. Д. Киселева получила практическую реализацию и уже в первые годы существования Министерства государственных имуществ оказала положительное влияние на результаты управления государственной собственностью.

Примечания

1. РГИА. Ф. 1589. Оп. 1. Д. 611. С. 1.
2. Историческое обозрение пятидесятилетней деятельности Министерства государственных имуществ 1837–1887. Ч. I. Учреждение и преобразования Министерства. СПб.: Паровая скоропечатня Яблонский и Перотт, 1888. С. 40.
3. Там же.
4. Там же. С. 18.
5. *Заблоцкий-Десятовский А. П.* Граф П. Д. Киселев и его время. Материалы для истории Императоров Александра I, Николая I, Александра II. Т. II. Ч. I. Управление Министерством Государственных имуществ. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1882. С. 5.
6. РГИА. Ф. 379. Оп. 1. Д. 1384. С. 4–5.
7. Там же. С. 5–7.
8. РГИА. Ф. 1589. Оп. 1. Д. 262. С. 1.
9. Там же. С. 4
10. Там же. С. 19.
11. Иванова-Малофеева Е. Ю. Реформа государственной деревни в Тамбовской губернии (середина 30-х – середина 50-х гг. XIX в.). Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2005. С. 16.
12. *Заблоцкий-Десятовский А. П.* Указ. соч. С. 11.
13. РГИА. Ф. 1589. Оп. 1. Д. 611. С. 5.

14. Там же. С. 6.
15. Там же. С. 7.
16. Там же.
17. РГИА. Ф. 1589. Оп. 1. Д. 611. С. 8.
18. Там же. С. 1.
19. Там же. С. 2.
20. *Заблоцкий-Десятовский А. П.* Указ. соч. С. 66.
21. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание второе. Т. 12. Закон № 10834. СПб.: Типография II отделения собственной его императорского величества канцелярии, 1838 (Российская национальная библиотека, 2007–2010). С. 1039. URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php (дата обращения: 30.07.2013).
22. *Заблоцкий-Десятовский А. П.* Указ. соч. С. 101.

Notes

1. RSHA. F. 1589. Sh. 1. F. 611. P. 1.
2. Historical review of fifty years of activity of the Ministry of state property 1837-1887. Part I. Establishment and transformation of the Ministry. SPb. Steam speed-printing office Yablonsky and Perott. 1888. P. 40.
3. Ibid.
4. Ibid. P. 18.
5. *Zablotsky-Desyatovsky A.P. Graf P. D. Kiselev i ego vremya. Materialy dlya istorii Imperatorov Aleksandra I, Nikolaya I, Aleksandra II. T. II. CH. I. Upravlenie Ministerstvom Gosudarstvennyh imushchestv* [Count P. D. Kiselev and his time. Materials for the history of the Emperors Alexander I, Nicholas I, Alexander II]. Vol. II. Part I. Administration of the Ministry of State property]. SPb. Typography of M. M. Stasyulevich. 1882. P. 5.
6. RSHA. F. 379. Sh. 1. F. 1384. Pp. 4-5.
7. Ibid. Pp. 5-7.
8. RSHA. F. 1589. Sh. 1. F. 262. P. 1.
9. Ibid. P. 4
10. Ibid. P. 19.
11. *Ivanova-Malofeeva E. Yu. Reforma gosudarstvennoj derevni v Tambovskoj gubernii (seredina 30 h – seredina 50 h gg. XIX v.)* [Reform of state village in Tambov province (mid 30's - mid 50-ies of the XIX century)]. Tambov. Publishing house of Tambov State Technical University. 2005. P. 16.
12. *Zablotsky-Desyatovsky A.P.* Op. cit. P. 11.
13. RSHA. F. 1589. Op. 1. D. 611. P. 5.
14. Ibid. P. 6.
15. Ibid. P. 7.
16. Ibid.
17. RSHA. F. 1589. Sh. 1. Sh. 611. P. 8.
18. Ibid. P. 1.
19. Ibid. P. 2.
20. *Zablotsky-Desyatovsky A.P.* Op. cit. P. 66.
21. Complete collection of laws of the Russian Empire. A second collection. Vol. 12. Law No. 10834. SPb. Typography of the II Department of His Imperial Majesty's Chancellery. 1838 (National Library of Russia. 2007-2010). P. 1039. Available at: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php (accessed 30.07.2013). (in Russ.)
22. *Zablotsky-Desyatovsky A.P.* Op. cit. P. 101.

УДК 343.56

А. Б. Коновалова, И. Н. Мосечкин

О необходимости дальнейшего совершенствования уголовного законодательства в сфере противодействия незаконной игровой деятельности

Статья посвящена исследованию норм уголовного законодательства, устанавливающих ответственность за незаконную игровую деятельность. В декабре 2014 г. ст. 171.2 УК РФ подверглась существенным изменениям, что было обусловлено ее низкой эффективностью. Авторы осуществляют сравнение действующей и предыдущей редакций, выявляя их преимущества и недостатки. В результате исследования делается вывод о репрессивно-карательном характере новой редакции, в целях устранения которого,

а также обеспечения высокой эффективности правоприменения, авторы приводят рекомендации по совершенствованию уголовного законодательства, регулирующего сферу игорного бизнеса.

The article is devoted to research of criminal law provisions establishing responsibility for illegal gambling activities. In December, 2014 the article 171.2 of Criminal Code of Russian Federation has undergone significant changes, which was due to its low efficiency. The authors make a comparison of the current and previous editions, identifying strengths and weaknesses. Based on research the authors conclude that new edition has a repressive nature because of the structure of a crime was removed a sign of deriving income on a large scale. In order to eliminate the repressive nature and to provide high efficiency, the authors present their recommendations for improving the criminal law, regulating gambling business sphere.

Ключевые слова: объект преступления, азартные игры, уголовное право, организация и проведение, игорный притон.

Keywords: object of crime, gambling, criminal law, organization and conducting, gambling den.

В настоящее время политика государства по отношению к игорному бизнесу направлена на его сохранение и развитие исключительно в предназначенных для этого игорных зонах. Для реализации данной задачи в течение определенного периода на законодательном уровне вводились необходимые изменения нормативно-правовой базы рассматриваемого вида деятельности. Начальным этапом стало принятие Федерального закона № 244-ФЗ от 29.12.2006 г. «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» [1], который, помимо прочего, закрепил перечень специальных зон, предназначенных для организации и проведения азартных игр (расширенный в дальнейшем). К сожалению, значительная часть игорного бизнеса отреагировала на реформу фактическим уходом в подполье и продолжила осуществлять свою деятельность вопреки установленному порядку.

Поскольку количество незаконных игорных заведений было действительно значительным, законодатель вполне обоснованно решил использовать уголовно-правовые меры предупреждения и пресечения противоправной деятельности, в результате чего Федеральным законом № 250-ФЗ от 20.07.2011 г. в УК РФ была включена ст. 171.2 УК РФ, устанавливающая уголовную ответственность за незаконные организацию и проведение азартных игр [2].

Данные меры, однако, не оказали должного эффекта. Количество зарегистрированных преступлений несопоставимо ниже их реального числа. Согласно статистическим сведениям, в 2011 г. было зарегистрировано лишь 20 данных преступлений [3]. В суд с обвинительным заключением направлено только одно дело, к уголовной ответственности привлечено также только одно лицо. За январь – декабрь 2012 г. количество зарегистрированных преступлений на территории Российской Федерации составило 96. С обвинительным заключением в суд направлено 33 уголовных дела. В результате к уголовной ответственности был привлечен 41 человек [4]. Количество зарегистрированных незаконных организаций и проведения азартных игр в Российской Федерации в 2013 г. составило 106. Из общего количества возбужденных дел в суд с обвинительным заключением направлены только 46. Количество лиц, привлеченных к уголовной ответственности за преступление, предусмотренное ст. 171.2 УК РФ, составило 88 человек [5].

Такая ситуация обусловливается рядом причин. Так, по мнению Д. В. Васильева, определенные сложности вызывает отнесение используемого оборудования к игровому [6]. И. Н. Соловьев в качестве причин выделяет недостатки в организации игорных зон и недостаточный размер наказания [7].

Среди уголовно-правовых причин низкой эффективности применения ст. 171.2 УК РФ в научной среде до недавнего времени наиболее часто упоминался признак извлечения дохода в крупном размере, который затруднял привлечение виновных лиц к уголовной ответственности [8]. Иными словами, до декабря 2014 г., для вменения преступления, предусмотренного ст. 171.2 УК РФ, необходимо было извлечь доход в размере не менее 1 500 000 рублей путем совершения действий, описанных в диспозиции. Сложность привлечения к уголовной ответственности заключалась в затруднительности или фактической невозможности доказывания получения такого дохода, поскольку ни финансовая документация, ни денежные средства в достаточном объеме в подпольных игорных заведениях не хранились.

Учитывая данные обстоятельства, законодатель Федеральным законом от 22.12.2014 г. № 430-ФЗ изменил редакцию ст. 171.2 УК РФ, исключив из части первой признак извлечения дохода в крупном размере [9]. Данным Федеральным законом, с целью предупреждения возможных противоречий и разрешения коллизий между уголовными и административными нормами, была изменена также редакция ст. 14.1.1 КоАП РФ.

Однако данное решение представляется спорным. С одной стороны, теперь процедура привлечения к уголовной ответственности виновных лиц в соответствии с ч. 1 ст. 171.2 УК РФ упростилась, поскольку отпала необходимость доказывания извлечения дохода в крупном размере, а значит, через некоторое время можно ожидать рост числа зарегистрированных преступлений, связанных с незаконной игорной деятельностью. С другой стороны, новая редакция в совокупности с изменениями в ст. 14.1.1 КоАП РФ (теперь к административной ответственности за незаконные организацию и проведение азартных игр могут быть привлечены лишь юридические лица) приобрела репрессивно-карательный характер, поскольку (если ее толковать буквально) может применяться абсолютно в любом случае игорной деятельности. В контексте законодательного регулирования, организация азартных игр лицом в кругу друзей с использованием, например, игровых карт и организация подпольного казино вне разрешенной зоны являются теперь тождественными. При этом не имеет значения количество проведенных игр, их длительность, размер сделанных ставок и полученный доход.

Данная проблема может иметь несколько решений. Так, А. А. Лихолетов предлагает включить в ст. 171.2 УК РФ административную преюдицию – уголовная ответственность будет возникать лишь в том случае, если лицо ранее уже привлекалось к административной ответственности за совершение правонарушения, связанного с организацией и проведением азартных игр [10]. Такая мера не является новой для отечественного законодательства и уже применялась в ч. 1 ст. 208.1 УК РСФСР 1960 г. [11] В то время появление административной преюдиции в указанной статье не способствовало большей эффективности, а в некоторых случаях имело и негативные эффекты. Так, один из организаторов азартных игр привлекался к административной ответственности более 20 раз, и лишь за последний эпизод в отношении его было возбуждено уголовное дело [12]. Учитывая исторический опыт, при введении данной меры следует вновь ожидать похожих результатов.

Н. В. Осипов предлагает признак извлечения дохода в крупном размере в ч. 1 ст. 171.2 УК РФ оставить, но при этом снизить его [13]. Однако не совсем ясным остается вопрос, до какого уровня следует снижать такой размер? При незначительном смягчении ситуация, скорее всего, останется неизменной, поскольку виновные лица и дальше будут скрывать финансовую документацию и крупные суммы полученных денежных средств. В свою очередь, при значительном смягчении статья практически не будет отличаться от действующей редакции, то есть репрессивно-карательный характер останется.

По нашему мнению, есть иной вариант решения существующей проблемы. Думается, что признак извлечения дохода в крупном размере в ч. 1 ст. 171.2 УК РФ действительно был излишним, однако простое его изъятие недопустимо. Представляется, что наиболее адекватной мерой выступила бы замена его иным признаком, которым может быть, например, место совершения преступления. Отталкиваясь от объекта посягательства преступления, а также основываясь на изучении материалов предварительных проверок, в качестве такого признака можно предложить признак общедоступного места, под которым следует понимать место, доступ в которое предоставляется или может предоставляться неопределенному кругу лиц. В связи с тем, что организация и проведение азартных игр с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, а также средств связи крайне редко совершается в каком-то определенном месте, а кроме того, обладает большей общественной опасностью (поскольку уменьшает вероятность привлечения к уголовной ответственности, охватывает больше потенциальных клиентов и т. д.), предлагается данные деяния вынести в ч. 2 ст. 171.2 УК РФ в качестве квалифицирующего признака.

Таким образом, предлагаемая формулировка диспозиции ст. 171.2 УК РФ будет выглядеть следующим образом:

Статья 171.2. Незаконные организация и проведение азартных игр

1. Незаконные организация и (или) проведение азартных игр с использованием игрового оборудования вне игорной зоны либо без полученного в установленном порядке разрешения на осуществление деятельности по организации и проведению азартных игр в игорной зоне, совершенные в общедоступном месте, – наказываются...

2. Те же деяния:

а) совершенные с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет, а также средств связи, в том числе подвижной связи;

б) совершенные группой лиц по предварительному сговору;

в) сопряженные с извлечением дохода в крупном размере, – наказываются...

3. Деяния, предусмотренные частями первой и второй настоящей статьи:

а) совершенные организованной группой;

б) сопряженные с извлечением дохода в особо крупном размере;

в) совершенные с использованием служебного положения, – наказываются...

В связи с тем, что под общедоступным местом понимается место, доступ в которое предоставляется или может предоставляться неопределенному кругу лиц, под данное определение не попадают жилые помещения: квартиры, частные дома и другие. На этом вопросе следует остановиться отдельно и обратиться к историческому опыту. Ст. 226 УК РСФСР 1960 г. устанавливала уголовную ответственность за содержание игорных притонов, уголовно-правовые признаки и понятие которых не раскрывались [14]. В период действия данной статьи игорным притоном могло быть признано практически любое игорное заведение.

В настоящее время наблюдается противоположная ситуация: все существующие игорные притоны охватываются действующей ст. 171.2 УК РФ. Думается, что такой подход является не совсем справедливым, поскольку организация незаконных азартных игр и содержание игорных притонов различаются по своей природе. Например, данные преступления посягают на различный объект. В силу расположения ст. 171.2 УК РФ в гл. 22 «Преступления в сфере экономической деятельности», объектом являются общественные отношения в сфере экономической деятельности. В свою очередь, содержание игорных притонов посягает в основном на здоровье населения и общественную нравственность.

Различия между данными общественно опасными деяниями кроются не только в объекте. Организация и проведение незаконных азартных игр являются, прежде всего, специфической предпринимательской деятельностью, а содержание игорного притона не носит такого характера. Думается, что организация азартных игр в жилом помещении, например в квартире, даже несмотря на черты предпринимательской деятельности (регистрация в качестве индивидуального предпринимателя, систематическое извлечение прибыли), является организацией игорного притона.

Разграничение данных преступлений наблюдается в законодательстве зарубежных стран, например в УК Республики Узбекистан, согласно ст. 278 которого запрещена незаконная организация или проведение азартных игр, а равно содержание притонов для таких игр [15].

Подводя итог вышеизложенному, следует отметить следующее: совершенствование ст. 171.2 УК РФ необходимо, поскольку в настоящее время она носит репрессивно-карательный характер. Вместе с тем, исходя из анализа практики, общественно опасные деяния по содержанию игорных притонов в жилых помещениях имеют место, что требует введения специальной статьи в УК РФ, устанавливающей ответственность за данное преступление. Данная мера необходима, поскольку организация и проведение азартных игр и содержание игорных притонов не являются тождественными. Кроме того, возможное разграничение организации и проведения незаконных азартных игр и содержания игорных притонов может послужить основанием для совершенствования правоприменения. В заключение следует также отметить, что игорная деятельность носит сложный и неоднозначный характер, поэтому одной лишь ст. 171.2 УК РФ для ее регулирования недостаточно.

По нашему мнению, проблема противодействия незаконной игорной деятельности требует комплексного исследования, по итогам которого следует ожидать новых рекомендаций по совершенствованию законодательства.

Примечания

1. Федеральный закон «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» от 29.12.2006 г. № 244-ФЗ (ред. от 22.07.2014 г. (с изм. и доп., вступ. в силу с 22.08.2014 г.) // Российская газета. 2006. № 297.
2. Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 20.07.2011 г. № 250-ФЗ // Российская газета. 2011. № 161.
3. Преступность, национальная безопасность, бизнес / под ред. А. И. Долговой. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2012. С. 630.
4. Статистические сведения о преступлениях, предусмотренных ст. 171.2 УК РФ в разрезе субъектов Российской Федерации за январь – декабрь 2012 года / ФКУ «ГИАЦ МВД России». Ф. 491. КН. 1.
5. Статистические сведения о преступлениях, предусмотренных ст. 171.2 УК РФ в разрезе субъектов Российской Федерации за январь – декабрь 2013 года / ФКУ «ГИАЦ МВД России». Ф. 491. КН. 5.
6. Васильев В. Д. Проблемные вопросы квалификации незаконных организаций и проведения азартных игр // Роль правовой науки в развитии общества: сб. статей Междунар. науч.-практ. конф. (30 июня 2014 г.). Уфа: Аэтерна, 2014. С. 3.
7. Соловьев И. Н. Игорный бизнес: нужны новые законодательные инструменты // Российское агентство правовой и судебной информации. URL: http://rapsinews.ru/legislation_publication/20121213/265762180.html (дата обращения 04.02.2015).
8. Лихолетов А. А. Уголовно-правовые и криминологические проблемы противодействия незаконному игорному бизнесу: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Саратов, 2013. С. 20.

9. Федеральный закон «О внесении изменений в статью 171.2 Уголовного кодекса Российской Федерации и статьи 14.1.1 и 28.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» от 22.12.2014 г. № 430-ФЗ // Российская газета». 2014. № 293.

10. Лихолетов А. А. Указ. соч. С. 9.

11. Уголовный кодекс РСФСР утв. ВС РСФСР 27.10.1960 г. (с изм. и доп. в ред. от 30.07.1996 г.) Первоначальный текст документа опублик. в изд.: Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 591.

12. Ковтун Е. В. Азарт в Стране Советов: в 3 т. Т. 1: Азартные игры. М.: ЗАО «Олимп-Бизнес», 2012. С. 228.

13. Теллин Д. А., Осипов Н. В. Привлечение к уголовной ответственности организатора незаконных азартных игр // Предпринимательство и право. URL: <http://lexandbusiness.ru/view-article.php?id=1310> (дата обращения: 01.02.2014).

14. Уголовный кодекс РСФСР утв. ВС РСФСР 27.10.1960.

15. Уголовный кодекс Республики Узбекистан // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. URL: http://www.lex.uz/Pages/GetAct.aspx?lact_id=111457 (дата обращения: 07.01.2015).

Notes

1. Federal Law «On State Regulation of the activities of the organization and conduct of gambling and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation» dated 29.12.2006 N 244-FZ (ed. on 22.07.2014 (rev. and ext., came in force from 08.22.2014) // Rossiyskaya Gazeta – Russian Newspaper. 2006, № 297. (in Russ.)

2. Federal Law «On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation» dated 20.07.2011 N 250-FZ // Rossiyskaya Gazeta – Russian Newspaper. 2011, №161. (in Russ.)

3. *Prestupnost', natsional'naya bezopasnost', biznes* [Crime, national security, business] / ed. A.I. Dolgova. Moscow. Russian criminological association. 2012. P. 630.

4. Statistical information on crimes under Art. 171.2 of the Criminal Code in the context of the Russian Federation in January-December 2012 / FSI «GIAZ MHA of Russia». F. 491. B. 1. (in Russ.)

5. Statistical information on crimes under Art. 171.2 of the Criminal Code in the context of the Russian Federation in January-December 2013 / FSI «GIAZ MHA of Russia». F.491. B.5. (in Russ.)

6. Vasil'yev V. D. *Problemnyye voprosy kvalifikatsii nezakonnykh organizatsii i provedeniya azartnykh igr* [Problematic issues of qualification of illegal organization and conduct of gambling] // *Rol' pravovoy nauki v razvitiy obshchestva: sb. statey Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (30 iyunya 2014 goda)* – The role of legal science in the development of society: Sat. Articles of the International scientific and practical conference (30 June 2014). Ufa: Aeterna. 2014. P. 3.

7. Solov'yev I. N. *Igornyy biznes: nuzhny novyye zakonodatel'nyye instrument* [Gambling industry: we need new legislative instruments]. Available at: http://rapsinews.ru/legislation_publication/20121213/265762180.html (in Russ.)

8. Likholetov A. A. *Ugolovno-pravovyye i kriminologicheskiye problemy protivodeystviya nezakonnomu igornomu biznesu: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk: 12.00.08* [Criminal law and criminological problems of counteraction to illegal gambling: Author. dis. ... Cand. jur. Sci.: 12.00.08]. Saratov. 2013. P. 20.

9. Federal Law «On Amendments to Article 171.2 of the Criminal Code of the Russian Federation and Articles 14.1.1 and 28.3 of the Code of Administrative Offences» from 22.12.2014 № 430-FZ // Rossiyskaya Gazeta – Russian Newspaper. 2014. № 293. (in Russ.)

10. Likholetov A. A. Op. cit. P. 9.

11. The Criminal Code of the Russian Soviet Federative Socialist Republic approved. RSFSR Supreme Soviet 27.10.1960 (rev. and supplemented. as amended. on 30.07.1996) The original text of the document published in the Bulletin of the RSFSR Supreme Soviet edition, 1960, № 40, art. 591. (in Russ.)

12. Kovtun Ye. V. *Azart v Strane Sovetov: v 3 t. T. 1: Azartnyye igr* [Ardor in Soviet Union: in 3 vols. Vol. 1: Gaming]. Moscow. Olimp-business. 2012. P. 228.

13. Tellin D. A., Osipov N. V. *Privlecheniye k ugolovnoy otvetstvennosti organizatora nezakonnykh azartnykh igr* [Criminal responsibility of the organizer of illegal gambling]. Available at: <http://lexandbusiness.ru/view-article.php?id=1310> in Russ.)

14. The Criminal Code of the Russian Soviet Federative Socialist Republic approved. RSFSR Supreme Soviet 27.10.1960 (rev. and supplemented. as amended. on 30.07.1996) The original text of the document published in the Bulletin of the RSFSR Supreme Soviet edition, 1960, N 40, art. 591. (in Russ.)

15. Criminal Code of the Republic of Uzbekistan. Available at: http://www.lex.uz/Pages/GetAct.aspx?lact_id=111457 (in Russ.)

Поэтика телесности в лирике Георгия Иванова

Соматологический код как культурный феномен становится важной семиотической характеристикой в периоды смены культурных парадигм, в частности в эпоху Серебряного века. В статье доказывается, что поэтика телесности Георгия Иванова напрямую связана с его акмеистическими установками. Акмеизм понимал тело как одно из проявлений Божественного Логоса, непреложную данность, дарованную человеку как знак его связи с Богом. В статье прослеживается эволюция телесных образов поэта. Обнаруживается связь соматологического кода ранней лирики с поэтикой экфрасиса. Позднее же эмигрантское творчество демонстрирует экзистенциальную природу и подчеркнутую автобиографичность телесных образов у поэта. Поэтическая соматология Георгия Иванова, несмотря на свое акмеистическое происхождение, тем не менее имеет четко выраженный символистский оттенок, что связано с влиянием на поэта творчества А. Блока.

Somatological code as a cultural phenomenon has become an important semiotical characteristic in periods of changing of cultural paradigms, particularly in the Silver Age of Russian Poetry. It is proved that the Georgy Ivanov's poetics of corporeality is directly related to his Acmeist settings. Acmeism understand the body as one of the manifestations of the Divine Logos, immutable entity, given to mankind as a sign of his relationship with God. The article traces the evolution of bodily images in Georgy Ivanov's poetry. An association of somatological code in early lyrics with poetics of ecphrasis was found. Late émigré art shows existential nature and pronouncedly autobiographical bodily images. Poetic somatology Georgi Ivanov, despite its Acmeist origin, however, has a clear shade of symbolism, due to the influence of Alexander Blok poetry.

Ключевые слова: Георгий Иванов, акмеизм, соматологический код, поэтика телесности, экфрасис.

Keywords: Georgy Ivanov, Acmeism, somatological code, poetics of corporeality, ecphrasis.

Интерес культуры к человеческому телу проявился уже на самых ранних этапах ее развития. Осваивая внешнее пространство, человек стал считать себя отправной точкой в построении модели мира, соответственно, антропоцентрически он кодировал и окружающую действительность. Таким образом, в мировой культуре сложился своеобразный соматологический «словарь», имеющий национальные и религиозные отличия. Каждая эпоха вносила свой вклад в его пополнение, очередная корректировка параметров картины мира неизбежно отражалась на культурном воплощении телесности.

Феномен человеческого тела, помимо специалистов в области естественных наук, не мог не привлекать внимание и гуманитариев, в частности философов, культурологов и литературоведов, особенно этот интерес активизировался в последние десятилетия [1].

Особую значимость телесный код приобретает в периоды смены культурных парадигм, когда обостряются противоречия в отношениях человека и мира и возникает необходимость «перенастройки» семантических контрапунктов в сознании. В частности, на рубеже XIX–XX вв. произошел отход от антропоцентрической модели мира и культура модернизма выросла из осознания дискретности мира, трагической судьбы человека на сломе эпох, его пребывания «у бездны на краю». В порубежном сознании доминирует мысль о «распавшейся связи времен» и возврате мира в состояние хаоса. Человек, поддаваясь общим энтропийным процессам, тоже лишается целостности, деформируется, распадается на части. «Осколочное» восприятие действительности транспонируется на ощущение человеческого тела как на «расчлененный» образ, части которого символизируют собою космос, превращающийся в хаос.

Символизм создает свой образ телесности, «растянутый» на двух точках между акцентом на его материальности, «плотскости» и констатацией его распада, «развеществления», «растворении» в трансцендентном. Этот феномен убедительно проанализирован Н. О. Осиповой на примере соматологии А. Блока. Исследователь характеризует телесную образность в творчестве поэта как тяготеющую к авангардной эстетике с тенденцией к «анатомированию», амбивалентностью «живого-мертвого», интересу к изображению больного, страдающего тела и поруганной плоти [2].

В контексте акмеистического мировидения телесность как культурный феномен становится особенно важной семиотической характеристикой. Акмеизм, в отличие от символизма, имел другие исходные позиции, акцентируя принципиально иное отношение к вещному миру и, следовательно, к телесности. Акмеисты исходили из мысли о том, что вещь и сознание соединяются в Слове, Слово есть душа вещи, лишенная телесной оболочки, или же образ вещи в сознании, и задача поэта – выразить мыслимое состояние вещи в Слове. О. Мандельштам считал, что Слово связано с вещью как душа с телом: оно может свободно воплощаться в вещь, а может и покидать его. Задача поэта, следовательно, состоит в том, чтобы прочесть то, что уже написано языком природы и выразить это в Слове. Таким образом, данность вещи (тела) как целостного образа не подвергается сомнению.

Символизм констатировал наступление хаоса и распад земного, вещного мира, отсюда в творчестве его адептов мотив телесной дискретности. Целое тело большей частью изображено у символистов или как поруганное, или как мертвое. Часто оно тяготит человека, мешает ему стремиться к трансцендентному. Например, у Ф. Сологуба читаем: «На прахе охладелом // Былого бытия // Природою и телом // Томлюсь безумно я» [3].

Акмеизм же во главу угла ставил единство мира и человека, в последнем же соединяется в гармонии дух (творческое начало от Бога) и тело (тварное, собственное начало). По точному выражению И. Кребель, «акмеизм прорабатывает такую рефлексию, структуры которой не отстраняются от телесности, от живой подлинности бытия и не соскальзывают в идеологическую колею» [4]. Акмеистов привлекает стихия живой жизни и желание найти для ее выражения наиболее адекватные, точные слова, образцом для которых служит Божественный Логос. Поэзия, таким образом, становится «шестым чувством» (Н. Гумилев), наряду с данными нам пятью, и порой превосходит их, так как преобразует природу человека. Мир воспринимается акмеистами именно через ощущения, практически, а не через теоретические построения, умозрительно, как символистами. Восприятие тела в акмеистическом ключе отличается его полным принятием, радостью обладания им. Хотя порой акмеисты сталкиваются с трудностями в его семиотической интерпретации: оно нуждается в разгадке, толковании, возвращении ему подлинного именованного, как всякой вещи на земле (Мандельштам: «Дано мне тело, что мне делать с ним...»).

Интересно выявить семантику телесности на примере лирики Георгия Иванова – одного из лучших поэтов эмиграции, чье становление происходило в акмеистическом кругу. Попробуем проследить эволюцию соматологических образов у поэта, сопоставив его ранние петербургские и зрелые эмигрантские сборники, что в этом плане еще не являлось предметом научного изучения, несмотря на довольно обширный список исследований по творчеству этого автора.

В ранней лирике, где Г. Иванов проявил себя во многом как апологет акмеизма, в изображении телесных образов явно прослеживаются поэтические штампы, и связано это во многом с этапом ученичества, осваивания начинающим автором опыта предшественников, поиском своего пути в поэзии. Выражается это, например, в семантике женского тела как символа любви. Телесный образ героини представлен, главным образом, портретными проявлениями: *глазами, губами, руками, плечами и волосами*, имплицитно представлены *щеки* (через румянец) и несколько раз упоминается само слово *тело*. Описание любимой вполне укладывается в акмеистическое представление о любви как о природном чувстве, поэт активно пользуется традиционными формулами поэтического параллелизма – уподоблением красоты возлюбленной красоте природы: «*И только если ресницы // Распахнуты, глянут глаза, // Кажется: реют птицы // И где-то шумит гроза*» [5, с. 49].

Лирический герой изливает свои чувства в тривиальных признаниях: «*Волосы твои перебирая, // Все глядел бы в милые глаза, // синей в целом мире не сыщется глаз, // и глаз не в силах отвести от слабых рук, // и руки узкие целовал*».

Героиня представлена в классических жестах, порой откровенно картинных: «*...к чайной розе // Простерта тонкая рука, // облокотившись о перила, // Рассматривает облака, // И ты, ломая руки, Ромео звала в тоске*».

Сплетенные руки традиционно являются знаком взаимной любви: «*его рука в ее руке, // все образует в жизни круг – // Слиянье уст, пожатые рук*».

Отличительным знаком возлюбленной становятся плечи: «плеч очертанья и рук», «и за плечом твоим глядит любовь моя», «и дальний закат, как персидская шаль, // Которой окутаны нежные плечи», «Зачем драгоценные плечи твои // Как жемчуг нежны и как небо покаты».

Внешний образ героини в ранней лирике поэта отчетливо живописен, ориентирован в основном на зрительное восприятие. Женское тело представлено прежде всего как эстетический объект, данный глазами лирического героя, который словно предлагает нам полюбоваться на своей избранницей. Она же очерчена весьма схематично, без особых примет, являя собой некий обобщенный образ нежной и милой возлюбленной, так как важным является не ее изображение, а отношение к ней лирического героя. Тело любимой приобретает ценность именно через его влюбленность, что подчеркивается рядом тактильных и одористических характеристик: «Вновь с тобою рядом лежа, // Я вдыхаю нежный запах // Тела, пахнущего морем // И миндальным молоком... . Влажные целую губы, // Теплую целую кожу, // И глаза мои ослепли // В темном золоте волос» (с. 47).

Традиционные параллели природных и телесных образов характерны для ранней лирики Г. Иванова, даже смерть изображается поэтом как растворение в природе: «...твое драгоценное тело, увя, // Полевыми цветами и глиною станет», «Зеленою кровью дубов и могильной травы // Когда-нибудь станет любовников томная кровь...», «Прекрасное тело смешается с горстью песка, // И слезы в родной океан возвратятся назад...»

Подобный метаморфизм был в принципе свойственен Иванову, что особенно заметно в «Садах» и «Розах».

К ярким мифопоэтическим образам можно отнести и героинь переведенного с французского стихотворения А. Самэна «Сирены»: их описание подчеркнуто эротично и живописно: своими очертаниями и сопутствующим растительным обрамлением они напоминают презентацию женских тел на картинах в стиле «ар нуво»:

В растущем сумраке, прозрачны и легки,
Скользили под луной так медленно сирены
И, гибкие, среди голубоватой пены
Серебряных хвостов свивали завитки

Их плоти перламутр жемчужной белизной
Блистал и отливал под всплесками эмали,
Нагие груди их округло подымали
Коралловых сосков приманку над волной.

Нагие руки их манили на волнах,
Средь белокурых кос цвела трава морская, –
Они, откинув стан и ноздри раздувая,
Дарили синеву там, в звездных их глазах (с. 195–196).

Метаморфизм подчеркивается еще и тем, что описанию прелестных фантастических существ вторит экфрастическое изображение статуи Дианы в Летнем саду, и в том и в другом случаях для поэта это прежде всего эстетические объекты: «Прекрасная охотница Диана // Опять вступает на осенний путь, // И тускло светятся края колчана, // Рука и алебастровая грудь» (с. 210).

Возможность такой приравненности доказывается в последних строках стихотворения, в которых богиня воздействует на героя своими любовными чарами, как и сирены – на моряков: «И в сердце мне печальная богиня // Пошлет стрелу с блестящей тетивы».

Экфрастическое мировидение раннего Иванова проявляется и в нередких отсылках к полотнам с изображенным на них прекрасным женским телом, опять-таки во флористической орнаментовке, часто узнаваемы по стилистике живописного письма и иногда даже с прямым указанием имени художника: «От полураспустившихся пионов // Прелестный отвела лица овал // Султанша смуглая. Галактионов // Такой Зарему нам нарисовал (с. 221).

Романтическая влюбленность также имеет в ранней лирике преимущественно телесную представленность мифопоэтического свойства: «Наши волосы спутает ветер душистый, и ноги // Предзакатное солнце омоет прохладным огнем», «Потемневшее солнце трепещет, как сердце живое, // Как живое влюбленное сердце, что бьется в груди».

Сам же лирический герой имеет минимальную, практически единичную телесную представленность, которую можно трактовать как ироническую рефлексию на литературный штамп или как факт самоиронии: «И все несносней и больней // Мои томления и муки. // Схожу с гранитных ступеней, // К закату простираю руки», «Я щеточкою ногти полирую // И слушаю старинный полифон».

Из «внутренних» телесных маркеров лирического героя особую частотность имеет *сердце*: это фактически единственный соматологический знак, фиксирующий его «живое» присутствие в ранних текстах поэта. Сердце поэта – вместилище его души, самый живой орган, именно через его реакцию мы можем понять героя. В ранних сборниках «сердечная реакция» вполне укладывается в общепринятые поэтические переживания: «*И снова сердце без причины // В печаль холодную ушло*», «*В сердце нет ни тоски, ни радости*», «*И сердце узнает свой тайный час*», «*Сердце уносится, дрожа*».

Порой за изображением душевных волнений кроется герой в литературной маске (пират, актер, несчастный любовник, монах-схимник): «*Я тоскою жестокой изранен // Сердце тонет в печали*», «*Страсти бесплодной волненья // В сердце моем никогда не утихнут*», «*О, сердце, о, сердце, // Измучилось ты! // Опять тебя тянет // В родные скиты*», «*В сердце сладостной отрады // Занимается заря*», «*Я вывожу свои заставки. // Желанен сердцу милый труд*», «*И сердце мудро ждет чего-то // Во имя, Господи, твое*», «*И сердце сладко молится // Дыханью ветерка*», «*В сердце розы Христовы рдяные*», «*Сердцу спокойному грезится // Белый, неведомый скит*».

Но среди привычных поэтических трактовок находятся удивительные по естественности и пронзительности чувства индивидуальной «ивановской окраски» – с оттенком легкой грусти, увядания, исчезновения, когда сердце становится маркером подлинных чувств лирического героя, не прячущегося за масками и штампами. Проявляется это прежде всего в теме времени, осмыслении собственной жизни как пути к смерти и поисков ответа на вопрос, что же там, за заветной чертой. Вследствие акмеистической установки поэта на эстетизм ответ видится в области искусства, например, в том же метаморфозе овидиевского толка, столь естественном в мифопоэтике Серебряного века: «*...я травой и облаком был, // Человеческим сердцем я тоже когда-нибудь буду*».

Чаще всего в ранней лирике «сердечное» переживание выражается через живописные образы: «*И снова землю я люблю за то, // Что так торжественны лучи заката, // Что легкой кистью Антуан Ватто // Коснулся сердца моего когда-то*» (с. 230). Имя Ватто, одного из любимых художников Иванова, обращает нас к рокайльной эстетике переживания смерти, свойственной этому художнику, когда сама жизнь воспринимается как легкое балансирование «на грани», что весьма соответствовало эстетическому мировидению молодого поэта. Искусство, как спасительный остров, должно было сбросить поэта от страшных волн бушующего житейского моря, от наступающей катастрофы, но уже в последнем петербургском сборнике «Сады» прочитывается мысль о невозможности красоты «спасти мир», что в полной мере прозвучит потом в эмигрантской лирике: «*В сердце все никак не хочет убедиться, // Что никогда не плыть на волю нам // По голубым эмалевым волнам*» (с. 232).

Рациональное понимание крушения мира к лирическому герою уже пришло, но сердце, главный поэтический орган, еще не осознало его глубины и масштабов, оно еще бьется, желая противопоставить разрушительной стихии жизни свои поэтические импульсы, которые в поздней лирике Иванова предстанут предсмертными конвульсиями.

Уже в первом эмигрантском сборнике «Розы» становится заметной иная трактовка телесного кода. Самые частотные символы этого явления – «тяжелая голова» и «опускающиеся, закрывающиеся глаза» – становятся физическими знаками морального истощения. Если применить медицинский термин, в данном случае представляющийся уместным, то это выглядит переходом психических переживаний на *соматический* уровень, то есть душевная болезнь, прогрессируя, затрагивает уже физические функции, и, следовательно, степень ее утяжеляется. Причина такой душевной немощи очевидна – это ностальгия эмигранта, в случае Иванова ставшая, по сути, глубинной причиной его собственной смерти и, одновременно, удивительным «прорывом» в его поздней лирике. Все тело каждым своим органом кричит о невозможности существования, физическая слабость становится привычным состоянием лирического героя, нарастая от сборника к сборнику: «*И мутнеющая голова // Опускается все ниже*», «*Утомительный день утомительно прожит, // Голова тяжела*», «*...лечь в холодную кровать, // Закрывать глаза и больше не проснуться*», «*На мир, что навсегда потерял, // Глаза умерших смотрят так*», «*Головокруженье с утра началось, // Всю ночь продолжалось головокруженье*».

Сердце начинает давать сбои, останавливаться, знаменуя собой близкую смерть: «*...И чье-то сердце навсегда // Остановилось в нем*», «*Так сердце твое оборвется когда-нибудь*», «*Сердце бьется слабо, слабо, // Будто вдалеке*», «*Замученное сердце радо // Тому, что я домой бреду*», «*Перестало сердце биться, // Сердце биться перестало, // Наконец, утомилось, // Навсегда окаменело*».

Такая редкая у Иванова физиологическая деталь, как *слезы*, ранее встречалась в идиллическом контексте (плачущие фонтаны, статуи), в поздних же стихах они являются знаком душевного нездоровья самого лирического героя: «*Слезы, медленны и едки, // Льются сами по себе*».

Появляются новые физиологические детали, ранее не встречавшиеся ввиду их «прозаичности» и негативных коннотаций: это *нос* и *кровь*. Первый образ, что предсказуемо у эстета Иванова, связан с темой смерти через сложный клубок ассоциаций: Гоголь и его итальянское пространство, откуда Россия выделась ему в величии и неприглядности одновременно, знаменитый гоголевский нос и нос самого Г. Иванова – его личная физиологическая подробность, которую подмечали его современники, да и он сам иронично о нем отзывался. «– *Вы русский? – Ну понятно, русский и й. // Нос бесконечный. Шарф смешной*», «*Такой же Гоголь с длинным носом // Так долго, страшно умирал*».

Логично вписывается в ивановский ассоциативный ряд и знаменитая гоголевская скука, также решенная у поэта в соматологическом ключе: «*Мне мое лицо, походка, даже сны // Головокружительно скучны*», «*Скучно, скучно мне до одуренья! // Скушал бы клубничного варенья, // Да потом меня изжога съест*», «*Все бесцветно, все безвкусно, // Мертво внутри, смешно извне. // Как мне невыразимо грустно, // Как тошнотворно скучно мне*» (с. 437).

Разматывая традиционный для Иванова клубок скрытых цитат и аллюзий, в последнем отрывке мы обнаружим не только легко узнаваемого Гоголя, но и Лермонтова («И скучно, и грустно»), Пушкина («и кюхельбекерно, и тошно») и Жуковского («Невыразимое»). Диалог с последним отнюдь не случаен, он, по сути, ставит те же вопросы, что постоянны в поздних стихах Г. Иванова: способно ли искусство быть заменой жизни, может ли оно адекватно передать божественное вдохновение? Иванов пользуется в размышлении теми же телесными сигналами, что и Жуковский (далее выделено нами. – А. Х.):

Но лъзя ли в мертвое живое передать?
Кто мог создание в словах пересоздать?
Невыразимое подвластно ль выраженью?..
Святые таинства, **лишь сердце знает вас.**
...
Спирается в груди болезненное чувство,
Хотим прекрасное в полете удержать
Ненареченному хотим названье дать —
И обессиленно безмолвствует искусство? [6]

Другим телесным знаком, практически не встречающимся в ранней лирике, является *кровь* (кроме ее метафорического упоминания типа «*зеленою кровью дубов*»). Эта субстанция в поздней лирике активно сигнализирует о беде, несчастье, проваливании в небытие: «*Капля за каплей – кровь и вода – // В синюю вечность твою навсегда*», «*...Тишина, пустота, комары, // Чья-то кровь на кривом мухоморе*».

Появляется в поздней лирике еще один необычный соматологический знак – *позвоночник*, одно из назначений которого, как известно, быть опорой для тела. В поздних стихах мы находим его в печальном состоянии бездействия, не выполняющим своей функции, что вписывается в общую картину физической ущербности лирического героя, имеющего в эмигрантской поэзии Г. Иванова четкие автобиографические черты: «*По дому бродит полуночник – // То улыбнется, то вздохнет, // То ослабевший позвоночник // Над письменным столом согнет*». Еще одна вариация темы позвоночника – абсурдистская, где за странными бестиарными образами (кенгуру, камбалы) скрывается та же бессмыслица жизни: «*Я флакон одеколону, // Не жалея, извела, // Вертебральную колонну // Оттирая добела!*».

Примечательно, что осознание лирическим героем смерти как небытия происходит именно через сенсорнику, точнее, через констатацию отсутствия физических ощущений («бесцветно», «безвкусно»), что подтверждается неоднократно: «*Самый зоркий глаз // Не увидит дна, // Самый чуткий слух // Не услышит час – // Где летит судьба, // Тишина, весна, // Одного из двух, // Одного из нас*» (с. 269).

Все чаще лирический герой констатирует физическое истощение, со всей прямоотой и жесткостью свидетельствуя о себе как о «живом труп», последовательно и скрупулезно фиксируя собственное разрушение словно взглядом со стороны, несколько отстраненным, отчего читателем не сразу осознается степень боли и трагизма, так как она оказывается дистанцированной из-за разъедающей самоиронии:

В горле тошнотворный шарик,
Смерти вкус на языке,
Электрический фонарик,
Как звезда, горит в руке.

Мы вымираем по порядку –
Кто поутру, кто вечером –
И на кладбищенскую грядку
Ложимся ровненько, рядком (с. 585).

Теперь, когда я сгнил и черви обглодали
До блеска остов мой и удалились прочь... (с. 373)

И вспоминаю, холодея,
Что я уже не человек,
А судорога идиота,
Природой созданная зря (с. 386).

Изображение смерти как медленного физического угасания сопряжено с темой болезни как ее вариации. Герой Иванова болен неясной болезнью, от которой нет излечения, именно она становится предметом его последних поэтических рефлексий, так как мир лирического героя сузился до невозможности, каждый шаг в окружающем пространстве дается ему с трудом, а сам он уже не понимает, есть ли смысл в его физическом движении, так как слишком очевидна близость конца: *«Вот вылезая, как зверь, из берлоги я // В холод Парижа, сутулый, больной», «Лежу, как зверь больной, в берлоге я», «Ночных часов тяжелый рой. // Лежу, измученный жарой», «В зеркале сутулый, тощий, // Складки у бессонных глаз. // Это все гораздо проще, // Будничней в сто раз. // Будничнее и беднее – // Зноен опаленный сад, // Дно зеркальное. На дне. И // Никаких путей назад»* (с. 569).

В последнем отрывке обращает на себя внимание зеркальное дно: образы зеркала и дна – одни из любимых у Иванова, в ранних стихах они встречаются очень часто, означая границу перехода в иной мир. В поздней лирике автор вынужден признать, что он находится на ней непосредственно, что эта призрачная, неясная и зыбкая граница мысленно уже пересечена героем при жизни («на дне»), его экзистенциальное «стояние на краю» может быть приравнено падению в пропасть – в душе он проделывал это не раз.

Иногда в измученном сознании героя мелькает мысль о том, что, может, быть, это еще не конец, но самообман немедленно разоблачается самим героем, с жестоким реализмом констатирующим невозможность иного финала. В одном из последних стихотворений Иванов фактически описывает себя после смерти, с фактографической точностью предрекая свою судьбу, что было нетрудно сделать, наблюдая за уходом из жизни постояльцев Дома престарелых в Йере, где Иванов окончил свои дни:

А может быть, еще и не конец?
Терновый мученический венец
Еще мой мертвый не украсит лоб
И в fosse commune мой нищий ящик-гроб
Не сбросят в этом богомерзком Йере.

.....
Вздор! Ерунда! Ведь я давно отпет.
На что надеяться, о чем мечтать?
Я даже не могу с кровати встать (с. 558).

Авторефлексия, столь характерная для последних сборников Иванова, представлена интересным обертоном – игрой с собственным именем. Имя как знак тела, отличающее его от прочих, перестает быть таковым у Иванова. Уподобление другим и проблемы с самоидентификацией сигнализируют о каких-то очень серьезных мировых сдвигах, «сбитых» ориентирах вплоть до потери собственного местоположения во вселенной. В поэтических автопортретах (о чем можно говорить, исходя из общей живописной ориентации Иванова) мы видим странного персонажа, безмерно одинокого, шагающего в неизвестном пространстве и даже летящего в небесном эфире без цели и определенной траектории. В них угадывается Иванов-кадет, Иванов-военный (гипотетическое завершение учебы в корпусе, которого, как известно, поэт не кончил), Иванов-клиент ателье и, наконец, некий абстрактный человек без имени, утративший его за ненужностью: *«В черной шинели, с погонами синими, // Шел я, не видя ни улиц, ни лиц», «...Нет капитана Иванова, // Ну абсолютно ничего», «Я бы зажил, зажил заново, // Не Георгием Ивановым...», «В сияньи брюки Иванова // Летят – и вечность впереди», «Исчезают имя и отчество // И фамилия расплывается».*

Примечательно, что поэт, обыгрывая распространенность своей фамилии, намеренно снижает образ с Иванова до **Иванова**, демонстрируя такой унификацией («все равно, какое имя там»)

общую приравненность в смерти, неразличимость лиц (и тел) перед ликом небытия – вероятно, страх перед ним делает их всех похожими.

Чем ближе к заветному порогу, тем явственнее герой осознает, что смерть обесмысливает все то, что было прежде человеку дорого и что выражается, в частности, в любовной тематике, связь которой с телесными образами была очень тесной в раннем творчестве поэта и практически не представлена в поздней. Этого чувства в стихах Иванова меньше не стало, напротив, оно стало глубже и пронзительнее от осознания его неизбежной скорой утраты, но телесные формы теперь присутствуют в тексте гомеопатически, герой лишь задает риторический, в сложившихся обстоятельствах, вопрос, упоминая одну из любимых телесных примет родного человека: *«Зачем драгоценные плечи твои... // Зачем?.. Но не будет ответа...»*.

Ассоциативно эти строки связаны с другими, написанными ранее: *«Донна Анна! Нет ответа. // Анна, Анна! Тишина»*.

Неточная цитата отсылает нас к известным блоковским «Шагам Командора», где, как известно, любовь заканчивается смертью. Блок упомянут во второй строфе в ее символическом ореоле: *«Ты еще читаешь Блока, // Ты еще глядишь в окно, // Ты еще не знаешь срока – // Все неясно, все жестоко, // Все навек обречено»*.

Обращение к имени Блока символизирует для Иванова его несомненную близость к старшему современнику в понимании смерти, несмотря на всю разницу поэтических позиций. Акмеизм Г. Иванова, безусловно, никуда не делся, но его ориентация на блоковское «сиянье» (один из излюбленных образов Иванова) очевидна. Устремленность в трансцендентное, растворение в мировом эфире, соприкосновение с музыкой вселенной сближает акмеизм Иванова с символизмом, блоковский вариант которого поэт принимал сердцем. Причудливые образы поздней лирики Иванова являют собой удивительный сплав акмеистической конкретики и символистской беспределности, особенно это видно в уже упомянутых автопортретах: *«Пожалуй, нужно даже то, // Что я вдыхаю воздух, // Что старое мое пальто // Закатом слева залито, // справа тонет в звездах»* (с. 347).

Старое пальто являет собой необычный соматологический знак, представляющий за тело, уже улетевшее к звездам. Таким образом, наряду с антиэстетическим мотивом смерти, физиологическим по своей сути, у Иванова есть и другой, символистского толка – растворение, исчезновение в ледяном небесном эфире. Туда он отправил свое сердце – главный орган поэта, туда же по иронии судьбы (и авторской!) отправлены детали гардероба (пальто и брюки). Это вполне акмеистическое решение не противоречит экзистенциальным установкам позднего Иванова, вещь лишь указывает на телесность, плотность поэта как человека. В своем «космическом акмеизме» Иванов дошел до точки, где, как в геометрии Лобачевского, параллельные прямые пересекаются, где в «трансцендентальном плане // Немазаная катится телега». Легко узнаваемая пушкинская «телега жизни» станет для Иванова знаком преткновения в осознании одновременно подлинной человечности (читай смертности) поэта и бессмертия поэзии. Вся проблема в том, что в этой известной пушкинской оппозиции («весь я не умру») для поэта выбор не сделан. Во фразе «Допустим, как поэт я не умру, // Зато как человек я умираю» обратим внимание на расстановку акцентов: автор, казалось бы, удручен таким исходом, но есть у Иванова и другая мысль – «Стихи и звезды остаются // А остальное – все равно!». Между ними поэт ставит парадоксальное «если бы», иллюстрирующие истинный трагизм мировидения Г. Иванова. Знаменитым строкам из пушкинского «Памятника» поэт противопоставляет другое, экзистенциальное состояние человека и мира в XX в. (выделено нами. – А. Х.):

Вкусно выпить кофе, прогуляться
Средь мимоз и пальм мечтам предаться,
Чувствуя себя – вот здесь – в саду,
Как портрет без сходства в пышной раме...
Если бы забыть, что я иду
К смерти семимильными шагами (с. 588).

Искусство, представленное типичными акмеистическими приметами (кофе, мимозы, пальмы) вкупе с явными поэтическими отсылками к поэзии самого Иванова (сады и портрет без сходства – названия его сборников) противопоставлено смертности поэта, но эта картина не статична, как пушкинская, в нее внесена корректива XX в. об относительности всякой оппозиции – в ней есть движущийся объект (как в физике – производить расчеты нужно с учетом перемещения объекта во времени и пространстве!). Движение к смерти сразу от момента рождения является естественным признаком любого живого объекта. Его телесная сущность не дает возможности иной траектории, движение не остановить при всем желании, но при пересечении известной черты жизнь тела пре-

рывается. Дальнейшее его существование объясняется в различных семиотических системах по-разному. Мифопоэтическое (акмеистическое для Иванова), к которому в он был склонен в ранней лирике, предлагает метаморфические превращения в природные составляющие. Другой вариант, религиозный – гибель телесной оболочки и жизнь духа, вошедшего в свое время с Божественным дыханием в человека и освобожденное после его физической смерти. Жизненные размышления и поэтический опыт акмеизма повели Иванова по этому пути, поэзия и явилась тем Божественным духом (Логосом), который дан поэту свыше как избранному. Осознание этого как высшего блага сопрягается у Иванова с мыслью о важности тела, которое, вслед за Мандельштамом, можно считать «таким единственным и таким моим» и которое так властно и мучительно о себе напоминает, что враз не отмахнешься. Отсюда и «если бы». И остается поэту держать в руках оба конца веревки, тянущих в разные стороны, осуществляя пресловутую «связь времен».

Меняется прическа и костюм,
Но остается тем же наше тело,
Надежды, страсти, беспокойный ум,
Чья б воля изменить их ни хотела.

Слепой Гомер и нынешний поэт,
Безвестный, обездоленный изгнанием,
Хранят один – неугасимый! – свет,
Владеют тем же драгоценным знанием (с. 417).

Эта дилемма и составляет суть поэзии Г. Иванова, зашедшего по светлому пушкинскому пути далеко в XX век и, к своей чести, удержавшего священную чашу поэзии над бездной и не расплескавшего ни капли.

Примечания

1. Подорога В. А. Феноменология тела. М.: Ad Marginem, 1995. 340 с.; Быховская И. М. Homo somatikus: аксиология человеческого тела. М., 2000. 208 с.; Кабакова Г. И. Антропология женского тела в славянской традиции. М.: Ладомир, 2001. 339 с.; Тело в русской культуре. М.: Новое литературное обозрение, 2005. 400 с.
2. Осипова Н. О. Культурная соматология А. Блока // Осипова Н. О. Слово и культура в диалогах Серебряного века: избранные работы. М., 2008. 278 с.
3. Сологуб Ф. Собр. соч.: в 6 т. Т. 7 (дополнительный). Лазурные горы: стихотворения / сост., примеч. Т. Ф. Прокопова. М.: НПК «Интелвак», 2003. С. 64.
4. Кребель И. А. Мифопоэтика Серебряного века: опыт топологической рефлексии. СПб.: «Алетейя», 2010. С. 273.
5. Иванов Г. В. Собр. соч.: в 3 т. Т. 1. М.: Согласие, 1994 (далее все ссылки в тексте на Г. Иванова даны по этому изданию с указанием страниц).
6. Жуковский В. А. Собр. соч.: в 4 т. Т. 1. М.; Л., 1959. С. 336.

Notes

1. Podoroga V. A. *Fenomenologiya tela* [Phenomenology of the body]. Moscow. Ad Marginem. 1995. 340 p.; I. M. Bykhovskaya *Homo somatikus: aksiologiya chelovecheskogo tela* [Homo somatikus: axiology of the human body]. Moscow. 2000. 208 p.; G. I. Kabakova *Antropologiya zhenskogo tela v slavyanskoj tradicii* [Anthropology of the female body in the Slavic tradition]. Moscow. Ladomir. 2001. 339 p.; *Telo v russkoj kul'ture* - Body in Russian culture. Moscow. New literary review. 2005. 400 p.
2. Osipova N. O. *Kul'turnaya somatologiya A. Bloka* [Cultural somatology of A. Block] // Osipova N. O. *Slovo i kul'tura v dialogah Serebryanogo veka: izbrannye raboty* - Word and culture in the dialogues of the Silver age: selected works. Moscow. 2008. 278 p.
3. F. Sologub. Collected works: in 6 vols. Vol. 7 (additional). Azure mountains: poems / ed., notes T. F. Prokopov. Moscow. SPC "Intelvak". 2003. P. 64.
4. Krebel I. A. *Mifopoehtika Serebryanogo veka: opyt topologicheskoy refleksii* [Mythopoetics of the Silver age: the experience of topological reflection]. SPb. "Aletheia". 2010. P. 273.
5. Ivanov G. V. Coll. works: in 3 vols. Vol. 1. Moscow. Soglasie. 1994 (hereinafter all references in the text to Ivanov G. are given on this edition with page numbers).
6. V. A. Zhukovsky. Coll. works: in 4 vols. Vol.1. Moscow; Leningrad. 1959. P. 336.

Природа жанровой поливалентности поэмы Р. Блэра «Могила»

В статье рассматривается жанровая структура элегической поэмы Р. Блэра «Могила» в контексте процесса формирования новой жанровой парадигмы индивидуально-творческой эпохи. В структуре поэмы автор отмечает присутствие признаков таких классических жанров, как элегия и идиллия, а также указывает на своеобразное проявление готической поэтики. Кроме того, в поэме отмечены явные признаки таких речевых жанров, как проповедь и «пляски смерти». Причину жанровой поливалентности автор усматривает в принадлежности поэмы к переходному периоду в истории английской литературы, когда продуктивный конфликт нормативно-рационалистического и предромантического породил уникальные изменения в жанровой структуре литературы и привел к художественным открытиям.

The article envisages the genre structure of R. Blair's elegiac poem "The Grave" in the context of new genre paradigm formation of the individual creative epoch. The author marks the presence of such classical genres as elegy and idyll in the poem's structure as well as the peculiar manifestation of gothic poetics. Besides, the poem possesses the evident indicators of such genres as sermon and macabros. The reason of genre polyvalency is traced by the author in the poem's belonging to the transitional period of the English literature when the conflict between normative-rational and pre-romantic gave birth to the unique transformations in literature genre structure and brought to artistic innovations.

Ключевые слова: жанр, элегия, речевые жанры, жанровый канон, проповедь, готика, жанровый синтетизм, полистилистика.

Key words: genre, elegy, word genres, genre canon, sermon, gothic, genre synthesis, polystylistics.

Поэма шотландского священника Роберта Блэра «Могила» мало известна русскоязычному читателю. Традиционно упоминаемый в ряду кладбищенских поэтов, прославленный иллюстрациями великого У. Блейка, Блэр не переводился на русский язык, несмотря на то что его сравнительно небольшая поэма – практически единственное произведение автора. Наряду с такими большими и малыми поэтами XVIII в., как Эдвард Юнг, Джеймс Томсон, Томас Парнелл, Уильям Купер, Томас Уортон, Томас Грей и др., Блэр был причислен к школе «кладбищенской поэзии», появившейся в предромантическую эпоху в Англии, и авторитетный исследователь английского предромантизма Н. А. Соловьева даже называет его одним из родоначальников школы. «Поэма "Могила", – пишет Н. А. Соловьева, – повлияла на всю поэзию второй половины XVIII в. Она дала название целой школе – "кладбищенской" поэзии» [1].

Отметим разночтения в интерпретации феномена кладбищенской поэзии, связанные с переходностью периода, в который эта поэтическая школа сформировалась. Интенсификация эмоции личности в рамках борьбы сентиментальной поэзии с гипертрофированным рационализмом эпохи, поиски нового типа образности в готическом романе, первые опыты романтической медитативной лирики – все это не способствовало унификации стиля кладбищенской поэзии и заставляло исследователей трактовать явление как весьма условное и не принадлежащее одному какому-то литературному направлению. Предпочитая не ограничивать характеристику творчества кладбищенских поэтов рамками общей программы, исследователь Алистер Флауэр говорит об элегическом модусе кладбищенской поэзии, по сути дела эстетическую эмоцию доминантным признаком этой поэзии [2]. Расширение жанровых характеристик «элегии» до элегического модуса художественности весьма закономерно. Мы уже указывали в других наших работах на то, что в результате эмансипации художественного сознания в индивидуально-творческую эпоху проблема модификации жанра элегии так или иначе заставляет констатировать смерть жанровой формы. В связи с этим актуализируется проблема соотношения элегического пафоса, приобретающего характер эстетической универсалии («модуса художественности»), и самого жанра. Печальная эмоция, связанная с мыслью о неизбежности смерти, столь универсальна, что не может быть сужена до жанрообразующего признака отдельного жанра элегии.

Вероятно, именно по этой причине представители кладбищенской поэзии столь различны в выборе объема произведения: в элегии Т. Грея 140 строк, элегическая поэма Р. Блэра «Могила» содержит 767 строк, а монументальная «Жалоба, или Ночные мысли» Э. Юнга – 9000 строк.

Жанр «Могилы» Блэра обозначен как поэма. Однако достаточно утвердившаяся жанровая характеристика произведения – не более чем условность. Развернутое повествование медитативного характера от жанра поэмы позаимствовало лишь объем. Классического соединения эпической повествовательности с лирической эмоциональностью, свойственного, например, более поздней романтической поэме, мы еще не находим. Структурный облик сентиментальной элегии с четкой антитезой настоящее/прошлое также не просматривается на уровне композиции. Очевиден элегический пафос произведения: печальные раздумья о бренности жизни. Но и он существенно приправлен дидактикой, унаследованной от различных архаических жанров религиозного характера. Выраженный дидактизм поэмы, унаследованный от классицизма, связан, безусловно, еще и с принадлежностью Блэра к духовенству: поэма многое позаимствовала от проповеди, и, как речевой жанр с выраженными стилистическими особенностями, проповедь также препятствовала формированию той классической жанровой формы элегии, которую можно будет позднее найти у Т. Грея. Добавим, что, кроме названных, в жанровой структуре «Могилы» можно выделить черты таких жанров, как идиллия, готический роман, мистерия, дидактически-религиозный жанр «пляски смерти» (макаброс). Рассмотрим, как структурные элементы различных жанров формируют специфический жанровый облик поэмы Р. Блэра, и попытаемся определить природу этой поливалентности.

Наиболее ярко в жанровой структуре произведения Р. Блэра проявляется элегия. Оставляя за пределами наших размышлений античную элегию как особый тип лирики, в значительной степени еще привязанной к ритуальной практике, сосредоточим внимание на процессе формирования жанра в эпоху сентиментализма. Именно в конце XVIII в., в период индивидуализации эмоции, связанной с осмыслением преходящности бытия, печальные ламентации на тему смерти, достаточно распространенные в поэзии различных жанров, трансформируются в элегическую скорбь по чему-либо утраченному, и этот процесс знаменует собой становление жанра элегии в ее новом, сентиментальном варианте. Эпоха сентиментализма формирует культ особой чувствительности, часто находящей выражение в слезах. Элегическое настроение в эпоху сентиментализма связано, например, с утраченной или неразделенной любовью, утратой героических традиций эпохи, с размышлениями о быстро пролетающей юности. Поэтому, как мы уже отмечали, в «Могилах» Блэра опознаваем скорее элегический модус художественности, нежели признаки классического жанра элегии. Лирико-философская поэма с выраженным элегическим пафосом – в значительной степени наследие классицизма, склонного к развернутому объяснительству. Сентиментальная поэзия в основе своей рационалистична: она детально описывает чувство, она воспитывает чувство, но она еще не выражает его так, как это будет делать лирика романтическая, ищущая новые, непрямые формы «выражения невыразимого». Однако первые шаги на пути к индивидуализации эмоции скорби у Блэра сделаны: в поэме то там, то здесь встречаются строки, а то и целые фрагменты, в которых субъективное авторское начало выражено с достаточной степенью отчетливости. Исследователь С. Ю. Хурумов очень точно отмечает, что Блэр в своей поэме «пробивается к новому опыту внутреннего» (курсив наш. – Г. Т.) [3].

Особенно явно субъективное лирическое начало проявляется в одном из фрагментов текста, который тяготеет по жанровым признакам к идиллии, но в то же время демонстрирует разрушение идиллического жанрового канона за счет этой предельной субъективизации. Здесь появляется персонифицированное авторское «я», воспоминания лирического героя носят выраженный личностный характер.

О, когда
Бездумно я бродил с друзьями в чаще
Или сидел среди цветов на склоне,
Где чистый и прозрачный ручеек
Бежал, в лесу счастливо заблудившись.
Журчал он сладко. А громкоголосый дрозд
Как будто правил эту песнь любви
Своею флейтой. Нежность в каждой ноте
Звала цветы сильней благоухать,
А розы пурпур становился гуще.
Соперничали пышные растенья,
В роскошные наряды облачась.

И длинный летний день казался мигом.

И счастья полнота не знала меры.

И сердце в чувстве не могло излиться.

(Здесь и далее перевод наш. – Г. Т.)

Это один из наиболее удачных фрагментов поэмы. Он относительно автономен в силу цельности выраженного в нем чувства, композиционно сформирован. Исходный тезис фрагмента – прошлое прекрасно. Далее наблюдаем раскрывающий этот тезис образный ряд с ярко выраженными чертами идиллии.

Ностальгия как тоска по ушедшему свойственна как личности, так и человечеству в целом. В идиллии находит отражение тоска по золотому веку, прекрасной Аркадии – невозвратному и идеализируемому прошлому; отметим, что этот жанр актуализируется в поздней античности, склонной уже к исторической рефлексии. Полноту выражения чувства скорби, однако, этот мотив обретает именно в связи с максимальной субъективизацией переживания: об утраченном золотом веке человек тоскует достаточно отстраненно, о своей уходящей жизни – во всей полноте личностной трагедии. Поэтому идиллия близка элегии, но никогда не сливается с ней. Элегия персональна, это овеществленная эмоция личности, оставшейся один на один со всевластным временем. Идиллия – ностальгический, но одновременно и мироутверждающий жанр, рисующий идеальную модель мира, некогда утраченного человечеством.

Выраженность идиллического модуса наряду с элегическим в поэме Блэра, с нашей точки зрения, как раз и связана с религиозно-дидактическим характером поэмы: индивидуальное в эмоциональном диапазоне лирического героя еще не перекрывает полностью оптимизма, собственного коллективному сознанию, и трагедия личной судьбы не выражается так остро. Однако отметим и то, что эта диалектика очевидна на уровне композиции всей поэмы и опровергается в рамках приведенного фрагмента, который завершается на трагической ноте:

Прочь отлетела радость. Не вернется

Тот день! Как больно память ранит!

При этом идиллический пейзаж не воспринимается как мрачная антитеза пространству смерти, а связывается с понятием «дружба»: таким образом, мы наблюдаем не эстетизацию природы как таковую, а эстетизацию нравственного чувства. Для Блэра-священнослужителя прекрасное тождественно благому.

Не менее существенным влиянием обладал в отношении поэмы Блэра и готический жанр. Мы будем пользоваться этим термином как прецедентным. «Выражение “готический жанр”, – пишет Г. В. Заломкина, – достаточно часто используется в исследованиях и на английском языке, и на русском. Оно возникло, очевидно, как результат трансформации словосочетания “жанр готического романа”, при этом произошел сдвиг значения, и под жанром стали понимать разножанровые структуры – роман, повесть, новеллу, пьесу, балладу» [4]. Кроме того, если говорить о «готическом романе», то неизбежно нужно констатировать тот факт, что Р. Блэр рисует готические картины в своей поэме за два десятилетия до появления первого готического романа Г. Уолпола «Замок Отранто» (1764). Готическая традиция же складывалась в литературе (особенно это относится к английской литературе XVIII в., в которой были весьма сильны религиозно-философские влияния) под воздействием нескольких факторов. Это могла быть и традиция европейского любовно-авантюрного романа, поэтизирующего ужасное как пружину, разворачивающую его авантюрную линию. Не менее вероятно, особенно в случае Блэра, и косвенное влияние на поэму древних эзотерических учений вроде герметизма как сферы оккультного и сакрального знания, где мир ужасов отнюдь не эстетизируется, но, напротив, ассоциируется с профанной, внебожественной сферой и подлежит несомненному осуждению. Однако главная причина активизации готической поэтики – новое эстетическое мышление английского предромантизма.

В XVIII в. оказываются чрезвычайно популярны философские труды сенсуалиста Д. Локка (прежде всего «Опыт о человеческом разуме», 1690), провозглашающие чувства источником познания. Английский сенсуализм заложил основы будущего романтического конфликта «воображение против разума». Готика для предромантически настроенного автора XVIII в. – это игра фантазии, любовь к многообразию, причудливости воображения. Таинственное и ужасное воспринимается как «живописное», «романтическое».

У Блэра складывающаяся эстетическая доктрина, несомненно, находит отражение в столкновении рационального и эмоционального, пока еще с существенным перевесом рационального. Однако именно активность готической тематики указывает на то, что игра воображения для ав-

тора – уже весьма существенная часть его художественной концепции, и он, скорее интуитивно, чем сознательно, погружает читателя в возвышенно-мрачную и эмоционально будоражающую стихию готики.

Английский исследователь Ф. Боттинг характеризует готическую поэтику как «поэтику теней»: «Тени, безусловно, – один из главнейших характерных мотивов готических произведений. Они отграничивали пространство, необходимое для устройства просвещенного мира, и намечали пределы неоклассического восприятия. Темнота метафорически грозила свету разума чем-то неведомым. Сумрак наползал на ощущение строгого порядка, и детали ранее понятного замысла сливались в смутное пятно. Неясность порождала ощущение тайны, а также эмоции и страсти, чуждые рассудку» [5]. При чтении поэмы не оставляет ощущение, что автор, как послушный адепт веры, стремится создать образ некоего ужасного пространства смерти, преодолеть которое может только сила истинной веры, но при этом получает особое наслаждение при описании мрачных кладбищенских картин – некое религиозное самоистязание и одновременно тайное желание причаститься к этой ужасной сфере небытия. Готический фрагмент практически открывает поэму, настраивая читателя на эмоциональное сопереживание и возвышенное чувство ужаса.

Здесь скорбный прах и мрака бесконечность,
Одно безмолвие царит над ними.
И ночь, глухая ночь без края.
Мрак хаоса, глубокий, дорассветный,
Где слабые лучи младого солнца
Пытаются проникнуть в бездны тьмы.
Их тусклый свет едва лишь озаряет,
Пространство темное под низким сводом,
Сырым, покрытым плесенью и липким.
Паденье в этот беспредельный ужас
Ночь сделает томительней и глубже.

Мрачный готический колорит находит отражение в эмоционально окрашенных прилагательных и наречиях: *dread* (*ужасный*), *gloomy* (*мрачный*), *gloeful* (*унылый*), *dark* (*темный*), *glimmer* (*тусклый*), *cheerless* (*угрюмый*); в устойчивых словосочетаниях готической семантики: *gloomy horrors* (*мрачный ужас*), *supernumerary horror* (*беспредельный ужас*), *cold moon* (*холодная луна*), *low vaults* (*низкие своды*), *witching time of night* (*колдовское время ночи*).

Эмоционально нагруженные прилагательные сменяются подвижными картинками с призраками и ожившими мертвецами, чья пугающая выразительность уже воспринимается как некая театрализация.

Обитель смерти. Грозными рядами
Там призраки зловещие из мрака
Встают, оскалась. Медленно, упорно
Идут, идут – так глухо Ночь шагает.
...
Здесь странные случаются события:
Из недр пустых гробниц несутся стоны,
И мертвецы встают из гроба, бродят
Меж плит тяжелых. Слышен звон печальный
С давно забытой, мертвой колокольни.
(Так говорят колокола поутру,
Иль в сумерках, когда их голос тонет
Во мраке ночи, колдовском и страшном).
Дрожащий лунный свет, скользя меж веток,
Причудливо расчерчивает двор
Забытой старой церкви.

Театральность этой озаренной лунным светом сцены подчеркивает образ стайки школьников, «что, сгрудившись, внимают жадно *сказкам / О жутких и огромных привиденьях, / В ночи глухой по кладбищу бродящих*» (курсив наш. – Г. Т.).

Невозможно не заметить в тексте поэмы композиционной аллюзии на жанр так называемых «плясок смерти». Со средневековым «макаброс» поэму Блэра роднит традиционное изображение ряда умерших, представленных в жанре как хоровод оживших покойников. У Блэра, впро-

чем, нет амбивалентности трагического/смехового, нет фантазмагорической ситуации пляски оживших мертвецов (средневековая мистериальность вытеснена готическими мотивами). В поэме образы сильных, богатых и властных перечисляются в одном ряду с нищими, преступниками, рабами, бедными тружениками. Кроме того, в тексте встречаются несколько пар контрастных персонажей: пахарь и его хозяин; аристократ и бедняк-странник, прелат и простой священник.

Основное содержательное совпадение – мысль о неизбежности смерти и ее уравнивающей силе. В средневековых «макаброс» эта идея служила и средством социального протеста: не дождавшись справедливости на земле, страдальцы прибегали к помощи всемогущей Смерти. В элегическом тексте протестные ноты дезавуированы, вытеснены всеобъемлющим чувством печали с неизбежными утешительными интонациями в духе христианского смирения и человеколюбия. Ощущается даже некая сладость печали, свойственная духу сентиментализма.

Так же как и в макабрических текстах, у Блэра появляются натуралистические детали, призванные внушить отвращение и страх перед смертью. Пере насыщенность плясок смерти подобного рода описаниями восходит к глубокой архаике: так, природу подобной деэстетизации М. М. Бахтин в рамках своей теории карнавальности усматривает в необходимости снижения старого ради скорейшего возрождения нового. У Блэра функция этих натуралистических деталей переосмыслена: они вызывают эмоцию, которая сродни отклику читателя на изображение готических ужасов, и, по сути, направлены на то, чтобы будоражить излишне рационализированный ум. Как сугубо эстетический феномен расценивает этот натурализм, например, Изабель Сен-Джон Блисс, говоря о «болезненной кладбищенской эстетике» (*morbid graveyard aesthetics*) поэмы «Могила» [6]. Сравним фрагменты поэмы Блэра и так называемого феррарского текста XII в.

Вот тление, смрад и черви.
Вот труп, наводящий страх.
Хочешь или не хочешь,
Единый конец для всех [7].

К чему все это? Суета сует,
Пустая оболочка, что истлеет
И будет источать ужасный запах (Р. Блэр «Могила»).

Ухоженная плоть, раскормленное тело –
Их съел ужасный червь, и пламя их одело [7].

Румянец щек бледнеет; скоро он
Достанется раскормленным червям (Р. Блэр «Могила»)

Итак, поэма в значительной степени повторяет как основные смыслы плясок смерти, так и их структуру. «В структурном отношении, – пишет французский культуролог Жак Делюмо, – пляска смерти представляет собой шествие – следовало бы даже сказать “процессию” – различных людских судеб, идущих к смерти» [8].

Остается весьма существенным и дидактический элемент. В отличие от фольклорных текстов, в которых просматривается еще древнейшая архаическая структура рядоположения (так называемые «явления», по О. М. Фрейденберг) в перечислении жертв смерти Блэр не придерживается строгой иерархии, свойственной процессиям оживших макабрических мертвецов. Его персонажи – плод поэтической амплификации, образы, порожденные фантазией печального мыслителя. Поэт не ограничивается простым перечислением, но разворачивает каждое явление в небольшое повествование, выстроенное весьма искусно.

Ритор великий, что с тобой? В отчаяньи
Глава поникла, и язык твой нем.
Не слышно убедительных речей,
Замолк твой глас. И больше уж не льется
Поток с твоих красноречивых уст.
Увы, безмолвен ты, и дух усталый
Твой отдыхает, бурный бег смирив.
Где длань, призывно поднятая? Где
Мощь жестов и горячий натиск слов,
Где звучность голоса, украшенность речей,
Период сложный и изящный троп?

Все в Лету кануло, и стерты строки
Из книги Славы. И когда-нибудь
Ремесленник пера наемный
Твой прах топорной рифмой оскорбит.
И осквернит надгробный камень стих,
Чей метр хромой и чей бездарный слог
Способен мертвого поднять поэта,
Заставить щеки бледные его
Огнем негодованья запылать.

Однако дидактическая идея равенства всех сословий и всех праведников и грешников перед лицом смерти сохраняется. Эмоциональная окраска этого мотива выдержана в духе элегической традиции. Инвективы и обещание справедливого возмездия, свойственные педагогически ориентированным «пляскам смерти» эпохи Средневековья заменены горько-саркастическими интонациями в духе *Sic transit gloria mundi*.

В поэме наблюдаются явные черты такого речевого жанра, как проповедь. Это вполне закономерно, если утверждать связь произведения с жанром макаброс: прикладной (а первоначально, вероятно, и основной) функцией плясок смерти являлась функция проповедническая. Пляски смерти, по сути, и есть речевой жанр в классическом его понимании; культурологи, очевидно, не спешат квалифицировать его как таковой лишь в силу синтетизма жанра макаброс, объединившего поэзию и иконографию.

Проповедь как особый словесный жанр всегда ориентирована на непосредственный контакт со слушателем. Это предопределяет и ее логическое построение, и выразительные средства. Открытый морализм жанра позволяет автору связать размышления о христианских ценностях с социальной проблематикой. И если проповедь предшествующих Просвещению эпох тяготела к моральной догме, то проповедническая практика XVIII в. более свободно интерпретирует основы Священного Писания и позволяет себе их истолкование в духе социальной критики. Показательно, что к жанру проповеди прибегают в своем творчестве такие социально ориентированные авторы английского Просвещения, как Д. Свифт и Л. Стерн. Некоторые фрагменты поэмы Блэра по своему обличительному пафосу даже приближаются к античным филиппикам и приобретают выраженное одическое звучание.

Пред нами грозное исчадье ада,
Что к власти путь торит по рекам крови.
Злодей могущественный и жестокий деспот,
Он губит страны и опустошает земли.
И, упиваясь властью жестокой,
Он истребляет целые народы.

Проповеднический характер носят поэтические размышления Блэра о грехе самоубийства, о божественном провидении, о смирении перед божественной волей и многократно повторяющийся мотив бренности человеческого бытия и преходящности земной славы.

В то же время традиционная структура проповеди, основанная на размышлении, на развертывании какого-либо христианского постулата и его иллюстрировании, постепенно к финалу поэмы разрушается, и автор переходит к прямому изложению библейского сюжета: изгнание Адама и Евы из рая, мученическая смерть Христа и его воскресение, Страшный Суд. Библейские сцены постоянно сопровождаются скорбными lamentациями, что не позволяет забыть об общей элегической направленности текста. Созданные поэтическим воображением Блэра библейские картины носят ярко выраженный мистериальный характер, ибо раскрепощенное воображение поэта наполняет картины динамикой, насыщает эмоцией, придает им некую театральность. С 1672 г. мистерия как жанр площадного театра, способствующий популяризации христианского вероучения, была в Англии запрещена, и в поэме Блэра мы видим своеобразное возрождение жанра уже в иных, литературных формах.

Библейские сцены окрашены субъективной авторской эмоцией, некоторые фигуры речи и интонации вновь возвращают нас к проповеди и ее стремлению активно воздействовать на умы слушателей. Сцена Страшного Суда дана в торжественной, ликующей стилистике.

Восстанет прах, глухой к иным призывам.
И каждый место обретет под солнцем,
И новое, прекрасное обличье,

Неведомое прежде. И душа
Прозревшая уже не ошибется:
Средь многих тел, толпящихся вокруг,
Она свою отыщет половину.
Вернутся странники в свой обретенный дом.
Восставшие покинуть поспешат
Свои уединенные приюты,
Чтоб счастливо в единстве общем слиться.

Итак, поэма Блэра объединяет в себе специфическим образом и стилистические, и структурные элементы проповеди с театрализованным мистериальным действием. При этом жанровая основа мистерии органически встраивается в элегический настрой поэмы и эмоционально насыщается, парадоксально сочетая в широком спектре эмоций элегическую печаль и религиозное ликование спасенной христианской души. Утешительный мотив спасения души после смерти станет общим местом в элегических текстах конца XVIII в., но при этом утратит блэровский ликующий пафос, порожденный проповедническим духом его поэмы.

В целом в поэме ощущается господство «готового», «риторического» слова, что свойственно поэзии нормативной эпохи. В этом отношении «Могила» весьма традиционна, и ее сложно назвать художественным прорывом. В то же время «Могила» Блэра парадоксально сопрягает проповедническую публичность и элегическую камерность, что, несомненно, влияет на структуру художественного дискурса и нарушает его однородность. Полистилистичность поэмы – заявка на потенциальную стилистическую многомерность романтической элегии, в которой экспериментальная эклектика кладбищенской поэзии гармонично превращается в художественный синтез.

Таким образом, жанровая поливалентность поэмы Блэра может быть объяснена рождением поэмы в переходный период и уже наметившейся тенденцией к развеществлению жанра как поэтологического канона. Вл. А. Луков и И. В. Вершинин, характеризуя эпоху предромантизма, отмечают неустойчивый характер всей поэтологической системы английской литературы – «незавершенной системы принципов, художественных образов, моделей повседневности, жанров» (курсив наш. – Г. Т.) [9]. В английском литературоведении кладбищенскую поэзию считают важнейшим трендом эпохи, зоной эксперимента и преддверием новых поэтологических открытий. С этой точки зрения жанровая поливалентность поэмы Блэра – явление неизбежное, объективно существующее и знаменующее собой отнюдь не беспомощность автора, а, напротив, его оригинальность и художественную смелость.

Однако нельзя игнорировать и тот факт, что поэтический талант и поэтический опыт Р. Блэра значительно уступают дару, например, Джона Мильтона или даже Т. Грея, что провоцирует жанровый и стилистический эклектизм произведения. Нельзя не учитывать и такой внехудожественный фактор, как профессиональную принадлежность Блэра: его сан священнослужителя серьезно влияет на жанровые предпочтения автора. Отметим, что Т. С. Элиот, например, вообще отказывается религиозно-дидактической поэзии в художественности. Анализируя моралистическую поэму Сэмьюэла Джонсона, современника Блэра, «Тщета человеческих желаний», он пишет: «Подобная поэзия по своей природе не способна достичь величия» [10]. Проповеднический дидактизм поэмы, особенно ее финальной части, с нашей точки зрения, умаляет художественные достоинства произведения. В то же время сопряжение в одном жанровом поле столь различных жанров, как дидактические проповедь, мистерия и макаброс, с одной стороны, и элегия, идиллия и готика, с другой стороны, действительно порождают своеобразный и продуктивный конфликт нормативно-рационалистического и предромантического. Поэма Р. Блэра «Могила» – опыт становления поэзии новой эпохи индивидуальных стилей, эпохи поиска принципиально иных художественных решений и очередной аргумент в пользу необходимости признания значения переходных периодов культуры, подготавливающих цивилизацию к смене культурных парадигм.

Примечания

1. Соловьева Н. А. Роберт Блэр // История зарубежной литературы. Предромантизм. М.: Издательский центр «Академия», 2005. С. 68.
2. Fowler A. *Kinds of Literature. An Introduction to the Theory of Genres and Modes*. Oxford, 1982.
3. Хурумов С. Ю. «Ночная», «кладбищенская» английская поэзия в восприятии С. С. Боброва: автореф. ... канд. филол. наук. М., 1998. URL: <http://cheloveknauka.com/nochnaya-kladbischenskaya-angliyskaya-poeziya-v-vospriyatii-s-s-bobrova#ixzz3Do2spYZ0>
4. Заломкина Г. В. Готический миф как литературный феномен: дис. ... д-ра филол. наук. Самара, 2011. 491 с. URL: <http://www.dissercat.com/content/goticheskii-mif-kak-literaturnyi-fenomen#ixzz3IjwugRxc>
5. Botting F. *Gothic*. L., N. Y.: Routledge, 1996. P. 32–33.

6. Bliss Isabel St. John. Edward Young. N. Y., 1969. P. 125–126.
7. Феррарский текст. Цит. по: Делюмо Ж. Грех и страх: Формирование чувства вины в цивилизации Запада (XIII–XVIII вв.). Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2003. С. 97.
8. Делюмо Ж. Указ. соч. С. 102.
9. Вершинин И. В., Луков Вл. А. Литературная эстетика английского предромантизма // Электронный журнал «Знание. Понимание. Умение». 2008. № 10. URL: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/10/Vershinin&Lukov/>
10. Элиот Т. С. Избранное: религия, культура, литература. Т. I–II. М.: РОССПЭН, 2004. С. 640.

Notes

1. Solovyeva N. A. *Robert Blehr* [Robert Blair] // *Istoriya zarubezhnoj literatury. Predromantizm - History of foreign literature. Preromantism*. Moscow. Publishing center "Academy". 2005. P. 68.
2. Fowler A. *Kinds of Literature. An Introduction to the Theory of Genres and Modes*. Oxford. 1982.
3. Churumov S. Y. «Nochnaya», «kladbishchenskaya» *anglijskaya poehziya v vospriyatii S. S. Bobrova: avtoref. ... kand. filol. nauk* ["Night", "cemetery" English poetry in the perception of S. S. Bobrow: autoref. ... Cand. of Philology]. Moscow. 1998. Available at: <http://cheloveknauka.com/nochnaya-kladbishchenskaya-anglijskaya-poeziya-v-voispriyatii-s-s-bobrova#ixzz3Do2spYZ0>
4. Zalomkina G. V. *Goticheskij mif kak literaturnyj fenomen: dis. ... d ra filol. nauk* [Gothic myth as a literary phenomenon: dis. ... Dr. Pilology]. Samara. 2011. 491 p. Available at: <http://www.dissercat.com/content/goticheskii-mif-kak-literaturnyi-fenomen#ixzz3IjwugRxc>
5. Botting F. *Gothic. L, N.Y.: Routledge, 1996. Pp. 32-33.*
6. Bliss Isabel St. John. Edward Young. N. Y., 1969. Pp. 125-126.
7. Ferrara text. Cit. by: J. Delumo. *Grekh i strah: Formirovanie chuvstva viny v civilizacii Zapada (XIII–XVIII vv.)* [Sin and fear: the creation of a sense of guilt in Western civilization (XIII–XVIII centuries)]. Ekaterinburg. Publ. of the Ural University. 2003. P. 97.
8. Delumo J. Op. cit. P. 102.
9. Vershinin V. I., Lukov V. A. *Literaturnaya ehstetika anglijskogo predromantizma* [Literary aesthetics of English pre-romanticism] // *EHlektronnyj zhurnal «Znanie. Ponimanie. Umenie» - Electronic journal "Knowledge. Understanding. The ability"*. 2008, No. 10. Available at: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/10/Vershinin&Lukov/>
10. T. S. Eliot *Izbrannoe: religiya, kul'tura, literatura* [Favorites: religion, culture, literature]. Vol. I-II. Moscow. ROSSPEN. 2004. P. 640.

УДК 821.111.“19”

О. М. Валова

Жанровое своеобразие драматургии Оскара Уайльда в контексте его философии нереального

В статье рассматривается вопрос об отражении философии нереального Оскара Уайльда в жанровых формах трагедии и комедии. Уайльд ориентировался на классические образцы, но создавал тексты в соответствии со своими философско-эстетическими взглядами. Трагедии Уайльда отличает глубокий напряженный конфликт, в котором высвечивается неблагоприятное современное действительности, обусловленное опорой на материализм, рассудочные решения. В центре трагедии – всегда женский образ, женщина становится источником подлинной драмы, что связано со взглядами автора. Комедия под пером Уайльда также становится философским произведением, в понимании содержательной стороны большое значение имеет разрешение конфликтов, поскольку многочисленные случайности, безрассудные решения персонажей подчеркивают идею власти иррационального. Жанр трагедии показывает катастрофу, которая будет неизбежной, если современники не вспомнят о высших ценностях, о духовности и красоте, комедия напоминает о том, что человек может обрести настоящую гармонию, если забудет о кажущемся всемогуществе его рассудка.

The article reveals the reflection of Oscar Wilde's philosophy of unreal in the genre forms of tragedy and comedy. Wilde was guided by the classic patterns, but created his texts in accordance with his own philosophical and aesthetic views. Wilde's tragedy features a deep intense conflict which highlights contemporary life troubles caused by the reliance on materialism, rational solutions. In the center of the

tragedy there is always a feminine image, a woman becomes the source of the true drama, which is associated with the views of the author. Wilde's comedy also becomes a philosophical work. The resolution of conflicts is of great importance in understanding the subject matter, as many accidents, reckless decisions of the characters emphasize the idea of the power of the irrational. Tragedy shows the disaster that will be inevitable, if contemporaries don't remember the supreme values, spirituality and beauty, comedy recalls that a person can find true harmony if he forgets about the seeming omnipotence of his mind.

Ключевые слова: трагедия, комедия, конфликт, философия нереального, Констанс Уайльд.

Keywords: tragedy, comedy, conflict, philosophy of unreal, Constance Wilde.

Оскар Уайльд – уникальный писатель, который с одинаковым успехом работал в самых разных поэтических, прозаических и драматических жанрах: сонеты и поэмы, трагедии и комедии, сказки, рассказы, роман, трактаты – все его тексты вошли в сокровищницу мировой культуры. Уайльд много писал о значении формы, и жанр избирался в соответствии с творческими задачами, но любое произведение отвечало прежде всего эстетико-философским взглядам автора. Начиная с первых литературных опытов Уайльд экспериментировал со структурой популярных в конце XIX в. детектива («Преступление лорда Артура Сэвила»), готической повести («Кентервильское привидение»), анекдота («Натурщик-миллионер»), фельетона («Сфинкс без загадки»). «Он препарирует их схемы, – пишет А. Аствацатуров, – вскрывая их внутренние механизмы и тем самым обнаруживая их условность, неспособность полностью освоить непредсказуемую реальность» [1]. Трагедия и комедия также не избежали уайльдовской переработки, традиционные жанры, при соблюдении классических канонов, совершенствовались им, преобразовывались, наполнялись особым содержанием.

Перу Уайльда принадлежат три трагедии: «Вера, или Нигилисты» (1880), «Герцогиня Падуанская» (1883), «Саломея» (1892) и четыре комедии: «Веер леди Уиндермир» (1892), «Женщина, не стоящая внимания» (1893), «Идеальный муж» (1895), «Как важно быть серьезным» (1895). К трагедии также относится и произведение, дошедшее до нас лишь в отрывках (авторский экземпляр рукописи был утерян при аресте и распродаже имущества писателя) – «Святая блудница, или Женщина, осыпанная драгоценностями» (ок. 1894).

Уайльд говорил, что основой его эстетики является философия нереального [2]. Его всегда интересовал мир непознаваемого, трансцендентального, он был уверен, что наше существование обусловлено множеством факторов, которые невозможно осознать, проанализировать, подвергнуть логическому анализу.

Философия нереального Уайльда базируется прежде всего на идеалистических учениях Платона и Аристотеля, немецкой классической философии, философии иррационализма конца XIX в. Писатель не имеет безоговорочных авторитетов, нельзя сослаться на того или иного мыслителя, школу, которые стали бы для него единственным ориентиром. Опираясь на идеи многих предшественников, он создает нечто оригинальное. Уайльд высказывает мысль о некоем Духе, который скрывается за очарованием красоты, и говорит о своих поисках мистического в искусстве, жизни и природе. Писатель полагает, что поступки человека определяет мир неизвестного, а для постижения его сущности более подходит созерцание, интуиция, искусство. Уайльд не был одинок в своих убеждениях, на рубеже XIX–XX вв. многие писатели и мыслители разделяли его мнение, это было обусловлено господствующими философскими установками, сложившейся исторической ситуацией, декадентскими настроениями.

Уайльдовская философия нереального ближе всего к идеям М. Метерлинка, считавшего, что человек живет в окружении неизвестного. В работе «Сокровище смиренных» он говорил, что мы существуем «бок о бок с нашей настоящей жизнью» [3]. «По мере того, как входишь в жизнь, замечаешь, что все происходит без слов, по какому-то предварительному согласию, о котором даже не думаешь, но которое, мы знаем, – пишет Метерлинк, – существует где-то над нами» [4]. Сходство можно найти между рядом идей Уайльда и Шопенгауэра, Уайльда и Ницше, Уайльда и Шестова, и сходство это прежде всего в критичном отношении к закреплению человека в рамках «разумных» истин, к строгому ограничению его индивидуальности моралью.

В основе философии нереального лежит представление Уайльда о глубине, многомерности мира, который в основе своей иррационален и непознаваем. Те, кто считает, что тайны жизни может открыть опыт, естественные науки и опора на рассудок и логику, по мнению Уайльда, глубоко заблуждаются. Писатель полагает, что необходимо «прислушиваться» к зову сердца, больше доверять чувствам и интуитивным решениям, стремиться жить в гармонии с иррациональным, во власти которого пребывает человек [5]. Практицизм и здравомыслие, царящие в современном

обществе, не только схематизируют мировосприятие, но, как считает Уайльд, ведут к самым разрушительным последствиям.

Свое учение, о котором писатель говорит в трактатах, письмах, эстетических миниатюрах, он обосновывает, систематизирует, развивает в художественных произведениях. Так, в письме 1893 г. к английскому поэту и журналисту Ричарду Ле Галльену, посвященном интерпретации «Саломеи», Уайльд отмечал: «Почему холодную, скептическую рационалистку Иродиаду Вы называете “прозаичным, практичным созданием”? Ведь она гораздо больше, нежели только это: она олицетворяет рассудочность в ее трагическом одеянии, рассудочность с ее трагическим концом» [6]. Это очень важное высказывание Уайльда, поскольку в нем раскрывается авторское представление о роли материалистических воззрений в современном мире. Не только в письмах, но и в иных работах Уайльда встречаются подобные замечания. Одно из самых известных – в трактате «Упадок лжи», где истинным декадентством названо изгнание Искусства Жизнью [7].

Уайльд считает, что безверие, рационализм губельны для человечества, и в художественном мире автора мы находим доказательства этого убеждения. Отчасти перефразируя писателя, можно сказать, что настоящей драмой становится торжество «разумных» решений: в произведениях Уайльда жанр трагедии всегда рисует бесперспективность прагматизма человека.

Уайльд был знатоком античной литературы и культуры, творчество древних авторов считал образцовым, и в своих произведениях ориентировался на них. При сравнении уайльдовских текстов с классическими становится очевидно, что драматург представляет проблему деградации современного общества, начиная с измельчания интересов и ценностей, заканчивая популярными драматическими формами. В античной трагедии, как отмечает М. К. Кадубина, «изначальное неблагополучие в мире (коллизия) побуждало трагического героя к действию, в результате чего противоречия обострялись до предела, приобретая форму конфликта, который предстояло разрешить осознанием скрытой сути явлений и утверждением в мире (ценою страдания, переживания катастрофы, а зачастую и собственной гибели) новых онтологических ценностей» [8]. Рассуждая о современной английской драме, Уайльд указывает на постепенный процесс ее негативных изменений: от условности и декоративности, постепенно насыщаясь жизненными реалиями в форме и содержании, искусство пришло к мелодраме – образцу «подмены творчества имитацией и отказа от воображения как главного способа создать форму» [9]. Здесь же автор высказывает еще одно существенное замечание, он говорит, что «искусство – это форма преувеличения, а отбор, составляющий его основу, представляет собой не что иное, как особенно действенный способ выделить самое важное» [10]. Создавая свою трагедию, Уайльд представляет публике напряженные, непримиримые, исключительные по своей значимости конфликты, не уступающие по масштабам трагедии античной.

В традициях «новой драмы» конца XIX в. автор показывает конфликты внешнего и внутреннего действия. В «Вере» внешний конфликт связан с темой терроризма, в «Герцогине Падуанской» – мести, в «Саломее» – с темой разрушительности пороков и порочных слабостей человека. Внутренний конфликт в «Вере» определяется уже заглавием произведения: «Vera, or the Nihilists», он связан с проблемой выбора веры, доверия, любви (главная героиня) либо террора, схематизма в мыслях и поступках, материальных ценностей (нигилисты) [11]. В «Герцогине Падуанской» – снова проблема выбора, Гвидо решает отказаться от мести, которая несовместима с глубоким чувством любви, охватившим его. В «Саломее» внутренний конфликт обусловлен темой судьбы, одной из центральных в его творчестве.

При ближайшем рассмотрении уайльдовских текстов обнаруживается трагическая вина женщин. Вера Сабурова мстит за брата и борется с царем-угнетателем, который, в свою очередь, необдуманными действиями провоцирует народное недовольство. Беатриче убивает мужа, так как считает, что он – та «преграда», о которой говорил ее возлюбленный. Результат этого осознанного поступка – отвращение со стороны Гвидо, что обусловило дальнейшие трагические события. Еще очевиднее вина Саломеи, которая буквально «до смерти» желала Иоканаана.

Взгляд Уайльда на роль женщин вполне согласуется с концепцией античной драмы: «Центральным назвали мы женский тип в трагедии, – пишет Вяч. Иванов. – И в самом деле, обозревая хотя бы Эсхилово творчество, нельзя не учесть особенного значения, принадлежащего в нем типам женским. Эсхил стремится выявить гигантские лики мужей-полубогов, но как бы принужден постоянно прибегать к женским образам. Вспомним его Клитэмнестру, Кассандру, Антигону; вообразим, по свидетельствам древности, его потерянную для нас Ниобу. <...> Женщина осталась главною выразительницею глубочайшей идеи трагедии» [12]. Вместе с тем связь женщины и трагедии в свете философии нереального Уайльда намного глубже.

Негативная сторона власти иррационального проявляется прежде всего в том, что связано с воздействием людей друг на друга, это убеждение и влияние, а принятие чужих мнений противоречит уайльдовской теории индивидуализма. Известно, что Уайльд негативно относился к

процессам, заставляющим человека отказаться от своих взглядов, таким, как, например, влияние. Под влиянием понимается такое воздействие на мысли, поступки, настроения человека, которое вызвано не рассудочным убеждением или приказом, а не всегда объяснимыми причинами. Магией влияния и способностью управлять мужчинами, не прилагая для этого никаких особых усилий, обладают женщины, и уже поэтому они очень опасны: в их власти заставить представителей сильного пола изменить своему индивидуализму, своим убеждениям, своему я.

Очень четко авторская позиция была выражена в романе «Портрет Дориана Грея», где лорд Генри заявлял, что хорошего влияния не существует. Лорд Генри относится к типу героев, которых принято называть героями-денди, они воплощают уайльдовский идеал индивидуализма, их мудрость в том, что они видят бессмысленность борьбы с судьбой и опираются прежде всего на интуитивное чувство, что позволяет им свысока взирать на суетность людских стремлений, они не подвластны влиянию со стороны женщин. Это не означает, что они не влюбляются, но, например, лорд Горинг («Идеальный муж») – женится на Мейбл, потому что она не планирует искоренять его недостатки, ее очарование не лишает Горинга самостоятельности. А что касается уже упомянутого лорда Генри, то его жена была не способна что-либо изменить в муже, поскольку все в ней как-то несурезно: голос был высоким и резким, туалеты – словно «задуманы в припадке безумия и надеты в бурю», она «старалась быть эффектной, но выглядела только неряшливо» [13], смеялась неожиданно и некстати, а в целом напоминала промокшую райскую птицу.

В комедии «Как важно быть серьезным» показаны две пары влюбленных, в одной из них Уайльд в комедийной форме показывает героиню, которая вскоре «перевоспитает» избранника: Джон Уординг просит прощения Гвендолен за то, что всю жизнь говорил правду. Девушка, конечно, прощает его, «потому что он непременно изменится». Что же касается другой пары, то здесь Уайльд ограничивается восклицанием Алджернона (героя-денди): «Сесили! Наконец-то!» [14], показывая тем самым, что очень нечасто попадают дамы, не мечтающие изменить своих спутников.

В трагедиях Уайльд представляет женщин-разрушительниц, женщин, по чьей вине могли погибнуть или погибают достойнейшие мужчины, а образ Саломеи вообще прочитывается как символ, поскольку духовность, святость (в лице пророка Иоканаана) уничтожается приземленностью страсти. Произведения Уайльда создавались в тот период, когда положение женщины в обществе меняется, появляются университеты, где девушки получают высшее образование, возникают новые профессии, активно осваиваемые дамами, начинается их борьба за избирательные права и т. д. Самостоятельные поступки героинь трагедий оборачиваются жестокостью и несправедливостью, и в целом проблема усиления женского влияния на уровне общества показана Уайльдом апокалиптически.

В комедиях «Женщина, не стоящая внимания» и «Как важно быть серьезным» герои-денди произносят следующую фразу: «Все женщины со временем становятся похожи на своих матерей. В этом их трагедия. Ни один мужчина не бывает похож на свою мать. В этом его трагедия» [15]. Интересно, что в ряде пьес Уайльда есть дочери, которые со временем, к сожалению, копируют матерей, это герцогиня Бервик и ее дочь Агата («Веер леди Уиндермир»), леди Брэнкнелл и Гвендолен («Как важно быть серьезным»), Иродиада и Саломея («Саломея»). Все матери расчетливы и настойчивы, и преемственность поколений не становится поводом для оптимизма драматурга.

Лорду Иллингворту, герою-денди из комедии «Женщина, не стоящая внимания», принадлежит очень важное замечание о том, что единственный способ перенести трагедию – смеяться над ней [16]. Это говорит нам, что и в комедиях Уайльда присутствует трагическое начало, так, в один из самых трудных периодов, в преддверие катастрофы, сломавшей его жизнь, драматург создает легкий, совершенно беззаботный, на первый взгляд, фарс «Как важно быть серьезным». Изучение драматургии Уайльда показывает, что художественными средствами трагедии и комедии автор представляет схожие проблемы и схожие конфликты, которые он считал наиболее актуальными.

В комедиях есть высказывания, проливающие свет на уайльдовские представления о специфике литературных жанров. Очень любопытный эпизод в «Идеальном муже» раскрывает особенности уайльдовского понимания трагедии и комедии:

«МИССИС МАРЧМОНТ (пожимает руку леди Бэзилдон). Бедная моя Оливия! Мы с вами вышли замуж за примерных мужей и вот теперь страдаем.

ЛОРД ГОРИНГ. Я думал, что в таких случаях страдают мужья.

МИССИС МАРЧМОНТ (оскорбленно выпрямляется). Как бы не так! Они совершенно счастливы и довольны. А уж до чего они нам верят – это просто трагедия!

ЛЕДИ БЭЗИЛДОН. Да, истинная трагедия!

ЛОРД ГОРИНГ. А может быть, комедия, леди Бэзилдон? [курсив мой. – О. В.]

ЛЕДИ БЭЗИЛДОН. Комедия, лорд Горинг?.. Как вам не стыдно так говорить!» [17]

Миссис Марчмонт и леди Бэзилдон показаны Уайльдом сатирически, и к их словам нужно относиться критично. Обе дамы убеждают, что доверие мужей – трагедия, но Горинг сомневается в их словах. Во всех комедиях Уайльда героев, попавших в затруднительную ситуацию, выручает доверие, и, напротив, недоверие их губит: леди Уиндермир («Веер леди Уиндермир») чуть было не попала в скандальную ситуацию, когда усомнилась в супруге, доверие своему сердцу позволило принять верное решение Роберту Чилтерну («Идеальный муж»). Побеседовав с миссис Чивли и приняв ее аргументы, сэр Роберт решает поддержать проект Аргентинского канала, который сам же назвал аферой. Чуть позже, выдержав разговор с женой, он занимает противоположную позицию, и обещает ей поступить честно и публично разгромить эту финансовую сделку. Однако в этом случае разоблачение грозит самому Чилтерну, поскольку на свет выйдет его письмо, которое сломает всю его карьеру. Но герою удалось успешно «проскочить» между Сциллой и Харибдой, решив довериться интуиции, он поступает так, как подсказывает ему чувство, и сохраняет все самое ценное для себя: любовь жены и карьеру политика.

Проблема выбора и доверия своим чувствам становится одной из центральных в ранней трагедии «Вера, или Нигилисты». Героиня мечется между любовью к справедливому и доброму царевичу Алексею и принципами нигилистской организации, в соответствии с которыми любой царь – это враг, заслуживающий только смерти. Шаблонность мышления Веры, логическая обоснованность ее поступка приводят к трагедии. В «Герцогине Падуанской» Гвидо оказывается перед страшным выбором: ему необходимо отомстить за отца и убить мужа своей возлюбленной. Чувства подсказывают, что он должен сохранить жизнь этому всеми ненавидимому человеку, любовь не совместима с убийством. Но Беатриче, не разобравшись в истинных мотивах «промедления» своего избранника, сама лишает жизни мужа. В итоге трагедия завершается гибелью и Беатриче, и ни в чем не повинного Гвидо.

Представляя, как уже говорилось, схожие проблемы и конфликты, трагедия и комедия решают их по-своему. В комедиях Уайльд дает понять, что судьбы людей меняет случайность, их нарочитое нагромождение, с одной стороны, является осмеянием современных «хорошо сделанных пьес», с другой стороны, освещает один из аспектов уайльдовской философии нереального и еще раз подчеркивает, что человек живет во власти неизвестных ему сил [18].

Трагедии Уайльда лишены случайностей (помимо тех, которых требует специфика жанра), поскольку здесь властвует человеческий рассудок, здесь нет места непреднамеренным обстоятельствам.

Различие кроется в философских воззрениях драматурга. Трагедия – это победа Жизни над Искусством в различных ее проявлениях: кризис церкви, преобладание в современной действительности прагматизма над духовностью («Саломея»), чрезмерное увлечение естественными науками, да и просто элементарная расчетливость в быту, предпочтение материальных ценностей, шаблонность поведения («Вера, или Нигилисты»). В этом контексте рассматривается грубый шантаж (миссис Чивли – «Идеальный муж»); стремление к «удобной» жизни (со стороны правительства и со стороны заговорщиков – «Вера»); действия, обусловленные теми или иными клише («Вера», «Герцогиня Падуанская», комедии); усиление влияния американской культуры («Женщина, не стоящая внимания») [19] и т. д.

Настоящая трагедия, катастрофа, как показывает Уайльд, происходит, когда человек пренебрегает нравственными или юридическими законами. Вера («Вера, или Нигилисты») идет против божественной власти, воплощенной в земном правителе. Беатриче («Герцогиня Падуанская») нарушила и нравственный, и юридический закон. Саломея вообще совершает неслыханное преступление, лишая жизни пророка. Современный человек забывает о высших моральных основах. Гегель писал, что «духовная субстанция воли и свершения есть нравственное. Ибо нравственное <...> – это божественное в его мирской реальности...» [20]. В этом контексте очевидно, что человек XIX в. забыл о божественном. В этом и есть, по Уайльду, главная трагедия.

Уайльдовские комедии имеют счастливый финал не только по традиции. В соответствии с мировоззрением драматурга, человек существует во власти иррациональных сил, которые могут проявлять себя через случайности, любовь близких, безрассудные решения. Если человек прислушивается к своим чувствам, поступает по велению сердца, путь его будет успешен (что подтверждают истории героев).

Комедии и трагедии – не просто более или менее успешные опыты писателя, но стремление представить свою философию с помощью самых распространенных жанровых форм. Трагедия представляет катастрофу, которую влечет за собой прагматизм и бездуховность современников, комедия напоминает, что человек живет во власти более мощных, нежели его рассудок, сил, и духовность, существование в гармонии с иррациональным позволят с оптимизмом смотреть в будущее.

Примечания

1. Аствацатуров А. Феноменология текста: игра и репрессия. М.: Новое литературное обозрение, 2007. С. 21.
2. *The complete letters of Oscar Wilde*. Ed. by Merlin Holland and Rupert Hart-Davis. L., 1988. P. 504.
3. Метерлинк М. Сокровище смиренных. Погребенный храм. Жизнь пчел. Самара: Агни, 2000. С. 29.
4. Там же. С. 17.
5. Валова О. М. «Философия нереального» Оскара Уайльда: к вопросу об истоках и сущности явления // Филология и культура. *Philology and Culture*. 2013. № 2(32). С. 85–88; Валова О. М. «Философия дендизма» в комедиях Оскара Уайльда // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. Филология и искусствоведение. 2012. № 2(2). С. 161–165.
6. Уайльд О. Письма. М.: Аграф, 1997. С. 119.
7. Уайльд О. Избранные произведения: в 2 т. Т. 2. М., 1993. С. 228.
8. Кадубина М. К. Трагедия // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / [гл. науч. ред. Н. Д. Тамарченко]. М., 2008. С. 268.
9. Уайльд О. Избранные произведения. Т. 2. С. 229.
10. Там же. С. 229.
11. До настоящего времени многие исследователи считают «Веру» прямым откликом на исторические события в России, указывают на актуальную ныне проблему терроризма, но не видят в ней показа подлинной трагедии, связанной с перспективами развития нигилизма (*Robertson S. The terrorist, the artist and the citizen: Oscar Wilde and Vera // Journal for Cultural Research*. Apr. 2014, Vol. 18 Issue 2. P. 146–157).
12. Иванов Вяч. О существе трагедии. URL: http://az.lib.ru/i/iwanow_w_i/text_0440.shtml
13. Уайльд О. Избранные произведения. Т. 1. С. 55.
14. Там же. С. 438.
15. Там же. С. 403.
16. Уайльд О. Пьесы. М., 1960. С. 256.
17. Уайльд О. Избранные произведения. Т. 1. С. 449.
18. Подробнее об этом см: Валова О. М. Эстетико-философская проблематика драматургии Оскара Уайльда. Киров: Радуга-Пресс, 2013.
19. После лекционного турне по Америке в произведениях Уайльда появляется тема прагматизма американской цивилизации и ее усиливающегося влияния. В «Женщине, не стоящей внимания» одной из центральных героинь является юная американка Эстер Уэрсли, которая смотрит на жизнь не по-европейски просто. В финале Эстер вместе со своим возлюбленным Джеральдом и его матерью миссис Арбетнот отправляются жить в Америку, стремясь больше не соприкоснуться с ложью и несправедливостью англичан. В соответствии со взглядами драматурга этот поступок не украшает героев, поскольку они выбирают на своем деле, как он полагает, более примитивное рассудочное существование.
20. Гегель Г. В. Ф. Эстетика: в 4 т. Т. 3. М., 1971. С. 575.

Notes

1. Astvatsaturov A. *Fenomenologiya teksta: igra i repressiya* [Phenomenology of the text: the game and repression]. Moscow. New literary review. 2007. P. 21.
2. *The complete letters of Oscar Wilde*. Ed. by Merlin Holland and Rupert Hart-Davis. L., 1988. P. 504.
3. Maeterlinck M. *Sokrovishche smirenykh. Pogrebennyj hram. Zhizn' pchel* [Treasure of the humble. Buried temple. The life of bees]. Samara. Agni. 2000. P. 29.
4. Ibid. P. 17.
5. Valova O. M. *Filosofiya nereal'nogo» Oskara Uajl'da: k voprosu ob istokah i sushchnosti yavleniya* ["Philosophy of the unreal" by Oscar Wilde: on the origins and the essence of the phenomenon] // *Filologiya i kul'tura. Philology and Culture*. 2013, No. 2(32), pp. 85-88; Valova O. M. «*Filosofiya dendizma» v komediyah Oskara Uajl'da* ["Philosophy of dandyism" in the comedies of Oscar Wilde] // *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta - Herald of Vyatka State Humanities University. Philology and art history*. 2012, No. 2(2), pp. 161–165.
6. Wilde O. *Pis'ma* [The Letters]. Moscow. Agraf. 1997. P. 119.
7. O. Wilde *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]: in 2 vols. Vol. 2. Moscow. 1993. P. 228.
8. Kadubina M. K. *Tragediya* [Tragedy] // *Poetika: slovar' aktual'nyh terminov i ponyatij - Poetics: dictionary of actual terms and concepts* / [ed. in chief N.D. Tamarchenko]. Moscow. 2008. P. 268.
9. O. Wilde *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. Vol. 2. P. 229.
10. Ibid. P. 229.
11. Until now, many researchers believe that "Faith" is a direct response to historical events in Russia, indicate relevant now with the problem of terrorism, but do not see it as showing the true tragedy of prospects of development of nihilism (S. Robertson *The terrorist, the artist and the citizen: Oscar Wilde and Vera // Journal for Cultural Research*. Apr. 2014, Vol. 18 Issue 2. Pp. 146-157).
12. Vyacheslav Ivanov. *O sushchestve tragedii* [On the substance of the tragedy]. Available at: http://az.lib.ru/i/iwanow_w_i/text_0440.shtml

13. O. Wilde *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. Vol. 1. P. 55.

14. Ibid. P. 438.

15. Ibid. P. 403.

16. Wilde O. *P'esy* [Plays]. Moscow. 1960. P. 256.

17. O. Wilde *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. Vol. 1. P. 449.

18. For more details see: O. M. Valova [Aesthetic and philosophical problems of the drama of Oscar Wilde]. Kirov. Raduga-Press. 2013.

19. After a lecture tour around America in the works of Wilde appears the theme of the pragmatism of American civilization and its growing influence. In "Woman not worth attention" one of the Central characters is a young American Ester Worsley, who looks at life not so simply as the European. Finally Ester along with her lover, Gerald, and his mother, Mrs. Arbuthnot traveled to live in America, trying not to touch the falsehood and injustice of the British. In accordance with the views of the playwright this act does not decorate heroes because they choose actually, he believes, more primitive rational existence.

20. Hegel G. W. F. *EHstetika* [Aesthetics]: in 4 vols. Vol. 3. Moscow. 1971. P. 575.

УДК 398.1+398.4

Г. А. Трофимов

Пережитки анимистических представлений в фольклоре европейских народов

В данной статье рассмотрена сущность анимистических верований и отражение их пережитков в фольклоре и мировоззрении европейских народов. Автор раскрывает ключевые аспекты анимизма и связанных с ним культов, а затем, обращаясь к материалу сказок, баллад и легенд, демонстрирует проявление в них пережитков анимизма. Особое внимание обращено на отношение героев к представителям иномира, а также на образ дракона (змея) как на пример такого представителя.

In this article the essence of animistic beliefs and the reflection of their remnants in the folklore and world view of the European peoples are considered. The author reveals the main features of animism and the cults that are concerned with it. Further a series of examples of animistic remnants in European folk tales, ballads and legends is cited. A special attention is focused on the characters' attitude to the representatives of the magical "other world", as well as to the image of a dragon or serpent. The author recognizes the dragon as a striking example of such representative.

Ключевые слова: анимизм, религия, фольклор, сказка, фетишизм, животное, дракон, дух, тотемизм, загробный мир.

Keywords: animism, religion, folklore, fairy tale, fetishism, animal, dragon, spirit, totemism, the other world.

Современной философии и психологии известно, что мировоззрение человека представляет собой сложную систему, совокупность известных ему знаний об окружающем мире. В соответствии с хронологией духовного развития человечества, можно выделить три основных типа мировоззрения: мифологическое, характерное для первобытных форм общественной жизни; пришедшее ему на смену религиозное; и, наконец, философское [1]. Однако качественный и количественный рост доступной информации об окружающем мире, а также совершенствование способов её получения, так же как и логически вытекающее из них совершенствование знаний человека, вовсе не означает полного отказа от старых убеждений, а также традиций и жизненного уклада. С каждым поколением человечество аккумулирует знания и убеждения предков, отчасти изменяя их в соответствии с новыми реалиями существования.

В результате в мировоззрении наших современников могут проявляться установки и убеждения, казалось бы, неактуальные в современном ему социальном окружении, несостоятельные с точки зрения последних данных науки и т. д. Одним из ярких и устойчивых примеров подобных пережитков, берущих своё начало в глубокой древности, являются суеверия. Разумеется, их фактическое содержание с течением времени изменяется, «адаптируясь» под реалии современности,

однако сущность этих убеждений остаётся прежней или изменяется незначительно. Их функции соответствуют регулятивной и, отчасти, утешительной (компенсаторной) функциям религии [2] и основаны на желании человека узнать своё ближайшее будущее, убедиться в правильности принимаемого решения, избежать возможной опасности или какой-либо неблагоприятной ситуации [3]. К этому же стремились и наши предки, вплоть до первобытных людей.

В этой статье мы рассмотрим один из наиболее устойчивых «отголосков» подобных верований, а именно пережитки анимизма. Анимистические представления не покидают человека на всех этапах его исторического развития и оказывают существенное влияние на его мировоззрение и – в разной степени – на все виды деятельности; в частности, они находят отражение в продуктах его творчества.

Последний факт определяет актуальность нашего исследования. Трудно переоценить роль анимистических представлений в мировой истории, и, в частности, культуре – включая, конечно, и произведения народного творчества. Анализ последних, а также оценка степени и форм проявления в них анимистических элементов может быть полезной для определения наиболее устойчивых и распространённых из них.

Объектом нашего исследования являются фольклорные произведения в европейских народных традициях, сюжеты которых содержат мотив анимизма или элементы, включающие пережитки анимистических верований. Предмет исследования – сущность и характерные свойства этих анимистических пережитков.

Термин «Анимизм» (лат. *anima* – «душа», «дух») ввёл в 1707 г. немецкий врач и химик Г. Э. Шталь (нем. *Animismus*). В своём труде “*Theoria Medica Vera*” [4] он охарактеризовал это понятие как “*doctrine that animal life is produced by an immaterial soul*” («вера в то, что истоком жизни является душа, имеющая нематериальную основу») [5]. В английском языке термин появился, согласно этимологическому словарю Дугласа Харпера [6], лишь в 1819 г. в том же значении, которое придал ему Шталь. Несколько десятилетий спустя новое, современное значение вложил в него английский этнограф и культуролог Эдуард Бернетт Тайлор, считающийся одним из основателей этнографии и антропологии. Одним из центральных объектов его изучения были религиозные обряды и церемонии, в частности первобытные.

Тайлор разработал анимистическую теорию происхождения религии и эволюционную теорию развития культуры, согласно которым человеческая культура (в наиболее широком значении, синонимичном понятию цивилизации) и, в частности, религия находится в ходе истории в процессе поступательного развития, и анимизм (в понимании учёного, это вера в существование душ и духов; причём одушевлёнными представляются не только человек, животные и растения, но нередко и предметы) является первой и основополагающей её ступенью. Другими словами, анимистические представления являются обязательным изначальным элементом любой религии; и уже отталкиваясь от этой базы, последняя может проходить различные пути в своём развитии и утрачивать или сохранять те или иные элементы и черты этих представлений.

Однако это положение теории Тайлора было позднее подвергнуто критике и признано несостоятельным. На смену последней пришли другие учения, рассматривающие ранние формы религии и, в частности, процесс спиритуализации (т. е. разделения мира в представлении человека на «материю» и «душу») как более сложные явления. Многочисленные источники и памятники культуры народов, находящихся на ранних этапах развития, говорят нам о том, что изменение представлений носителей определённой культуры о мире сопровождалось процессами разделения последнего на священное и повседневное, естественное и сверхъестественное, запрещённое и дозволенное. Это положение легло в основу теорий преанимизма, разработанных антропологами в начале XX в.

Таким образом, современная наука рассматривает анимизм только лишь как неотъемлемый сущностный элемент религиозного мировоззрения, в то время как отведение ему ключевой роли в теории происхождения религии признаётся несостоятельным.

Перейдём к рассмотрению некоторых ключевых аспектов анимизма, а также сопряжённых с ним культов и верований.

Непосредственная связь прослеживается между анимизмом и религиозными культами почитания предков и поклонения животным (зоолатрия).

Первые связаны с представлениями людей о загробном мире. По мнению Тайлора, древний человек пришёл к анимистическому видению мира путём размышлений над наблюдаемыми явлениями, а также собственными снами, вопросами жизни и смерти. Он не понимал, что сновидения, а также образы и сцены, увиденные им под влиянием болезней или приёма наркотических веществ, являются порождением его собственного подсознания. Поэтому они воспринимались человеком так же, как и объективная реальность. Встречи и общение во сне с умершими могло

привести человека к мысли, что душа не умирает вместе с телом, а продолжает существовать и после смерти.

Культы животных (зоолатрии) восходят к глубокой древности, когда первобытные охотники совершали определённые магические ритуалы, чтобы добиться с их помощью успеха в промысле либо обеспечить себе защиту от нападения хищников. Зоолатрия могла также быть связана с такими формами первобытной религиозности, как культ предков и тотемизм.

Животные могли считаться древнейшими предками-основоположниками рода, поэтому вполне логичным представляется тот факт, что антропологи характеризуют данный культ как один из древнейших религиозных культов человечества [7]. Кроме того, в некоторых религиях обожествлённые животные принимали непосредственное участие в сотворении мира. Например, в мифологии айнов – древнейших жителей Японских островов, в разделении суши, воды и неба непосредственное участие принимала трясогузка [8], а по преданию индейцев хайда, мир возник от крика ворона [9].

Формирование анимистических представлений основано на ощущении первобытным человеком рядом с собой некой неподвластной и необъяснимой силы, управляющей окружающим миром. Человек испытывал потребность персонифицировать эту силу, а также те одушевлённые и неодушевлённые объекты и явления, через которые, по его мнению, она проявлялась и оказывала влияние на объективную реальность [10].

Появление представлений о духах и душах сопровождалось «очеловечиванием» природы, формированием её антропоморфного образа. Духи не только обретали «личность» и причислялись к мужскому либо женскому полу, но и различались в зависимости от своих намерений, действий и отношения к людям: последнее могло быть благосклонным, враждебным или же нейтральным. Существа из духовного мира могли взаимодействовать с людьми, а последние, в свою очередь – влиять на них, вступать с ними в диалог, задабривать или, наоборот, вызывать их гнев определёнными действиями.

С анимистическими представлениями тесно связан феномен фетишизма. Его сущность состоит в религиозном поклонении предметам, которым приписываются сверхъестественные свойства [11]; нередко этот предмет рассматривается непосредственно как вместилище духа или его материальное проявление. Пережитки фетишизма проявляются в мировых религиях и сегодня (почитание икон и мощей в христианстве, священных «ступ» в буддизме, святых мест и «чёрного камня» у мусульман) [12]. Отголоском фетишизма является также вера людей в силу различных амулетов.

Разумеется, в любой культуре анимистические представления, являясь частью картины мира, отражаемого в народном сознании, картины, постоянно усложняющейся ввиду изменений образа жизни и общественного строя, и сами подвергаются определённым трансформациям. В. Я. Пропп в своей работе «Исторические корни волшебной сказки» обратил внимание на смену отношения народа к волшебным и мистическим персонажам фольклора в связи со сменой общественного уклада – перехода от охоты к земледелию [13]. Вчерашние покровители или союзники становятся неведомыми, страшными созданиями, обитающими в чуждой, враждебной для крестьянина среде.

Перейдём к рассмотрению анимистических мотивов в отобранных нами фольклорных сюжетах.

Одним из основных анимистических мотивов фольклорных произведений является мотив контакта и, нередко, перехода героя в иномирие, в царство духов. Рассмотрим несколько европейских сюжетов, в основе которых лежит данный переход.

Если герой сам хочет попасть в иной мир (который, как доказал на материале русской народной сказки В. Я. Пропп, является ничем иным, как царством мёртвых), нередко это оказывается не так легко [14]. Проводник или обитатель мира духов относится к человеку недоброжелательно; нередко персонаж должен сначала пройти определённые испытания.

В русской народной сказке ярким примером проводника в иномирие является Баба-яга. Многие её черты, включая и внешние атрибуты (костяная нога), и повторяющиеся во многих вариантах сюжетов фразы («Фу-фу-фу! Прежде русского духу слыхом не слыхано, видом не видано; нынче русский дух на ложку садится, сам в рот катится») [15], говорят о том, что этот персонаж принадлежит к миру мёртвых, а не живых. В некоторых вариантах сюжета с Ягой может показаться, что она помогает герою без предварительных испытаний («Едва ли достанешь! Разве я помогу» [16]), однако это не так. Персонаж уже прошёл их, добравшись до места её обитания, сумев верным заклинанием повернуть к себе избушку на курьих ножках и войти в дом Яги.

Существуют и другие подобные сюжеты, и далеко не во всех из них представитель иномирия является враждебным по отношению к людям персонажем.

Здесь можно вспомнить немецкую сказку «Госпожа Метелица» (“Frau Holle”), а также близкий по содержанию русский народный сюжет о Морозко [17]. В обоих сюжетах мачеха хочет избавиться от ненавистной падчерицы (в немецкой сказке – заставляет её прыгнуть в колодец, в русской – принуждает мужа отвести девушку в лес). Героиня оказывается в ином мире – в немецком сюжете он упоминается как подземный; в русском варианте лес сам по себе является местом чуждым и враждебным для крестьянина – проходит испытания (у Госпожи Метелицы – на доброту и прилежание, у Морозко – на вежливость и уважительное отношение к представителю потустороннего мира). Когда же волшебный хозяин отпускает свою гостью домой с вознаграждением (золото, богатые подарки), мачеха посылает к нему свою родную дочь или дочерей, но последние ведут себя непочтительно, не проходят испытания и остаются наказанными.

Испытания, в случае с невраждебными мистическими персонажами, заключаются, как правило, в проявлении уважительного отношения к ним или оказания символической помощи. Таким образом, в народных представлениях о морали сохраняется почтительное отношение к существам из древних анимистических верований.

Перейдём к описанию и анализу некоторых сюжетов, анимистический элемент в которых связан с животными и предположительно имеет тотемическую природу.

Мы считаем необходимым дать развёрнутый обзор одного очень яркого и любопытного примера «взаимоотношений» народа, занимающегося сельским хозяйством, с «недобрым» древним духом, принимающим, как правило, животный облик. На наш взгляд, он может быть наглядной иллюстрацией утверждения о смене отношения ко многим существам из «мира духов», имеющих тотемическую природу, связанной с переходом от охоты к земледелию.

Одно из существ в кельтском фольклоре носит наименование «Пука» (“Púca” или “Pooka”). Согласно ирландским легендам, пука – это гоблин-оборотень, который может принимать облик любого животного – привлекательного для человека или уродливого – в зависимости от ситуации и намерений [18]. Происхождение сюжетов с участием этого существа связано с сельскохозяйственными работами и, в частности, с Самайном (“Samhain” – праздник уборки урожая). Согласно фольклору кельтов, все зерновые культуры, которые останутся в поле после 1 ноября, принадлежат этому духу; нередко ирландцы намеренно оставляют часть посевов необработанными, чтобы задобрить пуку. Страх перед оборотнем сочетается в сознании крестьян с уважением; более того, за почтительное отношение к себе и готовность поговорить пука может вознаградить выгодным для крестьян сотрудничеством и поведать нечто важное о будущих событиях или предостеречь от беды [19].

Тотемические истоки может иметь также такое явление, как трансформация (оборотничество) самого героя. Так, в шотландской балладе «Tam Lin» герой, имя которого вынесено в название произведения, принадлежит к миру фей (потустороннему). Он объясняет своей возлюбленной Джанет, как она может узнать и расколдовать его, когда он проскачет верхом на коне вместе с прочей нечистью в канун Дня Всех Святых. Джанет должна сбросить Тэм Лина с коня и удерживать его, в то время как он обращается в опасных животных (лев, змея), а затем – в неодушевлённые предметы (раскалённый жезл, расплавленный свинец) [20]. В целом мотив удержания персонажа во время его превращений характерен для британского фольклора.

В сюжетах произведений многих народов встречается родственный вышеупомянутому мотив, в котором также проявляется резко отрицательное отношение рассказчика к явлению трансформации. Обращённый персонаж в таких сюжетах заколдован, заточён в облике мифического или реального животного.

Сюжет ещё одной британской баллады строится на том, что ведьма Эллисон Гросс принуждает рассказчика стать её любовником; когда же он отказывается, та обращает его ударом серебряного прута (или волшебной палочки) в червя. Однако даже подобную участь герой находит более привлекательной [21]. Как и в случае с Тэм Лином, в ночь Хэллоуина герой получает возможность освободиться от колдовских чар.

Аналогичные сюжеты (о заколдованных людях, обращённых в животных) встречаются в фольклоре многих европейских народов (русские народные сказки «Царевна-змея» [22], «Заколдованная королева» [23], «Арысь-поле» [24] и др.; героя норвежской народной сказки “Østenfor sol og vestenfor måne” злая мачеха превращает в медведя [25]; французский “Le Maître de Forêt” – «Хозяин Леса» – также обладал способностью обращать людей в животных).

Существуют также и обратные сюжеты, в которых животные принимают на время человеческий облик: так, в украинской народной сказке «Жена-змея» спасённая из огня змея превращается в женщину и выходит замуж за своего избавителя в обмен на обещание никогда не называть её змеей (гадиной). Когда это обещание было нарушено (не мужем), змея снова обретает свой первоначальный облик и уползает, попросив доброго крестьянина поцеловать её три раза на

прощание и наградив его через это сверхъестественными способностями («знание всего, что на свете делается», понимание языков), а также благословив на обретение новой жены [26].

Как явствует из приведённых примеров, герои подобных сюжетов оказывают определённую услугу представителю животного мира и получают взамен их помощь, дары или иную благодарность. Здесь, как и в приведённых выше примерах с испытаниями, данными героям невразумительными персонажами из иномирия, наблюдается сочетание положительного отношения к «забытым» тотемным или потусторонним существам с признанием их могущественного «колдовского» начала.

Наконец, стоит упомянуть такой распространённый в фольклорных сюжетах элемент, как волшебные помощники и волшебные предметы. Первые – одушевлённые существа – нередко представляют собой животных либо антропоморфных мистических существ (ярким представителем последней категории может являться уже упомянутая нами Баба-яга).

Так, в польской сказке три королевских сына отправляются по просьбе отца на поиски птицы с золотыми перьями. Главный герой сказки, младший сын, остановившись в лесу на привал, встречает волка, делится с ним своей пищей, и тот предлагает ему свою помощь [27]. Аналогичный мотив мы наблюдаем и в русской народной сказке об Иване-царевиче, Жар-птице и Сером Волке, с тем отличием, что Волк при первой встрече съедает коня Ивана-царевича.

Особняком, на наш взгляд, стоит образ такого представителя иномирия, как змей или дракон. Наиболее привычная для нас роль этого мистического существа – это роль антагониста, олицетворяющего нависшую над народом угрозу и испытание, которое должен пройти герой-драконоборец. Сюжеты, содержащие этот мотив, являются, как отмечает А. В. Козьмин, самыми распространёнными среди всех сюжетов волшебных сказок и, согласно указателю сюжетов АТУ, встречаются в фольклорной традиции 83 народов из 140, учтённых в нём [28]. Однако сам образ имеет ещё более широкое распространение, и многовековая вера различных народов мира в существование этих созданий стала самостоятельным предметом изучения антропологов, фольклористов и криптозоологов. Ричард Фримен в статье «В поисках британских драконов» отмечает, что большая часть теорий, объясняющих этот феномен, придерживается одной из двух основных точек зрения: либо данный образ имеет фактическую, биологическую основу, т. е. на каком-то этапе истории человечество сталкивалось с некими существами, которые стали прообразом фольклорных драконов; либо же последний имеет исключительно мифологическую основу, и дракона в таком случае можно поставить в один ряд с другими мистическими созданиями – демонами, призраками, оборотнями и пр.

Состоятельность первой точки зрения подтверждается рядом задокументированных случаев, когда появление веры в существование этих существ действительно имело под собой фактическую, биологическую подоплеку: так, британская легенда о драконе по имени Синий Бен, который упал со скалистого склона и утонул в грязи, подтверждается наличием в местном музее черепа чудовища. На самом же деле череп принадлежит ихтиозавру [29]. Ещё один пример, упомянутый Ричардом Фрименом – дракон из Уормингфордского прихода в графстве Эссекс, действительно живший в реке Стур, нападавший на пастухов и овец и имевший такой прочный чешуйчатый покров тела, что стрелы не могли пробить его. Есть очень большая вероятность того, что этим «драконом» стал нильский крокодил, привезённый Ричардом I из Крестового похода и сбежавший из зоопарка в Лондонском Тауэре [30]. В пользу второй группы взглядов говорят примеры отождествления природных явлений с мифологическими существами, берущие своё начало в глубокой древности. В качестве примера здесь можно привести существо из фольклора южных славян – дракона-огняника, с образом которого народное сознание, вероятно, отождествляло грозу.

Образ дракона или змея интересен ещё и тем, что он не имеет устойчивых черт: рассматривая его генезис в европейской культуре в целом, мы не можем однозначно отнести его к одной из двух выделенных нами групп волшебных существ – антропоморфных и зооморфных. Более или менее чёткая классификация возможна лишь в контексте культуры отдельных народов. Например, в британской народной традиции змей и дракон являются, как правило, зооморфными существами и, более того, анализ их детального описания в текстах сказок и легенд, а также традиционных графических изображений позволяет нам не только сделать этот вывод, но и выделить несколько «видов» этих существ: «классический» дракон, представляющий собой ящероподобного зверя с четырьмя лапами и крыльями; виверна, отличающаяся наличием только одной, задней пары конечностей, в то время как крылья заменяют переднюю, и, наконец, змей (worm или wurm), обитающий, как правило, в море и имеющий длинное и гибкое тело, которое может характеризоваться как наличием конечностей, так и их отсутствием. Отметим, что взятые нами вербальные обозначения «британских драконов» весьма условны, и в фольклорных текстах существа, имеющие атрибуты того или иного типа, вовсе не обязательно носят упомянутые наиме-

нования. В славянской же мифологии змей нередко может иметь и антропоморфные черты: так, в распространённом сказочном сюжете «Бой на калиновом мосту» он предстаёт в образе всадника на коне, появляющегося нередко в сопровождении животных-помощников (собака, сокол).

Но внешность – не единственный изменчивый атрибут дракона, не менее интересным представляется для нас то, что он может выступать не только в «привычной» роли противника главного героя. Даже в русском фольклоре, в котором змееборческий мотив распространён очень широко, встречаются и иные сюжеты с этими существами: так, в одном из вариантов сказки «Чудесная рубашка» главный герой – солдат – встречает змея в лесу, и тот предлагает ему наняться на службу на три года, а затем несёт солдата на спине в свои палаты. После того, как солдат старательно исполняет наказания змея, тот дарит ему рубашку, дающую огромную силу, и богатырского коня. Позже, когда герой сказки погибает, чудовище добывает живую и мёртвую воду и оживляет его. В этом сюжете змей играет роль волшебного помощника героя – невраждебного представителя иномира, с которым человек может заключить взаимовыгодную сделку. Существуют в русской народной традиции и другие примеры, где змей хоть и представляет опасность для людей, но при определённых условиях готов взаимодействовать с ними, а герои сказки используют эту возможность, чтобы обманным путём победить или проучить змея, либо же сделать его своим союзником. В сказке «Змей и цыган» главный герой предлагает чудовищу побрататься, с тем чтобы после напугать его и заставить убежать от страха [31]. В сказке «Царь-девица» змей вместе со львом и вороном находится в заточении в башне у царя; после того, как герой освобождает их, звери в качестве благодарности делятся с ним ценной информацией [32]; а в одном из вариантов сюжета «Василиса Премудрая» солдат Иван обманом заставляет змея поверить в то, что он – сын последнего [33]. Так герой получает ценного союзника и помощника.

Таким образом, дракон (змей) может быть признан одним из наиболее универсальных и изменчивых представителей иномира, что не мешает ему оставаться узнаваемым и устойчивым мифологическим концептом в сознании современного человека.

Волшебные предметы являются более частным, неодоушевлённым вариантом помощников и нередко оказываются непосредственно связаны с последними (например, помогают вызвать помощника), иногда даже морфологически (например, когти, волосы, зубы животных – с точки зрения анимистических черт здесь наблюдается сочетание отголосков тотемизма/зоолатрии с фетишизмом).

Спектр волшебных предметов и их функций в фольклоре европейских народов чрезвычайно широк.

Так, в русской народной сказке «Василиса Прекрасная» мать-купчиха, умирая, передаёт своей дочери волшебный предмет – куклу. В ходе дальнейшего сюжета куколка, при условии соблюдения определённых правил ухода за ней, даёт Василисе советы, утешает в горе и помогает девушке в работе по дому.

Антагонисты главного героя также могут обладать волшебными предметами (волшебное зеркальце королевы-мачехи в немецкой сказке о Белоснежке; форель злой королевы, выполняющая аналогичную функцию в шотландском сюжете «Золотое деревце и Серебряное деревце»).

Рассмотренные нами примеры – всего лишь капля в море огромного пласта европейских фольклорных источников. И даже ограниченный небольшим объёмом нашей статьи ряд проанализированных сюжетов из области сказок, баллад и легенд послужил наглядным подтверждением того факта, что пережитки анимистических верований являются неотъемлемой, а во многих случаях – сюжетообразующей частью европейской фольклорной традиции. В фольклорном материале мы обнаружили легко различимые элементы тотемизма и зоолатрии, фетишизма, а также общих анимистических представлений о разделении мира на материальный и духовный, обыденный и волшебный, мир людей и мир духов, мистических существ.

Несмотря на то что прямая связь образов с древними культами в большинстве сюжетов уже утрачена, фактическое содержание обрядов и культов во многих из них отражено без видимых изменений; мотивация же обрела менее религиозный характер, объясняемый волшебством, механизм которого человеку неведом. Однако и такое, менее «строгое» в контексте своего механизма объяснение сверхъестественных явлений, на наш взгляд, само по себе довольно близко к анимистическим представлениям.

Рассмотренные нами примеры явились также и иллюстрацией теории об изменении отношения народа к волшебным персонажам собственного фольклора в связи со сменой общественного уклада и вида деятельности; тем не менее лесные духи, божества и животные далеко не всегда враждебно или недоброжелательно настроены к людям: некоторые сюжеты недвусмысленно говорят слушателю, что этот неведомый мир живёт по своим законам, и открытость, честность, смелость и ум фольклорных героев вызывают расположение существ из иномира, которые вознаграждают таких людей и помогают им добиваться желаемых целей.

Примечания

1. Энциклопедия экономиста. Grandars, 2013–2014. URL: <http://www.grandars.ru/college/filosofiya/mirovozzrenie.html>
2. Религиоведение: учеб. пособие и учеб. словарь-минимум по религиоведению / под ред. И. Н. Яблокова. М.: Гардарики, 1998. С. 299–301.
3. Википедия: Свободная энциклопедия. Wikimedia Foundation, 2014. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Суеверие>
4. *Stahl G. E. Theoria Medica Vera, Psysiologiam et Pathologiam, Tanqvam Doctrinae Medicae Partes Vere Contemplativas, e Natvrae & Artis Veris Fundamentis Intaminata Ratione et Inconcvssa Experientia Sistens.* Halae: Typis et Impensis Orphanotrophei, 1708.
5. Wikipedia: The Free Encyclopedia. Wikimedia Foundation, 2014. URL: <http://en.wikipedia.org/wiki/Animism>
6. Online Etymology Dictionary. Douglas Harper, 2001–2014. URL: <http://www.etymonline.com/index.php?term=animism>
7. *Токарев С. А.* Мифы народов мира: энциклопедия. Электронное изд. М.: Сов. энцикл., 2008. С. 24.
8. Там же. С. 43–44.
9. Там же. С. 203.
10. Anthropology of Religion: An Introduction to Folk Religion and Magic. Dennis O’Neil, 2000–2008. URL: http://anthro.palomar.edu/religion/rel_2.htm
11. Большая советская энциклопедия: в 30 т. / под ред. А. М. Прохорова. 3-е изд. М.: Сов. энцикл., 1969–1978. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/144480>
12. Там же.
13. *Пропп В. Я.* Исторические корни волшебной сказки. 2-е изд. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1986.
14. Там же.
15. *Афанасьев А. Н.* Народные русские сказки: в 3 т. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1957. Т. 1. С. 279–280.
16. Там же. Т. 1. С. 442.
17. Там же. Т. 1. С. 140–144.
18. *Кириченко О. М.* Золотая книга сказок Ирландии / сост. и пер. О. М. Кириченко. М.: Терра, 1996. С. 234–235.
19. Wikipedia: The Free Encyclopedia. Wikimedia Foundation, 2014. URL: <http://en.wikipedia.org/wiki/Puca>
20. *Child F. J.* The English and Scottish Popular Ballads: in 5 v. V. 1. N. Y.: Dover Publications, 2003. С. 69.
21. Там же. С. 62.
22. *Афанасьев А. Н.* Указ. соч. Т. 2. С. 338–341.
23. Там же. Т. 2. С. 342–352.
24. Там же. С. 266.
25. Wikipedia: The Free Encyclopedia. Wikimedia Foundation, 2014. URL: http://en.wikipedia.org/wiki/East_of_the_Sun_and_West_of_the_Moon
26. *Драгоманов М. П.* Малорусские народные предания и рассказы. Киев: Тип. М. П. Фрица, 1876. С. 311–313.
27. Щербакова А. Польские народные сказки / сост. и пер. с польск. А. Щербаковой. Л.: Худож. лит., 1980.
28. *Никифоров А. И.* Победитель змея. Севернорусские сказки. М.: ОГИ, 2009. С. 9.
29. *Freeman R.* British Dragon Gazetteer // Mysterious Britain & Ireland. URL: <http://www.mysteriousbritain.co.uk/england/legends/british-dragon-gazetteer.html>
30. *Freeman R.* In Search of British Dragons // Mysterious Britain & Ireland. URL: <http://www.mysteriousbritain.co.uk/cryptozoology/in-search-of-british-dragons.html>
31. *Афанасьев А. Н.* Указ. соч. Т. 1. С. 330.
32. Там же. Т. 2. С. 230.
33. Там же. С. 251.

Notes

1. The Economist’s Encyclopedia. Grandars. 2013–2014. Available at: <http://www.grandars.ru/college/filosofiya/mirovozzrenie.html> (in Russ.)
2. *Religiovedenie: ucheb. posobie i ucheb. slovar’-minimum po religiovedeniju* [Religious studies: The School-book and the minimal School Religious Dictionary] / edited by I. N. Jablovkov. Moscow. Gardariki. 1998. Pp. 299-301.
3. Wikipedia: The Free Encyclopedia. Wikimedia Foundation. 2014. Available at: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Суеверие> (in Russ.)
4. *Stahl G. E. Theoria Medica Vera, Psysiologiam et Pathologiam, Tanqvam Doctrinae Medicae Partes Vere Contemplativas, e Natvrae & Artis Veris Fundamentis Intaminata Ratione et Inconcvssa Experientia Sistens.* Halae: Typis et Impensis Orphanotrophei, 1708.

5. Wikipedia: The Free Encyclopedia. Wikimedia Foundation. 2014. Available at: <http://en.wikipedia.org/wiki/Animism>
6. Online Etymology Dictionary. Douglas Harper. 2001-2014. Available at: <http://www.etymonline.com/index.php?term=animism>
7. Tokarev S. A. *Mify narodov mira: jenciklopedija. Jelektronnoe izd.* [The Encyclopedia of the World Myths. Electronic Edition]. Moscow. Sovetskaja Entsyklopedija. 2008. P. 24.
8. Ibid. Pp. 43–44.
9. Ibid. P. 203.
10. Anthropology of Religion: An Introduction to Folk Religion and Magic. Dennis O'Neil, 2000–2008. Available at: http://anthro.palomar.edu/religion/rel_2.htm
11. *Bol'shaja sovetskaja jenciklopedija: v 30 t.* [The Great Soviet Encyclopedia in 30 Volumes] / edited by A. M. Prohorov. 3rd ed. Moscow. Sovetskaja jenciklopedija. 1969–1978. Available at: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/144480> (in Russ.)
12. Ibid.
13. Propp V. Ja. *Istoricheskie korni volshebnoj skazki.* [The Historical Roots of the Magic Fairy Tale] 2nd ed. Leningrad. Leningrad University Publishing House. 1986.
14. Ibid.
15. Afanas'ev A. N. *Narodnye russkie skazki* [Russian Folk Tales]: in 3 volumes. Moscow. State Fiction Publishing House. 1957. Vol. 1. Pp. 279-280.
16. Ibid. Vol. 1. P. 442.
17. Ibid. Vol. 1. Pp. 140-144.
18. Kirichenko O. M. *Zolotaja kniga skazok Irlandii* [The Golden Book of Irish Fairy Tales] / compiled and translated by O. M. Kirichenko. Moscow. Terra. 1996. Pp. 234-235.
19. Wikipedia: The Free Encyclopedia. Wikimedia Foundation. 2014. Available at: <http://en.wikipedia.org/wiki/Puca>
20. Child F. J. *The English and Scottish Popular Ballads: in 5 vols.* Vol. 1. New York. Dover Publications. 2003. P. 69.
21. Ibid. P. 62.
22. Afanas'ev A. N. *Narodnye russkie skazki* [Russian Folk Tales]: in 3 volumes. Moscow. State Fiction Publishing House. 1957. Vol. 2. Pp. 338-341.
23. Ibid. Vol. 2. Pp. 342-352.
24. Ibid. Vol. 2. P. 266.
25. Wikipedia: The Free Encyclopedia. Wikimedia Foundation, 2014. Available at: http://en.wikipedia.org/wiki/East_of_the_Sun_and_West_of_the_Moon
26. Dragomanov M. P. *Malorusskie narodnye predanija i rasskazy* [The Little Russian Folk Legends and Stories]. Kiev, M. P. Fritz's Printing-House, 1876. Pp. 311-313.
27. Shherbakova A. *Pol'skie narodnye skazki* [Polish Folk Tales] / compiled and translated from Polish by A. Shherbakova. Leningrad, Hudozhestvennaja literature. 1980.
28. Nikiforov A. I. *Pobeditel' zmeja. Severnorusskie skazki* [The Dragonslayer. The Tales of the Northern Russia]. Moscow. OGI. 2009. P. 9.
29. Freeman R. *British Dragon Gazetteer // Mysterious Britain & Ireland.* Available at: <http://www.mysteriousbritain.co.uk/england/legends/british-dragon-gazetteer.html>
30. Freeman R. *In Search of British Dragons // Mysterious Britain & Ireland.* Available at: <http://www.mysteriousbritain.co.uk/cryptozoology/in-search-of-british-dragons.html>
31. Afanas'ev A. N. *Narodnye russkie skazki* [Russian Folk Tales]: in 3 volumes. Moscow. State Fiction Publishing House, 1957. Vol. 1. P. 330.
32. Ibid. Vol. 2. P. 230.
33. Ibid. Vol. 2. P. 251.

Особенности интерпретации исторического термина

В статье рассматриваются такие дискуссионные вопросы терминоведения в отношении интерпретации исторического термина, как его точность и однозначность, моносемия или полисемия и наличие синонимов. В качестве доказательств приводятся точки зрения различных исследователей, которые не всегда однозначно оценивают определённый вопрос. основополагающая мысль состоит в том, что исторический термин является отражением развития не только научной, но и социальной сферы. Он является сложным языковым феноменом. Кроме того, в статье оцениваются различные факторы – степень изученности основных вопросов терминоведения, процесс возникновения научного термина и его употребление в языке. Также в статье рассмотрены другие важные вопросы современного терминоведения: что такое термин как единица описания, соотношение термина и дефиниции.

The article is devoted to such controversial issues of terminology concerning interpretation of historical term such as its precision and unambiguity, monosemy or polysemy and synonyms. The arguments are the cited points of view of various scientists, which are not always explicitly estimate certain issue. The basic conception is that historical term is reflection of development not only in the scientific, but also in a social sphere. It is a complex linguistic phenomenon. Besides, different factors reviewed in this article – such as level of scrutiny of principal issues of terminology, the emergence of the scientific term and its usage in the language. The article also considers the other important issues of the modern terminology – what is the term as a unit of description and relation between the term and definition.

Ключевые слова: исторический термин, терминоведение, дефиниция, единица описания, моносемия, полисемия.

Keywords: historical term, terminology, definition, unit of description, monosemy, polysemy.

Исторический термин по своей природе является очень сложным языковым и лексическим феноменом. В таком случае необходимо всегда принимать к сведению то веское обстоятельство, что к любому историческому термину нельзя подходить только лишь с одной узкой точки зрения, поскольку его естественная многогранность без сомнений подразумевает под собой рассмотрение в самых различных аспектах. Более того, исторический термин – это результат интеллектуальной деятельности либо общества, либо отдельно взятого индивида, в который вкладывается дух своего времени. Впоследствии информация, заключенная в данном историческом термине, может претерпевать различные изменения, а в другом случае может совсем утратить своё первоначальное значение. Именно поэтому исторический термин требует более подробного рассмотрения, чтобы исследователь сумел выработать наиболее объективную точку зрения в отношении этого безусловно сложного языкового явления. А для этого необходимо обратиться к следующим проблемным моментам в отношении интерпретации исторического термина.

Актуальность данной темы в большей степени обусловлена тем обстоятельством, что, несмотря на большое количество терминологических и терминоведческих исследований, некоторые узкоспециальные области знаний остаются не до конца рассмотрены. В этом случае ситуация характеризуется тем, что в большей степени разработаны такие области, как экономика, естественные и точные науки, медицина, реклама и проч. Поэтому возникновение живого интереса к исторической терминологии можно закономерно объяснить возрастающим вниманием к исторической науке в современный период. Долгое время историческая наука и наука о языке были разведены, но если и соприкасались, то только в узких тематиках. Сейчас таких поверхностных соприкосновений уже недостаточно. Теперь возникает принципиально новый взгляд на подобный синтез двух фундаментальных наук, основанный на одновременном непосредственном учёте как синхронического, так и диахронического подходов.

Необходимо начать речь с того, что вплоть до наступления XX в. терминам как таковым не уделялось полноценного внимания не только в лингвистике, но и собственно в научной сфере. Всё это было обусловлено отсутствием серьёзного интереса и только что наступившим зарождением современной науки о языке. Подобное критическое обстоятельство привело к тому, что на-

копленные за довольно продолжительный период времени огромные массивы лексического материала оставались без необходимого рассмотрения. Именно по указанной причине в современный период наблюдается очевидный на данный момент поворот интереса исследователей к этой неоднозначной и не менее актуальной тематике. Очевидно, что историческая терминология появилась намного позже того времени, когда зародилась историческая наука в современном состоянии.

Термин в первую очередь сначала приобретает характер научности, а вслед за этим получает надлежащую дефиницию. Также он вопреки требованиям, которые к нему в свою очередь предъявляются исследователями, не всегда может быть точным и однозначным, как обычно единогласно утверждают многие исследователи в области терминоведения. Это объясняется тем, что «точность и научная ценность определения зависят от того, насколько верно выбран ближайший род и как отражает специфику определяемого его видовое отличие» [1]. Это может послужить наиболее взвешенным подходом к нахождению ответа на обсуждаемые вопросы. В. М. Лейчик очень большое внимание уделяет точности и детерминированности термина: «Логическая точность термина, достигаемая в ходе этих логических операций, означает, что в его логической структуре содержится обозначение стольких признаков понятия (в рамках выбранной теории), сколько оптимально необходимо для отличия соответствующего термина от смежных, выше- и нижележащих» [2]. Данным утверждением тоже можно руководствоваться, потому что оно предполагает более широкий угол обзора на интересующий нас вопрос. Но тем не менее это только начало в отношении рассмотрения проблемного вопроса.

Кроме конкретного отсутствия общей теории в данной дисциплине налагается ещё и очевидное отсутствие чёткого понимания в следующем актуальном для современных исследователей вопросе: что можно считать единицей описания в терминологии. В свою очередь, терминология занимается специальной лексикой с целью её упорядочивания и типологизации. Следовательно, к этому проблемному вопросу в последнее время возник интерес отечественных исследователей-терминоведов. К. Я. Авербух в своё время конкретно подчеркнул эту проблему и, что самое важное, заметил: «...у создателей терминологических словарей нет ответа на фундаментальный для любой описательной дисциплины вопрос, что является единицей описания, т. е. до сих пор не ясно, что такое термин как объект описания» [3]. В этом отношении можно с уверенностью сделать вывод о том, что в данном вопросе существует дискуссионность ещё на базовом уровне. Это противоречие является очевидным доказательством того, что многие методологические тонкости в данной сфере научного исследования ещё не решены до конца, несмотря на очевидные успехи в этой области.

В терминоведении есть в определённой мере устоявшееся классическое положение, впервые сформулированное Д. С. Лотте, о требованиях, предназначенных для термина: «однозначность, точность, отсутствие синонимов» [4]. Но не все исторические термины могут подойти под предъявленные исследователями требования, потому что существуют такие весомые факторы, как контекст употребления и отрасль знания, в которой рассматриваемый исторический термин имеет хождение. Подобные рамки можно применить только к «совершенным» терминам [5]. Намного возможней в подобной ситуации выработать определённые практические рекомендации к рассмотрению исследователей. На этот счёт стоит ознакомиться со следующими мнениями. В этом отношении Н. З. Котелова замечает, что «терминам свойственна синонимия, полисемия, омонимия, а терминов-антонимов не меньше, чем нетерминов-антонимов» [6]. В свою очередь, точку зрения Котеловой поддержал А. Т. Липатов: «...в языковой практике многим терминам присущи полисемантизм и дублетность» [7]. Поэтому единственным средством нахождения истины в этом актуальном вопросе ввиду множества причин является непосредственное толкование исторического термина, то есть его интерпретация. Односложные термины встречаются довольно редко, потому что представляют собой высокий уровень абстракции в рамках своей отрасли. А подобный уровень абстракции термина требует непрременной точности содержания, что подразумевает под собой «четкость, ограниченность значения терминов» [8]. Именно таким разнообразием диаметрально противоположных точек зрения в исследовательской среде можно охарактеризовать ситуацию в современном терминоведении. Но это отнюдь не последний дискуссионный вопрос в рамках этой дисциплины.

В качестве действительно актуальной проблемы интерпретации исторического термина следует привести не сбавляющую обороты дискуссию в науке в отношении моносемии и полисемии термина. С. В. Гринев-Гриневич и В. М. Лейчик утверждают, что полисемии в терминологии быть решительно не должно. К. Я. Авербух в свою очередь утверждает, что «анализ реального функционирования терминов показывает, что все случаи отклонения от моносемичности, ранее описывавшиеся как полисемия, в действительности оказывались явлениями неверного, ошибоч-

ного употребления этого термина» [9]. Соответственно, существует ещё один спорный вопрос, в котором однозначный ответ найти крайне непросто. Это обуславливает противоречивость термина в том смысле, что он не всегда может отвечать тем требованиям, которые ему предъявляют исследователи в поисках точности и объективности.

Пристальное внимание здесь необходимо уделить особенно остро стоящему вопросу наличия у термина синонимов. У С. В. Гринева-Гриневича к значению термина предъявляется чёткое требование отсутствия синонимов [10], а у В. М. Лейчика встречается диаметрально противоположная точка зрения: «...синонимия (семантическая вариантность) постоянно возникает в сфере терминологии в связи с одновременным использованием национальных, заимствованных, в том числе интернациональных терминов» [11]. Это противоречие К. Я. Авербух объясняет таким утверждением: «Синонимия, моносемия и полисемия – явления вариативности» [12]. Это доказывает существование ещё одной довольно серьёзной неопределённости в области терминоведения на данный момент ввиду существования множества различных факторов, не позволяющих сделать чёткий выбор в определённую сторону. Здесь можно сделать закономерный вывод о том, что теоретические рамки представлений учёных о термине не всегда полностью совпадают с практикой обработки терминологических данных и корпусов, где есть место своим исключениям из правил. Подобная ситуация объясняется нарастающими процессами глобализации и непосредственным взаимодействием естественных языков между собой в рамках мировых сообществ. Кроме того, наличие синонимии присуще чаще всего начальным этапам формирования терминосистемы, пока не произойдёт отбор лучшего варианта.

Теперь необходимо снова обратиться к разговору о дефиниции. Дефиниция примечательна для нас тем, что в ней фиксируются необходимые признаки содержания. В связи с этим необходимо подчеркнуть, что в содержании одновременно прослеживается влияние времени и пространства, непосредственное воздействие социальных и интеллектуальных процессов в обществе. Очевидно, что язык непосредственно охватывает все сферы общества, служа одновременно зеркалом и результатом социального развития. В свою очередь, социальное развитие, как и развитие языка, является постепенным и закономерным. Но если говорить о профессиональном языке, то он складывается стихийно, так как рождается в подвижной среде человеческого общества. Происходит это при появлении новых профессиональных областей знаний, когда реалии необходимо назвать определённым образом для самоидентификации и обособления профессионального сообщества. Поэтому за живыми доказательствами влияния окружающей социальной среды стоит обратиться к материалам самого языка.

В качестве иллюстрации можно привести слово “mutiny” («мятеж»). При выборочном анализе дефиниций в семи разных онлайн-словарях (“Collins English Dictionary”, “Merriam-Webster Online”, “Cambridge Free English Dictionary and Thesaurus”, “Wordsmyth Free On-Line English Dictionary”, “Oxford English Dictionary”, “Vocabulary.com” и “Webster’s Revised Unabridged Dictionary (1913 + 1828)”), можно выделить образец моносемии в отношении исторического термина. Все представленные в словарях дефиниции чётко и однозначно определяют значение как «неповиновение законной власти» (“rebellion against authority”). Иногда слово “rebellion” заменяется такими эквивалентами, как “resistance” («сопротивление»), “revolt” («протест»), “refusal to obey” («отказ в подчинении») и “insurrection” («восстание»). К тому же, судя по представленным дефинициям, данное явление имеет место не только среди гражданского населения, но также среди военных и моряков.

Примером другого случая является слово “agitation” («агитация»). Данный термин употребляется в двух и даже более областях, чем несомненно интересен для интерпретации. Касательно психологии, если сравнить дефиниции вышеуказанных словарей, этот термин означает состояние (“state”) возбуждения (“excitement”) или беспокойства (“disturbance”). Также это касается поведения и образа действий отдельно взятого человека или группы людей. Вторая область применения этого термина – это социально-политическая сфера. Во-первых, это акт (действие) возбуждения общественного мнения, дискуссии, протеста или беспорядка. К тому же он направлен за или против какого-то явления, личности или деятеля по определённому вопросу социально-политической жизни, чтобы достичь каких-либо изменений.

В качестве ещё одного примера можно взять всем известное слово “amnesty” («амнистия»). В этом случае область применения этого термина как юридическая, так и политическая. Сопоставляя дефиниции в вышеуказанных словарях, можно сделать закономерный вывод о том, что данный термин предполагает три явления. Во-первых, это само помилование (“pardon”) преступлений (“offences”) против власти (“government”, “authority”), в особенности политических. Во-вторых, это закон (решение) о приведении данного помилования в исполнение. В-третьих, это период освобождения от наказания людей, совершивших определённое преступление, опять же политическое в большинстве случаев. Таким образом, можно на деле убедиться в том, что встреча-

ются самые разные случаи при интерпретации исторических терминов – они могут иметь одно значение и одну сферу применения, либо иметь разные значения в разных сферах применения, либо в одной сфере иметь несколько смежных значений.

Поэтому важно заметить, что при интерпретации исторического термина необходимо выбрать диахронический подход, который даёт возможность более обоснованно и взвешенно толковать данный исторический термин не упуская его важнейших глубинных особенностей. Сам по себе исторический термин является живой материей, находясь в соприкосновении с жизнью общества. При том обстоятельстве, что термин может в разные временные периоды трактоваться по-разному, поскольку темп преобразования человеческого общества всегда имел тенденцию неуклонно ускоряться. Специальная лексика – это продукт познания общества сознанием человека, который живёт в определённом обществе со своими особенностями, традициями, порядками и укладом жизни. Но неизменной причиной дискуссий в глубинном смысле всегда будет изменчивая сущность абсолютно любого языка. Именно она предопределяет многообразие терминологической лексики и связанные с её интерпретацией сложности.

Примечания

1. Авербух К. Я. Манифест современной терминологии // Материалы международной научно-практической конференции «Коммуникация: теория и практика в различных социальных контекстах «Коммуникация-2002» («Communication Across Differences»). Ч. 1. Пятигорск, 2002. С. 192.
2. Лейчик В. М. Культура термина. URL: www.library.krasu.ru/ft/ft/_articles/0113944.pdf. С. 164.
3. Авербух К. Я. Общая теория термина. Иваново, 2004. С. 201.
4. Лотте Д. С. Основы построения научно-технической терминологии. Вопросы теории и методики. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 159 с.
5. Сусименко Е. В., Рождественская С. В. Проблемные аспекты в определении научного термина и его свойств // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2012. № 1 (12). С. 136.
6. Котелова Н. З. К вопросу о специфике термина // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. М.: Наука, 1970. С. 122–123.
7. Липатов А. Т. Метаязык лингвистики: таксономия и кодификация лингвистических терминов // Лингвистика на исходе XX века: итоги и перспективы: тез. междунар. конф. М.: Филология, 1995. Т. II. С. 315.
8. Гринева-Гринева С. В. Терминоведение. М., 2008. С. 27.
9. Авербух К. Я. Манифест современной терминологии. С. 194.
10. Гринева-Гринева С. В. Терминоведение. М., 2008. С. 32.
11. Лейчик В. М. Культура термина. С. 165.
12. Авербух К. Я. Манифест современной терминологии. С. 194.

Notes

1. Averbouh K. J. *Manifest sovremennoi terminologii* [The Manifest of Modern Terminology] // *Materialy mehdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferencii "Kommunikatsiya: teoriya i praktika v razlichnyh social'nyh kontekstah "Kommunikatsiya-2002"* [The Materials of international theoretical and practical conference "Communication: theory and practice in different social contexts "Communication-2002"]. Pt. 1. Pyatigorsk. 2002. P. 182.
2. Leychik V. M. *Kultura termina* [Standard of term]. P. 164.
3. Averbouh K. J. *Obshaya teoriya termina* [General theory of term]. Ivanovo. 2004. P. 201.
4. Lotte D. S. *Osnovy postroeniya nauchno-tehnicheskoy terminologii. Voprosy teorii i metodiki* [Basics of formation of the scientific and technical terminology. Matters of theory and methodics]. Moscow. AS USSR Publishing. 1961. P. 159.
5. Susimenko E. V., Rozhdestvenskaya S. V. *Problemye aspekty v opredelenii nauchnogo termina i ego svoystv* [Problem aspects in determination of scientific term and its features] // *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological sciences. Matters of theory and practice]. Tambov. 2012. №1 (12). p. 136.
6. Kotelova N. Z. *K voprosu o specifikhe termina* [Towards term specifics issue] // *Lingvisticheskiye problemye nauchno-tehnicheskoy terminologii* [Linguistic issues of scientific and technical terminology]. Moscow. Nauka. 1970. Pp. 122-123.
7. Lipatov A. T. *Metayazyk lingvistiki: taksonomiya i kodifikatsya lingvisticheskikh terminov* [Meta-language of linguistics: taxonomy and codification of linguistic terms] // *Lingvistika na ishode XX veka: itogi i perspektivy. Tezisy mehdunarodnoy konferencii* [Linguistics at the end of 20th century: results and perspectives. Thesis of international conference]. Moscow. Philology. 1995. Pt. II. P. 315.
8. Grinev-Grinevich S. V. *Terminovedenie* [Terminology]. Moscow. 2008. P. 27.
9. Averbouh K. J. *Manifest sovremennoi terminologii* [The Manifest of Modern Terminology]. P. 194.
10. Grinev-Grinevich S.V. *Terminovedenie* [Terminology]. Moscow. 2008. P. 32.
11. Leychik V. M. *Kultura termina* [Standard of term]. P. 165.
12. Averbouh K. J. *Manifest sovremennoi terminologii* [The Manifest of Modern Terminology]. P. 194.

Унификация падежей немецкого существительного в островном диалекте (на примере немецких диалектов Кировской области)

В статье рассматривается и анализируется унификация падежей немецкого диалектного существительного. Под унификацией здесь подразумевается замена одного падежа другим. Анализируются примеры, отобранные по результатам экспедиций в диалектные районы Кировской области, а именно в поселки Черниговский и Созимский Верхнекамского района. Изучаемые диалекты являются бесписьменными. Основной материал собирался в течение 12 лет с 1999 по 2011 г. в ходе экспедиций в диалектные районы. Диалектные пробы были взяты у 26 информантов старшего поколения.

The article reviews of unification on German dialectal noun. The unification is viewed as the change of one case by another. We analyze the samples collected in expeditions to dialectal areas of the Kirov Region: Chernigovski and Sozimski settlements of Verkhnekamski district. The mentioned dialects are non-written. The material was collected for 12 years – beginning 1999 till 2011 in expeditions to dialectal areas. 26 informants of old generation were source of date.

Ключевые слова: немецкие говоры, немецкое диалектное существительное, унификация падежей, отклонение от нормы при употреблении падежей.

Keyword: German dialects, German dialectal noun, the unification of cases, norm deviation.

Изучение немецких диалектов, контактирующих с другими языками, является для современного языкознания проблемой межъязыковых контактов. На сегодняшний день в современной диалектологии существует большое количество публикаций и исследований по российским немцам. Многие ученые, такие, как В. М. Жирмунский, Г. Г. Едиг, В. Г. Адмони, Г. Дингес, В. А. Дятлова, О. В. Байкова, А. И. Домашнев, Ж. А. Сержанова, О. И. Москальская, О. В. Байкова, О. И. Лабуда и др., выбрали язык российских немцев предметом своего научного исследования. Помимо языка исследуются также история появления и жизнь немцев в России, жизнь трудармейцев, отдельные персоналии, миграционные и эмиграционные проблемы, межнациональные отношения.

Диалекты российских немцев следует изучать по многим причинам. Во-первых, в говорах мы находим материал, не тронутый влиянием литературного языка; во-вторых, диалекты являются единственной формой естественного немецкого языка, не подвергавшейся сколько-нибудь влиянию литературной нормы. Только при изучении народных диалектов появляется возможность проникнуть в механизмы естественной речи, в тайны внутренних закономерностей ее функционирования и развития в условиях спонтанности общения.

Данная статья посвящена особенностям употребления падежей немецкого диалектного существительного. Автором исследования был проведен анализ теоретической литературы по данному вопросу. Представленный практический материал был собран во время экспедиций в диалектные районы Кировской области, поселки Черниговский и Созимский. Целью данной статьи является анализ и попытка систематизации падежной системы немецкого диалектного существительного.

Диалектное существительное имеет много отличий от существительных литературного немецкого языка, а именно отличий в склонении. В исследованиях немецких диалектов предпринимались попытки описать диалектную падежную систему, но, как отмечает Н. Г. Беренд, в силу своей нестабильности это оказалось достаточно сложно.

В то время как существительное немецкого литературного языка имеет четыре падежа, существительное в диалекте имеет значительные ограничения: у немецкого существительного в диалекте осталось всего 2–3 падежа. Таким образом, мы можем говорить, что главной особенностью диалектов российских немцев является унификация падежей. Это проявляется в отсутствии

у существительного и у его сопроводительных слов падежных окончаний. В диалектах наблюдается совпадение окончаний. Диалектное существительное часто не имеет окончаний, которые указывают на падеж, маркируемый артиклем или сопроводительным словом. Однако следует отметить, что в некоторых случаях окончание отсутствует не только у существительного, но и у его сопроводительного слова или у артикля. В некоторых диалектах имеются унифицированные формы артикля.

Проблема смешения падежей стала центральной в работах таких ученых, как С. А. Миронов (1940), Г. Г. Едиг (1970), Е. А. Григорьева (1978), В. А. Дятлова (1988), Н. А. Фролова (1999). Почти во всех исследованных диалектах отсутствует генитив (родительный падеж), который заменяется аналитической формой, т. е. при помощи предлога *von*, или же заменяется на конструкцию с дативом с функцией принадлежности (*possesiv Dativ*) или аккузативом (винительным падежом). В некоторых диалектах наблюдается слияние номинатива (именительного падежа) и аккузатива (винительного падежа), а также аккузатива (винительного падежа) и датива (дательного падежа) [1].

В отличие от генитива номинатив, датив и аккузатив ведут себя стабильно в системе немецких падежей. Но тем не менее и здесь есть сдвиги: во многих диалектах существует определенная неразграниченность между дативом и аккузативом (Schraml 1969, Medwidy 1979, Стародымова 1984) или между номинативом и аккузативом (Гринева 1979, Фролова 1999). Такая неопределенность привела к образованию так называемого «общего падежа» (*Gemeinschaftskasus*) (Schraml 1969, Medwidy 1979, Berend 1991, Гринева 1979), под которым понимается единая падежная форма, которая может выступать в любой синтаксической функции, тем самым вытесняя ранее употребляемые формы. При унификации падежных форм синтаксические связи в предложении часто образуются с помощью аналитических форм с предлогом или варьируя семантикой глагола (Миронов 1940, Berend 1994).

Одной из особенностей немецких островных диалектов на территории Кировской области является унификация дательного падежа. При этом речь идет, как правило, об использовании определенного артикля в предложной связке (*präpositionale Verbindung*).

1. *Ich habe noch gearbeitet, das wir **in die siebziger Jahre** ungefähr.*
2. *Noch, **in die Schul** hab ich Deutsch ge/lernt.*
3. *Mit die **mit die Mudder** do mit de deutsche, wo mer in die Kirche gehe, sprechen wir Deutsch.*

В данных примерах наблюдается падежный синкретизм в обозначении времени, места и объекта. Примеры приведены носителем диалекта. Однако унификация датива, а именно его замена аккузативом у женского рода в предложных фразах, встречается и у информантов, которые владеют литературным немецким языком.

1. *Und – und äh **bei die Mudder** die – bei mein Mudder die – hat kein Mudder gehatt.*
2. *[...] haben das **mit die Mutter** neun Kilometer das – geschleppt im Winter.*

Замена датива аккузативом наблюдается и во множественном числе. На множественное число указывает форма артикля:

1. ***Mit die Kinder** so lang wie die Mama war und wie de mein Mann war ist alles Deutsch gerede.*
2. *Fang ich an, zu Deutsch da erklären, ja, **mit die Buchstaben**, weil ich aussr/aus – schreibe auf Tafel Deutsch.*

Падежный синкретизм встречается только в предложных словосочетаниях с предлогом *bei* и встречается у мужского и среднего рода реже, чем у женского рода. Как показывают исследования, падежный синкретизм обусловлен диалектно. В большинстве случаев унификация дательного падежа представлена существительными женского рода и существительными во множественном числе. Примеров унификации дательного падежа у существительных мужского и среднего рода встречается намного меньше. Редуцирование дательного падежа или совпадение с аккузативом встречается в предложных фразах с определенным артиклем. При употреблении неопределенного артикля речь идет о падежном синкретизме с именительным падежом или об опущении конечных звуков.

1. ***Mit den Artur** hat sie mir geschickt – finfhundert Mark.*
2. *Was ist das Kind fir eine fašistka? Sie sind in **ein** roddom (*Entbindungsheim*) geboren, warum lernten die Kinder nicht, von wo die Menschen sind.*

Наряду с унификацией дательного падежа, были выявлены случаи унификации винительного падежа. Исследования российских немецких диалектов показывают, что аккузатив чаще всего заменяется номинативом [2] и дативом [3]. Замена дательного падежа происходит преимущественно в предложных фразах. Замена аккузатива номинативом наблюдается у существительных мужского рода, так как существительные среднего и женского рода не имеют формальной разницы между номинативом и аккузативом.

1. *Nu eto, meine Enkel, de Wolodja eto hat ein Brief hat Deutsch geschrieve.*

2. *Du brauchst nicht angst sein, ich hab ein Stock.*

В данных примерах видна замена аккузатива номинативом: вместо стандартного *einen* употребляется *ein*. Но следует отметить, что данное явление возникает в результате редуцирования конечных звуков: *ein'*, *ein'n*. Вопрос возникает в идентификации этого явления: имеем ли мы дело с редуцированием конечных гласных или же с заменой аккузатива номинативом. К сожалению, в рамках данной работы четко ответить на данный вопрос невозможно.

Замена аккузатива номинативом наблюдается и в русских заимствованиях.

1. *Unser Tochtermann, der schalt ein televisor (der Fernseher), der will gucke was er will.*

2. *Und haben dort ein chutor (das Gehöft) gebaut.*

В русском переводе слова «телевизор» и «хутор» в винительном падеже не имеют падежных окончаний, что могло повлечь за собой отсутствие падежных окончаний в немецком варианте.

В некоторых случаях форма *ein* может иметь значение числительного *один*.

1. *Die hawe ein Sohn.*

2. *Hab gestern abends ein Brief geschrieben.*

Итак, замена аккузатива номинативом и дативом происходит преимущественно у существительных мужского рода, так как существительные женского и среднего рода не имеют формальных различий в номинативе и аккузативе. При рассмотрении замены аккузатива у существительных мужского рода выяснилось, что это может быть как замена аккузатива номинативом, так и редуцирование конечных звуков. Разграничить эти два явления крайне сложно. Однако стоит отметить, что оба они способствуют унификации в употреблении падежных окончаний.

Унификация родительного падежа, как считает В. Кейнига, является отличительной чертой внутренних немецких диалектов и немецкого разговорного языка. Он заменяется предложным дативом или аккузативом.

Следует отметить, что замена генитива в исследуемых диалектах встречается крайне редко, например при обозначении родственных связей: *Bruders Frau*; или при попытке передать характерное для русского языка отчество: *Maria des Johannes*; или как вариант использования предлога *von*: *Amalia von Heinrich*.

Низкая частотность замены генитива является диалектным явлением. В российских немецких диалектах, так же как и во внутренних немецких диалектах, генитив заменяется другими предложными конструкциями.

Так, Н. А. Фролова в своем исследовании выделяет конструкцию с предлогом *von* [4] (*in miede fon stu:b*). Вторая конструкция, на которую исследователь обращает внимание, – это конструкция с притяжательным дативным падежом: *s'haus main kind*; *maim khind zin haus*. Н. А. Фролова выделяет также конструкцию, заимствованную из русского языка: *papin haus (Papas Haus)*, *tamin klaid (Mamas Kleid)*.

Итак, чаще всего генитив заменяется предлогом *von* и следующим за ним существительным в дативном падеже:

die Großmutter von Vater

mai Großmama von dem Papa.

Очень часто в исследуемых диалектах встречается конструкция, в которой существительное в притяжательном дативном падеже ставится перед существительным в именительном падеже.

meiner Mutter ihr Halbbruder

ihrem Bruder sein Sohn

meiner Frau ihre Schwester

Падеж определяется по окончаниям притяжательных местоимений перед обоими существительными.

По такой же самой схеме строится еще один вид конструкции притяжательным дативом.

dem Bruder seine Frau der Mutter ihr Grab

der Mama ihre Schwester

Различие заключается лишь в употреблении в некоторых случаях вместо артикля притяжательного местоимения.

В заключение хотелось бы еще раз отметить, что диалектное существительное имеет много отличий от существительных литературного немецкого языка, а именно отличий в склонении. Однако описание системы падежей диалектного существительного представляет собой большую сложность в силу нестабильности самой системы. Существительное в диалекте имеет 2–3 падежа, в то время как существительное немецкого литературного языка склоняется по 4 падежам. В данном случае мы можем говорить об унификации падежей диалектного существительного.

Что касается особенностей падежей в падежной системы исследуемого диалекта, то в отличие от генитива номинатив, датив и аккузатив ведут себя стабильно в системе немецких падежей, что привело к появлению «общего падежа», под которым понимается единая падежная форма, которая может выступать в любой синтаксической функции, тем самым вытесняя ранее употребляемые формы.

Примечания

1. Žirmunskij V. Deutsche Mundartkunde. Vergleichende Laut- und Formenlehre der deutschen Mundarten. (Veröffentlichungen des Instituts für Deutsche Sprache und Literatur 25). Berlin.
2. Кузьмина А. И. Говор деревни Камыши и особенности процесса его сложения и развития: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск: ТГУ, 1961. 14 с.; Фролова Н. А. Специфика развития островных говоров в условиях немецко-русского билингвизма: на материале говоров деревни Гебель Камышинского района Волгоградской области: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов: СГУ, 1999. 17 с.
3. Klassen H. Zum Verhältnis von niederdeutscher Mundart und deutscher Hochsprache in der Sowjetunion. In: Kugler, Hartmut (Hg.): Kulturelle Identität der deutschsprachigen Minderheiten in Russland/UdSSR. (=Dokumentation des Kasseler Ost-West-Kongress 1990, Bd. 2). Kassel, 1992. S. 75–95.
4. Фролова Н. А. Указ. соч.

Notes

1. Žirmunskij V. Deutsche Mundartkunde. Vergleichende Laut- und Formenlehre der deutschen Mundarten. (Veröffentlichungen des Instituts für Deutsche Sprache und Literatur 25). Berlin.
2. Kuzmina A. I. *Govor derevni Kamyshi i osobennosti processa ego slozheniya i razvitiya: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Dialect of the village of Kamyshi and features of the process of its formation and evolution: autoref. dis. ... Cand. of Philology]. Tomsk State University. 1961. 14 p.; Frolova N. A. *Specifika razvitiya ostrovnyh govorov v usloviyah nemecko russkogo bilingvizma: na materiale govorov derevni Gebel' Kamyshinskogo rajona Volgogradskoj oblasti: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Specificity of the development of the insular dialects in terms of the German-Russian bilingualism: on the material of the dialects of the village Gebel of Kamyshinsky district of the Volgograd region: autoref. dis. ... Cand. of Philology]. Saratov. SSU. 1999. 17 p.
3. Klassen H. Zum Verhältnis von niederdeutscher Mundart und deutscher Hochsprache in der Sowjetunion. In: Kugler, Hartmut (Hg.): Kulturelle Identität der deutschsprachigen Minderheiten in Russland/ereignismeldung udssr. (=Dokumentation des Kasseler Ost West Kongress 1990, Bd. 2). Kassel, 1992. Ss. 75-95.
4. Frolova N. A. Op. cit.

УДК 81'373.21

И. А. Кондакова

Малотипичные концептуализации топообъекта

Метафорические проекции с топонимической областью цели образуют полевою структуру с наличием ядерных, центральных (частотных) и периферийных (низкочастотных или единичных) элементов. Особенности концептуализации топообъектов рассмотрены на материале Библии и современной художественной литературы. Отмечена преемственность метафор не только на уровне ядра и центра, но и на уровне периферии – источник ОГОНЬ, ТРАНСПОРТНОЕ СРЕДСТВО (КОРАБЛЬ), полученные данные могут в определенной мере свидетельствовать об устойчивости системы концептуализации в целом. На периферии отмечены как малочастотные источники: НЕБО, МИР, ПЛАНЕТА, ЦЕНТР МИРА, КРАЙ ЗЕМЛИ, ДЫМ и др., так и единичные, «беспрецедентные» метафоры, отражающие индивидуальное восприятие топообъекта: МЫЛЬНЫЙ ПУЗЫРЬ, ПРОВОД, ОТТИСК. Данные источники могут представлять собой потенциальные варианты развития метафорического проектирования.

Within metaphorical conceptualization a place-name target domain correlates with a number of field-structured source domains. The source domains which are represented most numerously form the nucleus and the centre of the field, while those which are represented scarcely or just by one example build up the periphery. Conceptualization of places is considered by the metaphors from the Bible and from contemporary literature. The research has shown certain continuity of conceptualization process both for the field-centre (such as personifications, etc.), and the field-periphery (the sources FIRE, VEHICLE (SHIP)). Thus the research to some

degree illustrates sustainable development of conceptualization in general. In contemporary conceptualization the periphery is also represented by the new sources which are not so numerous, such as HEAVEN, WORLD, PLANET, THE CENTRE OF THE WORLD, THE END OF THE WORLD, SMOKE, GRAVE, as well as by individual "unprecedented" sources reflecting individual perception of a certain object: BUBBLE, WIRE, STAMP, etc. In course of time the above mentioned sources could inspire new trends in metaphorical mapping.

Ключевые слова: топоним, метафора, область цели, область источника, топообъект, концептуализация, полевая структура.

Keywords: place-name, metaphor, target domain, source domain, geographical object, conceptualization, field structure.

В науке существует множество подходов к трактовке метафоры и, как следствие, множество определений метафоры. Начиная с 80-х гг. XX в. и по сей день одной из ведущих теорий является когнитивная теория метафоры (КТМ), которая постулирует, что метафора лежит в основе мыслительной деятельности человека, структурируя его знания и опыт. Основоположники КТМ, американские лингвисты Дж. Лакофф и М. Джонсон, определяют метафору как понимание и переживание сущности (thing) одного вида в терминах сущности другого вида [1]. Метафоры взаимосвязаны, сплетены в сеть с множеством элементов и образуют сложную систему.

Ключевым для КТМ является понятие метафорической проекции (metaphorical mapping). Под словом *mapping* «подразумевается функция, отображающая перенос одних элементов в другие или одни признаки элементов в другие», «именно эти переносы помогают перераспределить информацию из одного домена в другой или из одной области знания в другую» [2].

Важным моментом в исследованиях метафоры в рамках когнитивного подхода является описание составляющих метафорической проекции. Результаты каталогизации метафор представлены как в виде научных статей, так и в виде специальных словарей. Каталогизация носит как общий характер (перечисление базовых метафор), так и частный (перечисление источников, соотносящихся с конкретной целью, и наоборот: анализ концептуализации различных понятий и объектов в разных культурах и языках, описание «тематических» метафор, соотносящихся с определенной областью знания). При описании метафорических проекций отмечается способность метафоры сочетать универсальность и специфичность, наблюдаются попытки сопоставить фрагменты метафорических проекций как близкородственных, так и неродственных языков. Степень объективности полученных результатов зависит в первую очередь от объема выборки – от количества проанализированных примеров, на основании которых проводится данная каталогизация.

Совокупность метафорических проекций можно представить в виде полевой (ядро-периферийной) структуры. При каталогизации источников концептуализации в первую очередь, как правило, получают описание наиболее многочисленные, типичные метафоры, составляющие ядро, заметные и, соответственно, легче поддающиеся систематизации. Среди источников, соотносящихся с метафорической целью «топообъект», отмечается преобладание источника «человек» [3]. В данном исследовании ядро области источника также носит одушевляющий (в широком понимании), то есть «оживляющий», в особенности, персонифицирующий, «очеловечивающий» характер. Топообъекты соотносятся с человеком во всем разнообразии его проявлений, как физиологических (человеческий организм), так и социальных (семья, профессия, общество).

Те метафоры, что находятся на периферии, в силу своего разнообразия и несогласованности, труднее поддаются классификации. Периферийные единичные метафоры, как правило, представляют индивидуально-авторское видение, они рассыпаны по текстам, и, следовательно, их полная исчерпывающая каталогизация не представляется возможной, однако они вызывают исследовательский интерес. И хотя для вывода о наличии той или иной концептуальной метафоры недостаточно единичных примеров (или примера) [4], эти модели могут представлять собой потенциальные варианты развития метафорического проектирования, либо иллюстрировать модели, утратившие актуальность.

Одной из отправных точек теории когнитивной метафоры является утверждение, что посредством метафоры осуществляется концептуализация абстрактных понятий через конкретные. Однако имеют место и другие направления концептуализации: конкретного через конкретное, абстрактного через абстрактное и даже конкретного через абстрактное, что отражено в исследованном материале.

Исследованный материал представлен метафорами с топонимической областью цели (1600 метафор из современных литературных и лексикографических источников и 200 метафор из английского перевода ветхозаветного текста). В проведенном исследовании рассматривалась кон-

цептуализация конкретного (топообъектов), как правило, осуществляемая через конкретное (человек, животное, растение, другой реальный топообъект, сад, дом/часть дома, функциональный объект/учреждение, предмет обихода, вещество, литературное произведение) или через вымышленное, но мыслимое как конкретное (вымышленный топообъект, рай/ад). Однако отмечены примеры концептуализации топообъектов через абстрактное, которые хотя и немногочисленны, периферийны, однако их наличие в текстах стабильно и значимо: они составили около 4% в тексте английского перевода Библии (King John's Bible, The Old Testament) и более 5% в современных текстах [5]. Это примеры, в которых сфера источника представлена названиями чувств и эмоций (*glory, shock, temptation, wonder, sorrow*), состояний (*solitude, harmony, riddle*), этапов (*culmination*), явлений (*miracle*), событий (*riot, feast, lucky break*), результата (*finished work, education*).

При этом топоним-цель, как правило, реализует метонимическое значение. Абстрактная концептуализация подразумевает метонимию на базе топонима – абстрактное понятие соотносится не с самим топообъектом, а с различными смежными с ним объектами и явлениями, например отражает особенности индивидуального понимания и/или восприятия объекта автором или персонажем: *Thank God she was done with this nightmare of a London for a few days!* (J. B. Priestley); *London was a great wonder to us, and we were out for hours and hours at a time, seeing the sights...* (Ch. Dickens). Концептуализация Лондона как ночного кошмара и Лондона как загадки отражает настроение персонажей произведения, определившее их восприятие и оценку города.

Однако, как отмечено выше, топообъекты преимущественно концептуализируются через сферу конкретного (около 95%). Исследованный материал, наряду с вышеуказанными типичными концептуализациями, содержит единичные примеры метафор с редкой, нетипичной областью источника, на которые приходится примерно по 8% как современных, так и библейских метафор с топонимической областью цели.

Группу редких метафор составили метафоры с источниками ФИЗИЧЕСКИЙ ОБЪЕКТ: НЕБО/ОБЛАКА, КОСМОС, ОГОНЬ, ЗВУК, ДЫМ/ТУМАН, а также ПРОВОД, ОТТИСК, ТРАНСПОРТНОЕ СРЕДСТВО, МЫЛЬНЫЙ ПУЗЫРЬ.

Ряд примеров иллюстрирует положение, что для конкретного низкочастотного источника характерна корреляция с конкретной топонимической целью.

Метафора небес Т – НЕБО/ОБЛАКО (отличная от метафоры рая) выражает характеристику конкретного водного объекта и основана на сходстве внешних признаков: *...the radiant heaven of the Pacific* (R.L. Stevenson and L. Osbourne); *Then he began his eastward flight, the broad surface of the Pacific seeming like a blue cloud far beneath him* (F. Baum). Обе метафоры служат для описания одного и того же объекта – Тихого океана, он уподобляется небесам на основании таких признаков, как синева и бескрайность. Интересно отметить, что метафоры датированы примерно одним и тем же временем: 1892 г. («Потерпевшие кораблекрушение», Р. Л. Стивенсон в соавторстве с Ллойдом Осборном) и 1901 г. («Волшебный выключатель», Ф. Баум). Источник НЕБО/ОБЛАКО соотносится с уникальной целью THE PACIFIC.

Корреляция источника ДЫМ/ПАР с целью ЛОНДОН и АНГЛИЯ согласуется с образом «туманного Альбиона»: *Modern England was like a cloud of smoke; it could carry all colours, but it could leave nothing but a stain* (Chesterton). *From the windows of my room I saw all London lying in the distance like a great vapour, with here and there some lights twinkling through it.* (Ch. Dickens). И хотя в рассмотренном литературном тексте данная метафора низкочастотна, неофициальное название Лондона 'the Smoke' (Дым) отмечено в словарях [6].

Также отмечен ряд малочастотных метафор, в основании которых лежит сходство восприятия.

Выразительны «космические» метафоры: Т – МИР/ВСЕЛЕННАЯ, Т – ПЛАНЕТА. Топообъекты концептуализируются как обособленные миры или как планеты: *...the dismay of her parents, to whom Scotland was almost another planet...* (M. Dickens). *But in that flash was seen the other Carrie – poor, hungry, drifting at her wit's ends, and all Chicago a cold and closed world, from which she only wandered because she could not find work* (Th. Dreiser). *That London of my memories seems to me like a place in another world* (H. Wells). Метафора другой планеты, другого мира характеризует восприятие топообъекта как чуждого, непонятного, далекого.

Метафора вселенной также включает концептуализации, отражающие субъективное структурирование пространства: Т – ЦЕНТР МИРА и Т – КРАЙ ЗЕМЛИ: *John Robert sill, in that large part of himself which remained untouched by sophistication, regarded Ennistone as the center of the world* (I. Murdoch). *The poet speaks there of time when the Pillars of Hercules at the western border of the Mediterranean Sea were still looked upon as the end of the world* (H. H. Houben). Описание маленького курортного городка Эннистона как центра вселенной отражает мировосприятие персонажа произведения, а описание Геркулесовых Столбов как края мира – верования древних.

Концептуализация топообъекта как звука в рамках метафоры (а не метонимии) также отражает восприятие: Т – ЗВУК (*noise, whisper, tune*). Чтобы исключить метонимичную трактовку образа, когда топообъект отождествляется со звуками, наиболее для него характерными, рассмотрим компаративную структуру: *...London roars like the noise of battle; four million destinies are here concentrated; and in the strong panoply of one hundred pounds, payable to the bearer...* (R. L. Stevenson & L. Osborn). Лондон сопоставляется с боевой канонадой, что отражает индивидуальное мировосприятие.

Концептуализации топообъекта как могилы, склепа Т – МОГИЛА низкочастотны и при этом резко пейоративны: *India was a vast, rotting sepulture dominated by conniving British exploiters in league with dominated and perfidious rajahs and maharajahs* (H. Miller); *...an ugly sepulture, a grave uncheered by any gleam of promise, a place without one single quality, in earth, or air or water, to commend it: such is this dismal Cairo* (Ch. Dickens).

Есть низкочастотные метафоры, которые отмечены в данном статусе как в Библии, так и в современных источниках: Т – ОГОНЬ и Т – КОРАБЛЬ. Метафора Т – ОГОНЬ представляет топообъект либо связанные с ним объекты как огненную стихию: *At that time Israel will be a raging fire* (Bible); *...Manhattan's flame burns most intensely at its center, from which the city pushes out towards the edges, north and south* (St. Brook). Огонь символизирует как разрушение (в библейском тексте), так и жизнь, созидание (во втором примере). В обоих примерах топоним-цель реализует метонимическое значение: в первом примере – «народ», во втором – «жизнь», а источник обозначает некую «активность», как разрушительную, так и созидательную.

Концептуализация может содержать внутреннее противоречие, это, если можно так выразиться, – концептуализация-оксюморон, например: Т – ТРАНСПОРТНОЕ СРЕДСТВО. Противоречивый характер концептуализации обусловлен тем фактом, что значение топонима предполагает наличие семы координат, а суть транспортного средства выражается в перемещении, то есть в отсутствии постоянных координат. Метафорическая модель с источником ТРАНСПОРТНОЕ СРЕДСТВО и топонимической целью ранее отмечена в качестве периферийной модели в современных источниках [7], а в ходе данного исследования эта модель отмечена в Библии: *You claimed, O Tyre, to be perfect in beauty... You were like a great ship built of the finest cypress from Senir* (Bible). Уподобление населенного объекта большому кораблю ГОРОД – ЭТО КОРАБЛЬ подчеркивает его красоту и имплицитно идею путешествия, хотя здесь имеется в виду путешествие во времени.

Ряд метафор представлен единичными примерами. Они отображают индивидуально-авторское восприятие, описывают одно из проявлений объекта, а также переживания субъекта. Они индивидуальны и не поддаются обобщению и систематизации. Пример оригинальной метафоры – уподобление собора Святого Павла мыльному пузырю:

... and St. Paul's

Loomed like a bubble o'er the town (O. Wilde).

Автор наблюдает возвышающийся над городом собор Святого Павла сквозь дымку тумана, образ создает впечатление легкости, невесомости, хрупкости и нереальности этого монументального здания.

Метафорическая модель может идентифицироваться не только в прямой метафоре, но и в косвенной. Например, Т – ОТТИСК/ОТПЕЧАТОК: *Niagara was at once stamped upon my heart, an Image of Beauty; to remain there, changeless and indelible, until its pulses cease to beat, for ever* (Ch. Dickens). Метафора, отражающая индивидуально-авторское восприятие, определяется семантикой сказуемого *stamped upon my heart* (которое само по себе метафорично), сочетающегося с топонимическим подлежащим *Niagara*.

Еще один пример: *...when it came to gossip, Gillanbone was as receptive as a wire to an electrical current* (C. McCullough). Метафорическая модель ГОРОД – ЭЛЕКТРИЧЕСКИЙ ПРОВОД представлена единичным примером. Топоним реализует метонимическое значение «люди», суженное в данном контексте до значения «сплетники», а распространение сплетен описывается как проводимость электрического тока, а в целом социальное явление трактуется в рамках физического.

Итак, отдельные периферийные области источника представлены редкими или единичными метафорами. Ряд моделей, несмотря на низкую частотность, демонстрирует «долгожительность», преемственность с библейским текстом, ряд низкочастотных выразительных моделей может повторяться у нескольких авторов, творчество которых относится примерно к одному и тому же периоду. Уникальные модели отражают индивидуально-авторское восприятие.

Итак, концептуализация топообъектов представляет собой полевою структуру с наличием ядерных (частотных) и периферийных (низкочастотных или единичных) элементов. При сопоставлении топонимических концептуализаций в Библии и современной художественной литературе отмечена преемственность метафор не только на уровне ядра и центра (преобладание оли-

цветворений, географических, вещных и вещественных метафор), но и на уровне периферии (источник ОГОНЬ, ТРАНСПОРТНОЕ СРЕДСТВО – КОРАБЛЬ). Однако современные тексты отмечены и новыми оригинальными образами, и на концептуальной периферии выделены источники. В целом исследованный материал в определенной мере свидетельствует о том, что концептуализация как системе в значительной мере свойственна устойчивость.

Примечания

1. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: пер. с англ. / под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. Изд. 2-е. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. С. 27.
2. Манерко Л. А. «Когнитивная проекция» и «когнитивная карта» в исследованиях по семантике и функционализму // Актуальные проблемы английского языкознания: сб. ст. к юбилею проф. О. В. Александровой / под ред. Т. А. Комовой, Д. С. Мухортова. М.: МАКС Пресс, 2012. С. 57.
3. Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Метафора и стереотип (на материале метафорических осмыслений России и ГДР в СМИ) // Стереотипы в языке, коммуникации и культуре: сб. ст. / сост. и отв. ред. Л. Л. Федорова. М.: РГГУ, 2009. С. 327.
4. Скребцова Т. Г. Когнитивная лингвистика: курс лекций. СПб.: Филол. фак. СПбГУ, 2011. С. 43.
5. Кондакова И. А. Топонимический образ в свете когнитивной теории метафоры. Киров: ООО «Радуга-ПРЕСС», 2013. С. 39–40.
6. Томахин Г. Д. Лингвострановедческий словарь. Соединенное королевство Великобритании и Северной Ирландии. М.: ООО «АСТ-ПРЕСС КНИГА», 2003. С. 69.
7. Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Указ. соч. С. 324.

Notes

1. Lakoff G., Johnson M. *Metaphory, kotorymi my zhivem* [Metaphors we live]: transl. from Eng. / edited and with a preface by A. N. Baranov. Ed. 2nd. Moscow. Publishing house of the LCI. 2008. P. 27.
2. Manerko L. A. «Kognitivnaya proekcija» i «kognitivnaya karta» v issledovaniyah po semantike i funkcionalizmu ["Cognitive perspective" and "cognitive map" in studies on semantics and functionalism] // Aktual'nye problemy anglijskogo yazykoznanija - Actual problems of English linguistics: collected articles for the anniversary of Professor O. V. Alexandrova / edited by T. A. Komova, D. S. Mukhortova. Moscow. MAKS Press. 2012. P. 57.
3. Baranov A. N., Dobrovolsky D. O. *Metafora i stereotip (na materiale metaforicheskikh osmyslenij Rossii i GDR v SMI)* [Metaphor and stereotype (in the metaphorical conceptions of Russia and the GDR in the media)] // *Stereotipy v yazyke, kommunikacii i kul'ture* - Stereotypes in language, communication and culture: collection of articles / comp. and resp. ed. by L. L. Fedorova. Moscow. RGGU. 2009. P. 327.
4. Skrebtsova T. G. *Kognitivnaya lingvistika: kurs lekcij* [Cognitive linguistics: a course of lectures]. SPb. Philology Department of St. Petersburg State University. 2011. P. 43.
5. Kondakova I. A. *Toponimicheskij obraz v svete kognitivnoj teorii metafory* [Toponymic image in the light of the cognitive theory of metaphor]. Kirov. Raduga-PRESS. 2013. Pp. 39-40.
6. Tomakhin G. D. . *Lingvostranovedcheskij slovar'. Soedinennoe korolevstvo Velikobritanii i Severnoj Irlandii* [Encyclopedic dictionary. United Kingdom of great Britain and Northern Ireland]. M: "AST-PRESS KNIGA". 2003. P. 69.
7. Baranov A. N., Dobrovolski D. O. Op. cit. P. 324.

Номинация лекарственных растений в разносистемных языках через призму фитоморфологии (на материале русского, марийского, немецкого и латинского языков)

В статье детально рассмотрены научные и фольклорные фитонимы в русском, марийском, немецком и латинском языках, сгруппированные по отдельным номинационным принципам, которые подчеркивают строение плода растения, выявляют его жгучесть, способность выделять сок и т. д. Такая дифференциация фитонимов обусловлена в первую очередь тем, что по отдельным фитоморфологическим признакам растениям давались уникальные названия, способные выявить необходимое растение среди множества аналогичных.

In the article it is shown the scientific and popular phytonyms in Russian, Mari, German and Latin languages. All of these phytonyms are classified on the subgroups. Each of which accentuate the structure of root or fruit of plants, its pungency ect. Such differentiation of phytonyms is motivated by individual phytomorphological features. Plant gets its special name that help to find needful between like these.

Ключевые слова: мотивема, фитоним, растение, немецкий язык, марийский язык, русский язык, латинский язык, фитоморфология.

Keywords: motive, phytonym, plant, German, Mari, Russian, Latin, phytomorphy.

Мир лекарственных растений с незапамятных времен имеет первостепенное значение в жизнедеятельности человека. Для обозначения того или иного лекарственного растения знахари и травники подмечали присущие только данному растению свойства, признаки и, основываясь на них, давали ему название, которое впоследствии закрепилось в языке в качестве диалектного фитонима. Сравнивая одно- или разносистемные языки, филологам и лингвистам очень часто удается выявить общие признаки при номинации растений. Не случайно В. Г. Гак отмечает, что «сравнение является основным (возможно, даже единственным) методом изучения языка» [1]. Такого рода исследованиями в современном языкознании занимается относительно новая наука контрастивная лингвистика. Сопоставительные исследования основных ботанических и диалектных названий растений в разносистемных языках с точки зрения ономастического подхода позволяют выявить номинационные признаки фитонимов и определить их специфику в каждом из сопоставляемых языков. Доминирующим при классификации фитонимов можно считать фитоморфологическое описание растений. Функциональные тождества внутри обозначенной лексико-семантической группы помогают систематизировать отобранные фитонимы на подгруппы с общим мотивирующим признаком.

1. Фитонимы, выявляющие строение корня (клубня) растения. Фитонимы рус. *мечекорень*; нем. *Schwertchenwurzel, Schwertwurzel* (нем. *das Schwert* 'меч'; *die Wurzel* 'корень') отражают толстое длинное цилиндрическое ползущее корневище **aira** (*Acorus calamus*) [2]. Собранные обработанные корневища *лепёшника* разрезаются на куски длиной 15–20 см [3]. Ср. тж.: рус. *лепёха, лепёшка*.

Фитоним в русском языке *земляные орехи* отражает строение корня **хвоща** (*Equisetum arvensis*) с шаровидными клубнями [4].

Пальчато-раздельная форма клубней **ятрышника** (*Orchis maculata*) [5] находит отражение в русских фитонимах *пятипалечная трава, пятипалишник*. Латинское видовое название *Orchis* (греч. *orchis* 'ядро, яйцо (половой орган)'), рус. *ятрышник* (диал. *ятро* 'яйцо'), нем. *kleine Orchis* букв. 'маленькие яички' (нем. *der Orchis* анат. 'яичко, семенник') даны ятрышнику пятнистому по яйцеобразной форме клубней.

Рассмотренный принцип номинации растений, представленный лишь в русском и немецком языках, выявляет внешний вид и длину корня денотата. Кроме того, следует отметить, что

при номинации ятрышника в фитонимах разносистемных языков ярко представлена параллельная мотивема «часть тела» (*ятрышник, Orchis, пятупалечная трава, kleine Orchis*).

2. Фитонимы, отражающие строение плода, семян растения. Плод алтея (*Althaea officinalis*) дробный, в виде просвирки. Ср.: рус. *просвирка, просвирняк, просвирки, просвирник*. В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля значение фитонима *калачики* описывается следующим образом: «от подобия семенных головок его» [6]: семена темно-бурые, голые, гладкие, почковидные длиной 2–2,5 мм и шириной 1,75–2 мм [7]. Ср.: рус. *калачник, маковойник, маковшник*. Марийцы сравнивают плоды реалии с творожными лепешками, называя алтей *туарашудо* (мар. *туара* ‘творожная лепешка’).

Плоды **толокнянки** (*Arctostaphylos uva-ursi*) представляют собой шарообразную костянку, что послужило основанием для фитонимов в русском языке *костянки, костянка*.

Названия растения лат. *bidens* букв. ‘двузубчатый’ (лат. *bi* ‘два’, *dens* ‘зуб’); рус. *двузубец, бадульки, остючки*; нем. *Gabelkraut* (нем. *die Gabel* ‘вилка’, *das Kraut* ‘трава’), *Zweizahn* (нем. *zwei* ‘два’, *der Zahn* ‘зуб’) свидетельствуют не только о строении плода, но и о том, что **череда** (*Bidens tripartita*) приспособилась распространять свои плоды-семянки с помощью двух зубцов на верхушке.

Латинское название растения **пастушья сумка** *Capsella bursa-pastoris* связано с треугольной формой плода, напоминающей сумку пастуха: лат. *capsa* ‘ящик, шкатулка’, *bursa* ‘шкура’ (сумки для пастухов шили раньше из шкур животных), *pastor* ‘пастух’ [8]. По такому же принципу построен и немецкий термин *Hirtentäschelkraut* (нем. *die Tasche* ‘сумка’, *der Hirt* ‘пастух’; *das Kraut* ‘трава’). Ср. тж: нем. *Täschelkraut* (нем. *die Tasche* ‘сумка’, *das Kraut* ‘трава’); *Säckelkraut* (нем. *der Säckel* ‘кошелек’), *Täschel*. Немецкие одноязычные справочники дают следующее описание плода: «Schötchen 3-eckig, verkehrt-herzförmig, an eine Hirtentasche erinnernd» [9] ‘плод треугольный, неправильной сердцевидной формы, напоминающий пастушью сумку’. Ср.: рус. *сумочник пастуший, мошёночник, кошелёк*. С другой стороны, плоды денотата по своей форме напоминают сердце – рус. *сердечки, сердочки*; нем. *Herzel, Herzkraut, Herzelkraut* (нем. *das Herz* ‘сердце’).

Плод **чистотела** (*Chelidonium majus*) представляет собой стручковидную коробочку, которая раскрывается с треском двумя створками. За это чистотелу в народе дали название *щелкунец*.

Латинское видовое название **спорыньи** (*Claviceps purpurea*) *Claviceps* образовано от латинских слов *clava* ‘жезл, посох, булава’ и *seps*, но следует отметить, что последнее существительное является стяженной формой существительного *caput* ‘голова’. Прорастающие склероции гриба имеют форму удлинённо-продолговатых головок, искривленных и заостренных к концам. Ср.: рус. *крючки, рожки, бодники*; нем. *Zapfenkorn* (нем. *der Zapfen* ‘пробка, затычка, шишка (у растения)’, *das Korn* ‘зерно’).

Красные плоды **боярышника** (*Crataegus sanguinea*) свисают гроздьями и создают иллюзию того, что кустарник полностью украшен красными сережками. Этот необычный факт подмечен марийцами и отражен в фитониме *алгавондо* (мар. *алга* ‘сереги’, *вондо* ‘куст’).

Сухая семянка-плод **аистника** (*Erodium cicutarium*) в длину достигает 3–4 см. Семянки расположены близко друг к другу, словно зубья у граблей. Ср: рус. *грабельки*, тж. рус. *клювики, косарики, игольник*.

С шаровидной коробочкой-плодом **вахты** (*Menyanthes trifoliata*) связаны русские диалектные фитонимы *бобовник, бобровник, бобрник, бабенник*. Как отмечает В. А. Меркулова, корень *боб-/баб-* выступает в славянских языках для обозначения чего-то вздувшегося, мелких круглых предметов.

На верхушке стебля **вороньего глаза** (*Paris quadrifolia*) расположен один цветок, из которого образуется единственная многосеменная сизовато-черная ягода-плод. Ср.: нем. *vierblättrige Einbeer* букв. ‘четырёхлистная одна ягода’. Представленный немецкий фитоним выявляет одновременно строение листьев и наличие одной ягоды-плода денотата.

Плоды **горца змеинового** (*Bistorta officinalis*) схожи с плодами гречихи, такое сходство обусловило наличие фитонимов в русском языке *гречиха-змеевик* и *дикая греча*.

Многочисленный синонимичный ряд фитонимов выявляет строение созревших семян **одуванчика** (*Taraxacum officinale*), которые при дуновении ветра легко отрываются от цветоложа и разлетаются. Возможность сдуть появляющийся на месте цветка пух нашла свое отражение не только в литературном названии растения *одуванчик*, но и народных названиях этого растения: рус. *дуан, летучки, ветродуйки, пуховка, ветреник*; ср.: мар. *мамыквуй, мамыкшудо* (мар. *мамык* ‘пух’), *пораншудо* (мар. *поран* ‘буран’), *пунвуйшудо* (мар. *пун* ‘пух’); нем. *Pusteblume* (нем. *die Puste* ‘дыхание’, *die Blume* ‘цветок’).

Семантический признак «строение плода, семян растения» выражается метафорически путем сравнения плода и семян реалии с разного рода предметами обихода (*грабельки, игольник; Gabelkraut; Capsella bursa-pastoris, кошелёк, сумочник пастуший, Täschelkraut; крючки,*

Zapfenkorn; алгавондо; пуховка, мамыквуй, пунвуйшудо), анатомическими органами (*сердечки, Herzel*; клювики), кондитерскими изделиями (*калачики, таурашудо*), также функционирует в тех фитонимах, где прослеживается сходство с другими растениями (*гречиха полевая; мак-вейник*); описывается строение плода (*двузубец, bidens; vierblättrige Einbeer*), его шаровидная форма (*бобовник, бабенник*), способность семян легко отделяться от цветоложа (*дуан, летучки, ветреник, Pustenblume*).

3. Фитонимы, свидетельствующие о способности растения или его частей выделять сок, жидкость. Наличие млечного сока в стебле **чистотела** (*Chelidonium majus*) послужило основанием для образования русского фитонима *молочай*.

Способность **одуванчика** (*Taraxacum officinale*) выделять млечный сок при повреждении целостности растения представлена в следующих фитонимах: рус. *молокоед, молочаник, молосная трава*; мар. *шөршудо* (мар. *шөр* 'молоко'; *шудо* 'трава'). В немецком языке можно встретить сравнение сока денотата не только с молоком, *Milchblume* (нем. *die Milch* 'молоко'; *die Blume* 'цветок'), но и с топленым салом – *Schmalzblümchen* (нем. *das Schmalz* 'жидкий жир, топленое сало'). Этимология русских фитонимов *дойник, коровник, подойник, подоянка*, связанных с коровами и процессом доения, также свидетельствует о сходстве сока одуванчика с молоком.

Принцип «способность растения выделять сок» воспроизводят, в большей степени, диалектные фитонимы русского языка, менее богатый синонимичный ряд представлен в марийском и немецком языках. В разносистемных языках фитонимы для номинации разных растений содержат общую лексему *молоко* в русском языке (*молосная трава, молокоед, молочай*), *Milch* – в немецком (*Milchblume*) и *шөр* – в марийском (*шөршудо*).

4. Фитонимы, отражающие жгучесть и колючесть поверхности растения. Мясистые листья **алоэ** (*Aloe arborescens*) с шиповатыми краями [10] находят свое отражение в русском фольклорном фитониме *колючий цветок* и марийских – *иманшудо, пўяншудо* (мар. *иман* 'иглестый, колючий'; *пўян* 'зубчатый, с зубками'; *шудо* 'трава').

Фитонимы нем. *Hagedorn* (нем. *der Hag* 'кустарник'; *der Dorn* 'колючка') и рус. *колючка* базируются на наличии повсеместно расположенных колючек на побегах **боярышника** (*Crataegus sanguinea*).

Колючий шарообразный плод-коробочка **дурмана** (*Datura stramonium*) представлен в большом синонимическом ряду в разносистемных языках: нем. *Dornapfel* букв. 'колючее яблоко', *Igelkorben* букв. 'ежовая коробочка'; рус. *колюки-яблоки, колюки, колючье*.

Русское название **шиповник** (*Rosa cinnamomea*) растение могло получить из-за острых и прочных шипов, способных причинить серьезные неприятности неосторожному человеку или животному. Фитоним *шиповник* образован от общеславянского *шип*, первоначальное значение которого 'острие; то, чем можно уколоть(ся)', и фиксируется словарями русского языка с XVIII в., хотя в древнерусском и старославянском было употребительно слово *шипъкъ* 'цветок розы' [11], ему соответствуют фитонимы: рус. *шиповный цвет, шюшина, чипишник*, мар. *шуанвондо, шуанванды* (мар. *шуан* бот. 'с шипами, колючками, иголками'; 'колючий'; *вондо* 'куст').

Обжигающее свойство **крапивы двудомной** (*Urtica dioica*) и **крапивы малой** (*Urtica urens*) вызвано наличием множества жгучих волосков, покрывающих полностью листья и стебли денотата. Не случайно латинское видовое название растения *Urtica* связано с латинским глаголом *urere* 'жечь'. Само название *крапива* в русском языке растение получило от слова, которое может быть связано с общеславянским глаголом **kropiti* (рус. кропить) 'ожигать', что мотивировано способностью этого растения наносить ожоги, обжигать [12].

Фитонимы для номинации **крапивы двудомной**, отражающие данное свойство, являются самыми многочисленными и представлены в русском языке словами *жегала, стрекаша, стрекучка*; в немецком языке – *Brennessel, Sengnessel* (нем. *brennen* 'гореть'; *sengen* 'жечь, палить'; *die Nessel* 'крапива'), в марийском – *почкалтыш, почкалдыш* (мар. *почкаш* 'обжигать крапивой'). Существуют несколько русских названий растений с общим корнем *костр-*: *кострыка, кострива*. В. А. Меркулова считает, что перечисленные фитонимы могут быть связаны с названием жесткой коры льна или конопли, отделяемой при трепании, которую складывали в кучи и сжигали. Вероятно, от значения ненужной жесткой кожицы льна и конопли возник такой метафорический перенос [13]. Хотя, с другой стороны, можно предположить, что ожоги, образуемые на кожном покрове от крапивы, внешне очень схожи с легкой формой ожога от костра.

Крапива малая обладает большей жгучестью в отличие от крапивы двудомной, о чем свидетельствуют названия растения в русском языке: *ожальник, озжиха*; в марийском – *аярнуж* (мар. *аяр* 'яд', 'отрава', 'жгучий'; *нуж* 'крапива'), в немецком – *Scharfnessel* (нем. *scharf* 'острый').

Мотивирующий признак «жгучесть и колючесть поверхности растения» представлен в первую очередь наличием жгучих волосков (*жегала, Brennessel, аярнуж, Urtica*) или шипов (*колючий*

цветок, колюки-яблоки *иманшудо*, *шуанвондо*, *Hagedorn*), расположенных как на отдельных частях растения (плод, листья), так и повсеместно на всем растении. Следует отметить, что в процессе номинации также возможно метафорическое сравнение с органом (*пўяншудо*), животным (*Igelkorben*).

Фитоморфологические признаки являются наиболее актуальными при номинации растений, так как определяют особенности строения ветвей, листьев, плода, корней растений. Этот принцип актуализирован в фитонимах всех анализируемых языков. Схожие по внешнему виду растения, даже не принадлежащие одному семейству, номинативно не имеют явных различий, например фитоним *молочай* является омонимичным для чистотела (семейство маковых) и одуванчика (семейство астровых). Фитонимы, отражающие принцип «строение листьев», принадлежат к названиям растений прямой номинации: рус. *тысячелистник*, мар. *тўжемишудо*, нем. *Tausendblatt*, лат. *millefolium* для номинации чистотела; рус. *диравик*, лат. *perforatum*, лат. *Tausendlöcherlkraut* для номинации зверобоя; рус. *крест-трава*, лат. *quadrifolium*, нем. *Vierblatt* для обозначения вороньего глаза. Признак «жгучесть и колючесть поверхности растения» находит выражение в следующих фитонимах: рус. *жегала*, лат. *Urtica*, мар. *почкалтыш*, нем. *Sengnessel* для обозначения крапивы; рус. *шпнец*, мар. *шуанвондо* – для наименования шиповника.

В основе номинации фитонимов по отдельным принципам лежит метафора. Следует отметить, что любая лексема в составе отдельного метафорического выражения несет определенную смысловую нагрузку: *морковь* – описывает рассеченное строение листьев, *кўртнő* ‘железо’ – объясняет наличие бурых сосудов на нижней стороне листа; *жила*, *шőн* ‘жила, сухожилие’ – выявляет неординарный рисунок на поверхности листа; *дерево* – подчеркивает твердость стебля; *ствол* – его длину; *сумка* – описывает треугольную форму плода; *пух*, *мамык* ‘пух’ – показывает особенность строения цветоложа и т. п.

Таким образом, фольклорная дифференциация растений на основе фитоморфологических признаков денотата не всегда в полной мере может совпадать с научной ботанической классификацией.

Примечания

1. Гак В. Г. О контрастивной лингвистике // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXV. Контрастивная лингвистика. М., 1989. С. 6.
2. Мазнев Н. И. Энциклопедия лекарственных растений. 3-е изд., исп. и доп. М.: Мартин, 2004. С. 59.
3. Подымов А. И., Суслов Ю. Д. Лекарственные растения Марийской АССР. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1990. С. 11.
4. Там же. С. 68.
5. Носаль М. А., Носаль И. М. Лекарственные растения и способы их применения в народе. Харьков: Интербук, 1990. С. 82.
6. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 1: А–З. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1956. С. 12.
7. Мазнев Н. И. Указ. соч. С. 190.
8. Светличная Е. И., Толок И. А. Этимологический словарь латинских ботанических названий лекарственных растений. Харьков: Изд-во НФаУ: Золотые страницы, 2003. С. 80.
9. Herbert Weymar. *Lernt Pflanzen kennen*. Neumann Verlag. Leipzig. Raudebeul, 1979. S. 420.
10. Подымов А. И., Суслов Ю. Д. Указ. соч. С. 77.
11. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. 3-е изд, стер. М.: Рус. яз., 1999. Т. 2: Панцирь – Ящур. С. 412.
12. Шанский Н. М. Школьный этимологический словарь русского языка. Происхождение слов / Н. М. Шанский, Т. А. Боброва. 7-е изд., стер. М.: Дрофа, 2004. С. 153.
13. Меркулова В. А. Очерки по русской народной номенклатуре растений (Травы. Ягоды. Грибы). М.: Наука, 1967. С. 115.

Notes

1. Gak V. G. *O kontrastivnoj lingvistike* [About contrastive linguistics] // *Novoe v zarubezhnoj lingvistike - New in foreign linguistics*. Vol. XXV. Contrastive linguistics. Moscow. 1989. P. 6.
2. Maznev N. I. *EHnciklopediya lekarstvennyh rastenij* [Encyclopedia of medicinal plants]. 3 ed., corr. and add. Moscow. Martin. 2004. P. 59.
3. Podymov A. I., Suslov U.D. *Lekarstvennye rasteniya Marijskoj ASSR* [Medicinal plants of the Mari ASSR]. Yoshkar Ola. Mari book publ. 1990. P. 11.
4. Ibid. P. 68.
5. Nosal M. A., I. M. Nosal I.M. *Lekarstvennye rasteniya i sposoby ih primeneniya v narode* [Medicinal plants and methods of their use in people]. Kharkov. Interbook. 1990. P. 82.

6. Dal V. I. *Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka* [Explanatory dictionary of the living great Russian language]: in 4 vols. Vol. 1: A-3. Moscow. State publishing house of foreign and national dictionaries. 1956. P. 12.
7. Maznev N. I. Op. cit. P. 190.
8. Svetlichnaya E. I., I. A. Tolok I.A. *Ehtimologicheskij slovar' latinskih botanicheskikh nazvanij lekarstvennyh rastenij* [Etymological dictionary of Latin Botanical names of medicinal plants]. Kharkov. Publishing house of NPhaU: Zoloty stranicu. 2003. P. 80.
9. Herbert Weymar. *Lernt Pflanzen kennen*. Neumann Verlag. Leipzig. Raudebeul. 1979. S. 420.
10. Podymov A. I., Suslov U.D. Op. cit. P. 77.
11. Chernykh P. Y. *Istoriko ehtimologicheskij slovar' sovremennogo russkogo yazyka* [Historical and etymological dictionary of modern Russian language]: in 2 vols. 3 ed., stereot. Moscow. Rus. yaz. 1999. Vol. 2: Pantsyr (shell) – Yashur (Mouth Disease). P. 412.
12. Shansky N. M. *SHkol'nyj ehtimologicheskij slovar' russkogo yazyka. Proiskhozhdenie slov* [The school etymological dictionary of the Russian language. The origin of words] / N. M. Shansky, T. A. Bobrova. 7 ed., stereot. Moscow. Drofa. 2004. P. 153.
13. Merkulova V. A. *Ocherki po russkoj narodnoj nomenklature rastenij (Travy. YAgody. Griby)* [Essays on Russian folk nomenclature of plants (Herb. Berries. The mushrooms)]. Moscow. Nauka. 1967. P. 115.

УДК 81'33+811.111'34

М. В. Белорукова

О ритме и паузации в высказываниях, представляющих собой команды, приказы и распоряжения в современном английском языке

В статье представлены результаты экспериментально-фонетического исследования просодических параметров реализаций высказываний «команда», «приказ», «распоряжение», в частности особенностей ритма и паузации. В ходе исследования выявлены типы ритмогрупп по количеству ударных и безударных слогов, характерные для каждой разновидности высказываний, замерена длительность ритмогрупп, установлена зависимость между количеством ударных и безударных слогов в ритмогруппе. Также проведен анализ пауз, встречающихся в изучаемых высказываниях, установлены их основные типы по длительности, и дана классификация с учетом семантических значений высказываний. С помощью инструментов математической статистики автор устанавливает, являются ли исследуемые показатели дистинктивными чертами для каждой разновидности высказываний или, напротив, демонстрируют сходство, подтверждая тем самым семантическое родство команд, приказов и распоряжений.

The article features findings on experimental comparative research into prosodic parameters of three statement types: commands, orders and directions, exactly, on peculiarities of rhythm and pausation. Rhythmical groups specific for each statement type are distinguished on the basis of stressed and unstressed syllables, the duration of rhythmical groups is measured and interdependence between the number of stressed and unstressed syllables is demonstrated. A variety of pauses found in the three statement types are classified in accordance with both duration and the semantic meaning of the statements in which they are used. Applying statistical methods of analysis, the author discovers if the considered parameters are distinctive and meaningful or irrelevant, demonstrating similarities.

Ключевые слова: интонация, просодия, сверхсегментные характеристики, просодические параметры, семантическое поле побуждения, команда, приказ, распоряжение, ритм, ритмогруппа, паузы, коэффициент звучания.

Keywords: intonation, prosody, suprasegmental characteristics, prosodic parameters, semantic field of encouragement, command, order, direction, rhythm, rhythmic group, pauses, phonation coefficient.

Настоящая статья представляет собой фрагмент более масштабного исследования просодических особенностей команд, приказов и распоряжений и является продолжением работы, опубликованной в [1].

Целью статьи является исследование свойств и выявление особенностей ритмогрупп и пауз в изучаемых разновидностях высказываний.

Исследование проводится на материале высказываний, реализуемых полицейскими при исполнении служебных обязанностей. Материал для исследований взят из художественных фильмов о полицейских и представляет собой фразы, произнесенные актерами – носителями американского варианта английского языка, нарезанные из DVD-файлов.

В предыдущей статье была представлена информация о темпоральных особенностях исследуемых высказываний, скорости их реализации, а также о составе ритмогрупп и их преобладающих типах для команд, приказов, распоряжений. На данном этапе исследования анализируется показатель «длительность ритмогруппы», изучается зависимость между количеством ударных слогов и количеством ритмогрупп для каждой разновидности высказываний. Также уделяется внимание особенностям паузации с учетом семантического аспекта.

Команды, приказы и распоряжения относятся к одному и тому же семантическому полю категорического побуждения [2], на основании этого следует предполагать значительное сходство между ними. Тем не менее проведенный эксперимент и анализ полученных результатов выявили ряд особенностей в просодическом оформлении изучаемых высказываний.

Как же зависят друг от друга ударные слоги и количество ритмогрупп? Не углубляясь в исследования, можно было бы предположить, что эти два показателя примерно совпадают, так как в английском языке много коротких слов, которые, казалось бы, и должны формировать простые ритмогруппы. Данное предположение вполне справедливо для команд. При проведении сравнения было установлено, что количество ударных слогов и ритмогрупп совпадает в 80% случаев. Для приказов и распоряжений таких совпадений существенно меньше – 37 и 23% соответственно. Полученные результаты были интерпретированы с помощью статистического инструмента «формула квадратичного отклонения доли» [3], используемого «для сравнения долей одного и того же явления в разных статистических совокупностях фактов» и позволяющего выявить значимость расхождения долей, если таковая присутствует. Расчет выявил следующее: расхождение между процентом совпадений в командах и приказах, командах и распоряжениях статистически значимо, а в приказах и распоряжениях – нерелевантно (утроенное квадратичное отклонение доли меньше разности долей для команд и приказов, команд и распоряжений, и больше разности долей для приказов и распоряжений – см. табл. 1).

Таблица 1

Команды и приказы			Приказы и распоряжения		Команды и распоряжения	
Доля изучаемого явления	p ср	0,584	p ср	0,302	p ср	0,516
Доля остальных явлений	q ср	0,416	q ср	0,698	q ср	0,483
Квадр. откл. доли	E	0,064	E	0,059	E	0,057
Разность изучаемых долей	p1 – p2	0,429	p1 – p2	0,136	p1 – p2	0,564
Различие существенно, $3E < p1 - p2$ (1 – да, 0 – нет)		1	Различие существенно	0	Различие существенно	1

Также исследованию подвергся показатель «длительность ритмогруппы». Отдельно для команд, приказов и распоряжений была установлена минимальная и максимальная длительность для ритмогрупп, состоящих из 1, 2, 3 и т. д. слогов, и вычислена средняя длительность ритмогруппы для каждой разновидности высказывания. Так как ритмогруппы длиной свыше 8 слогов малочисленны и встречались только в распоряжениях, было решено исключить их из сравнительного анализа длительности.

Проверка средних значений длительности ритмогрупп статистическим инструментом «интервал действительной средней (L)» [4] показала, что интервалы действительных средних изучаемых явлений накладываются друг на друга (табл. 2), следовательно, расхождение средневыворочных частот несущественно:

Таблица 2

	Ср. длительность, сек	L		
Команды	0,681	0,110	к ср + L	0,792
			к ср – L	0,571
Приказы	0,863	0,196	п ср + L	1,059
			п ср – L	0,667
Распоряжения	1,011	0,149	р ср + L	1,161
			р ср – L	0,861

Теоретически можно было бы предположить, что длительность ритмогруппы увеличивается прямо пропорционально количеству слогов в ней. Но исследуемый показатель не подчиняется этому принципу. Табл. 3 показывает, насколько в среднем удлинилась ритмогруппа из большего количества слогов по отношению к односложной.

Таблица 3

	2 сл.	3 сл.	4 сл.	5 сл.	6 сл.	7 сл.	8 сл.
Команды, %	9	17	16	47	94		
Приказы, %	20	34	51	50	55	232	208
Распоряжения, %	24	63	81	105	153	175	216

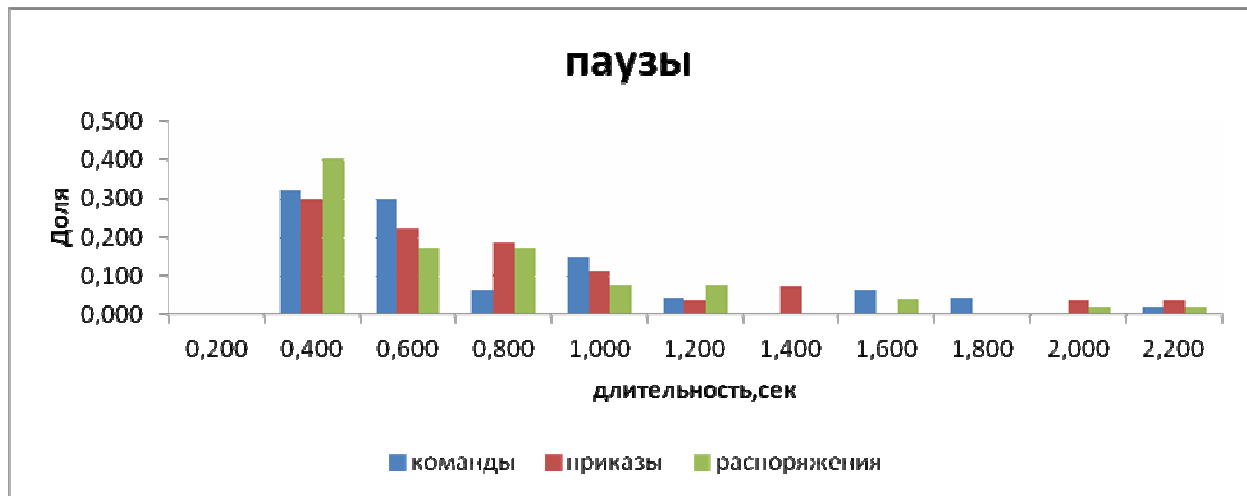
К примеру, ритмогруппа команд из 4 слогов удлинилась лишь на 16% вместо ожидаемых 400%.

Следует отметить, что при появлении вариантов ритмогрупп с одним и тем же количеством слогов, но с разным числом ударных слогов (с ударением второй и третьей степени) изменялась и длительность ритмогрупп (например, слоги USUUU и USUU(S), UUUUS и U(S)US и т. п., где S – ударный слог, U – безударный). Слоги, несущие ударение второй степени, добавляли к длительности ритмогруппы в среднем 30,3% в командах, 39% в приказах и 10,8% в распоряжениях. Слоги с ударением третьей степени, довольно широко представленные в распоряжениях, – в среднем еще 7%.

Следующим объектом исследования стали паузы. Для приказов, команд и распоряжений была собрана информация о количестве и длительности пауз, вычислен коэффициент длительности звучания как отношение длительности всего высказывания к длительности фонационного периода высказывания. На основе полученных данных было установлено следующее.

Для команд, приказов и распоряжений доля высказываний с паузами по отношению к доле высказываний без пауз оказалась примерно одинаковой – 23,5, 22,7 и 24,7% соответственно. Гипотеза о том, что процент высказываний с паузами не является дистинктивным признаком той или иной изучаемой разновидности высказываний, была проверена инструментом математической статистики «формула сравнения долей» [5]. Расхождения в долях высказываний с паузами оказались несущественными, так как для всех разновидностей высказываний разность между долями оказалась менее трехкратного значения квадратичного отклонения доли.

Распределение пауз по длительности проиллюстрировано на гистограмме (см. рисунок).

Очевидно, что наиболее часто встречаются паузы от 0,3 до 0,8 сек. В ходе попарных сравнений с использованием формулы сравнения долей (команды и приказы, приказы и распоряжения, команды и распоряжения) было установлено, что для всех разновидностей высказываний колебания долей пауз по длительности не являются существенными.

Данные для коэффициента звучания представлены в табл. 4, демонстрирующей распределение показателя по интервалам-«карманам»:

Таблица 4

«Карманы» коэффициента звучания	Количество случаев использования пауз		
	Команды	Приказы	Распоряжения
1,0	114	78	116
1,2	10	7	15
1,4	11	7	13
1,6	4	6	6
1,8	2	0	1
2,0	3	2	1
2,2	2	0	0
2,4	1	1	1
2,6	0	0	1
2,8	0	0	0
3,0	1	0	0

Как следует из таблицы, для всех разновидностей высказываний наиболее характерен коэффициент звучания значением до 1,6.

Полученные данные были проверены статистическим инструментом «квадратичное отклонение разности» [6]. Данный инструмент предоставляет возможность сравнить средние значения (частоты) в разных выборках и установить, существенны ли расхождения между ними. В случае, если разность двух средних частот более чем в три раза превосходит ее квадратичное отклонение, гипотеза о несущественности расхождения частот отвергается. И снова вычисления показали, что расхождения частот несущественны (табл. 5):

Таблица 5

	Команды и приказы	Приказы и распоряжения	Команды и распоряжения
X1 ср-X2ср	0,027	0,011	0,038
E	0,034	0,027	0,031
Различие существенно (X1 ср - X2ср) > 3E «1» если истина, «0» если ложь	0	0	0

Также случаи высказываний с паузами были подвергнуты семантической интерпретации с целью установления зависимости длительности паузы от смысла высказывания. В приведенных ниже примерах номер в скобках соответствует номеру в корпусе примеров для исследования.

В **командах** короткие паузы (0,3–0,4 сек.) используются

– в случаях обращения к подчиненному, сопровождаемого командой *“Officer, (PAUSE) out of here with me”* (№ 104);

– для усиления эффекта побуждения – повтор одной и той же команды, дословно или через синонимы в случае, когда она немедленно не была выполнена (к задержанному: *“Turn around. (PAUSE) Turn around!”* (№ 213), при задержании: *Freeze! (PAUSE) Everybody freeze! (PAUSE) Nobody move!* (№ 237);

– в серии команд, предполагающих действия, следующие одно за другим: *Turn round (PAUSE) and spread your legs (PAUSE)* (№ 159);

– в экстренной ситуации, при быстром темпе речи, вызванном спешкой: *Vargus, get out, get out. (PAUSE) Abort!* (№323).

Паузы длительностью 0,4–0,7 сек. малочисленны, сфера их применения следующая:

– клишированные формулы, произносимые при задержании вместе с приказом или вместо приказа всем оставаться на местах: *Police! (PAUSE) You’re under arrest!* (№ 265);

– рематическая кульминация: *Come quietly or there will be (PAUSE) trouble* (№ 155);

– в серии команд, предполагающих действия, следующие одно за другим (дозированные инструкции): *Throw down your weapon (PAUSE) and come out with your hands up* (№ 315);

– при скандированном произнесении команды (в случае раздражения говорящего): *Get (PAUSE) back (PAUSE) in line!* (№9b).

Долгие паузы 0,8–1,2 сек. встречаются в следующих случаях:

– при произнесении команд, предполагающих действия, следующие одно за другим (дозированные инструкции): *Freeze! (PAUSE) Identify yourself* (№ 43); *Ten-hut! (PAUSE) Be seated.* (№ 333);

– для усиления эффекта побуждения при обращении к подчиненным: *let’s get him. (PAUSE) Let’s go* (№ 86) (= *Go and get him!);

– в серии команд при обращении к разным лицам: *Mrs Feldman, stay with the car.* (PAUSE) *Zed, Sweetchuck, follow me.* (№ 91).

Сверхдолгие паузы (длительностью свыше 1,2 сек.) встречаются в сериях команд, когда говорящий сперва должен убедиться, что слушающий выполнил желаемое действие:

– при задержании: *Freeze!* (PAUSE) *Drop it.* (№ 50), *Don't move!* (PAUSE) *Turn over* (№ 216);

– в рабочих ситуациях, при построении личного состава и т. д.: *Attention!* (PAUSE) *Dismissed.* (№ 47), *Atten-hut!* (PAUSE) *Dismissed.* (№ 11) – Эквиваленты русских «Равняйся, смирно! Вольно!».

Проанализируем ситуацию с **приказами**. Короткие паузы (0,3–0,4 сек.) применяются:

– для усиления эффекта побуждения при обращении к подчиненным: *Shut up.* (PAUSE) *You shut your mouth once and for all.* (№ 270);

– в высказываниях, предполагающих действия, следующие одно за другим (дозированные инструкции): *Come to the main gate, alone and unarmed* (PAUSE) *and bring the piece of mint paper* (№ 306).

Паузы средней длительности (0,4–0,8 сек.) немногочисленны и представлены:

– сочетанием приказа с обращением: *Leon,* (PAUSE) *pick him up* (№149);

– для усиления эффекта побуждения при повторном обращении к подчиненным, когда требование не выполнено немедленно: *I want you out of here!* (PAUSE) *Get out of here, you degenerate!* (№ 255);

– в высказываниях, предполагающих действия, следующие одно за другим (дозированные инструкции): *get the furniture back up there* (PAUSE) *and get out of the area* (№21) – приказ полицейского мародерам.

Паузы длительностью свыше 1,2 сек. применяются в ситуациях, когда указание не выполнено сразу же: *The keys, Foley.* (PAUSE) *Give me the fucking keys* (№ 135).

Рассмотрим ситуацию с **распоряжениями**. Короткие паузы (0,3–0,4 сек.) используются:

– в высказываниях, предполагающих действия, следующие одно за другим (дозированные инструкции): *Study these men very carefully.* (PAUSE) *Then tell us if you see the man who robbed your store* (№ 45);

– внесение уточнения/дополнения в указания: *Have 'em followed.* (PAUSE) *Don't do anything. Just call me with their location* (№ 388);

– при повторном обращении для усиления эффекта побуждения: *Everybody stop what you're doing please!* (PAUSE) *Stop it.* (№ 246) – полицейский, прибывший на стройплощадку для расследования происшествия.

Паузы средней длины (0,5–0,8 сек.) встречались в следующих случаях:

– обращение: *You guys.* (PAUSE) *I want you guys to start the beach.* (№ 99);

– уточнение: *We don't see him there,* (PAUSE) *we'll start northside 'n' work our way here.* (№ 99);

– серия из нескольких инструкций: *Get over here, I'm undercover.* (PAUSE) *And please call off your dogs* (№ 407).

Длинные паузы (0,8–1,2 сек.):

– обращение: *Rosewood,* (PAUSE) *take Mr Foley over to the courthouse and let him arrange for bail* (№ 204);

– внесение уточнения/дополнения в указания: *Just don't do a damn thing.* (PAUSE) *Stay outta this* (№197).

Сверхдлинные паузы (свыше 1,2 сек.):

– обращение: *Rosewood,* (PAUSE) *take Detective Foley back to 'is hotel room, watch 'im pack an' escort 'im to the city limits.* (№ 222);

– внесение уточнения/дополнения в указания: *If these two cadets give you an order,* (PAUSE) *obey it* (№ 6).

Для удобства полученные данные собраны в табл. 6:

Таблица 6

Паузы	Разновидность высказывания		
	команда	приказ	распоряжение
Короткие	О, ∞, ↑, !	∞, ↑	+, ∞, ↑
Средние	К, Р, ∞, С	О, ∞, ↑	О, +
Длинные	∞, ↑, А/В	–	О, +
Сверхдлинные	1,2	↑	О, +

Расшифровка символов:

Р – рема	С – скандирование	А/В – к разным лицам	↑ – усиление побуждения
К – клише	О – обращение		в т. ч. при невыполнении
! – экстренная ситуация	1, 2 – одно действие только после другого	+ дополнение/ уточнение	∞ – предполагается выполнение действий одного за другим

Очевидно, что в распоряжениях наблюдается относительная стабильность в использовании пауз. Чаще всего паузируются высказывания, в которых вносится дополнение или уточнение, чуть реже пауза следует за обращением. В командах чаще всего паузы встречаются в ситуациях, в которых реакцией на побуждение должны быть несколько выполненных одно за другим действий. Реже паузы встречаются в командах с усилением побуждения. Приказы чаще всего паузируются в случаях с усилением побуждения, реже – в высказываниях, в которых предполагается выполнение действий одного за другим.

Подводя итоги на данном этапе исследования, можно отметить следующие характерные особенности команд, распоряжений и приказов.

Во-первых, показатели «количество ударных слогов» и «количество ритмогрупп» являются значимыми для команд по сравнению с приказами и распоряжениями, но нерелевантны при различии приказов и распоряжений между собой. Этому можно найти объяснение, учитывая преобладающие типы ритмогрупп для каждой разновидности высказываний. В командах 90% ритмогрупп состоят из 1–3 слогов, в приказах и распоряжениях таких ритмогрупп 56 и 31% соответственно, тогда как остальные ритмогруппы состоят из 4–12 слогов, где присутствуют ударения второй и даже третьей степени. Это, в свою очередь, приводит к несовпадению количества ударных слогов с количеством ритмогрупп.

Во-вторых, изучение показателя «длительность ритмогруппы» методом статистики показало отсутствие статистически значимого различия между исследуемыми высказываниями. Также расхождения между приказами, командами и распоряжениями признаны статистически несущественными по следующим показателям: доля высказываний с паузами по отношению к высказываниям без пауз, колебания долей пауз разной длительности, коэффициент звучания.

Полученные результаты можно трактовать следующим образом: все исследуемые разновидности высказываний отличает четкость и относительная краткость. Учитывая небольшую продолжительность звучания, продиктованную смыслом высказываний и поставленной говорящим задачей – побудить к действию, объясняется отсутствие значимых различий в длительности ритмогрупп и схожесть в природе паузации. Во внимание следует принять выявленные различия в семантике высказываний, содержащих паузы.

Примечания

1. Темпоритмические особенности высказываний «команда», «приказ», «распоряжение» в современном английском языке // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2014. № 2(27). С. 242–247.

2. Киселева Л. А. Вопросы теории речевого воздействия. Л.: Изд-во ЛГУ, 1978. С. 51.

3. Головин Б. Г. Язык и статистика. М.: Просвещение, 1971. С. 37.

4. Там же. С. 45–46.

5. Там же. С. 37.

6. Там же. С. 44.

Notes

1. *Temporitmicheskie osobennosti vyskazyvanij «komanda», «prikaz», «rasporyazhenie» v sovremennom anglijskom yazyke* - Rhythmic features of speech "command", "order", "direction" in modern English // *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* - Herald of the Irkutsk State Linguistic University. 2014, No. 2(27), pp. 242-247.

2. Kiseleva L. A. *Voprosy teorii rechevogo vozdejstviya* [Theory of speech influence]. Leningrad. Publ. of Leningrad State University. 1978. P. 51.

3. Golovin B. G. *Yazyk i statistika* [Language and statistics]. Moscow. Prosveshchenie. 1971. P. 37.

4. Ibid. Pp. 45-46.

5. Ibid. P. 37.

6. Ibid. P. 44.

Совершенствование языковой подготовки кадров высшей квалификации

В статье рассматривается процесс модернизации обучения иностранным языкам в аспирантуре. Предложен ряд мер по оптимизации кандидатского курса, в том числе таких как проведение анализа потребностей слушателей, разработка модуля по практике профессионального общения, использование проектной методики, активное совершенствование устной речи. Представлены практические результаты предложенных мер. Рассматриваются преимущества модульного обучения иностранным языкам в аспирантуре, позволяющие активизировать и индивидуализировать процесс обучения. На основе проведенного анализа потребностей сформулированы частные задачи для модуля по практике профессионального общения, способствующие совершенствованию продуктивных видов речевой деятельности. Подчеркивается мотивирующий характер модульной организации обучения. Предложен ряд упражнений по развитию устной речи аспирантов, нацеленный на реализацию практической цели – успешное общение в профессиональной среде.

The article deals with challenges facing PhD course of foreign languages. A number of opportunities for the course improvement are suggested, such as needs analysis, design of a professional communication module, use of the project method, emphasis on the development of speaking skills. The practical implementations of the suggested measures are described. The advantages of modules for the PhD course are considered, such as increased motivation and individual character of the training process. Based on the results of the needs analysis specific aims for the professional communication module are determined. A set of exercises for speaking skills development are proposed. The purpose of the exercises is to facilitate the professional communication.

Ключевые слова: английский язык для аспирантов, анализ потребностей, модуль, профессиональное общение, метод проектов, устная речь.

Keywords: PhD course of English, needs analysis, module, professional communication, project method, speaking skills.

Обучение английскому языку молодых ученых выходит в настоящее время на новый уровень. Это уже не столько работа с текстами, лексическими единицами, грамматическими явлениями и совершенствование имеющихся умений во всех видах речевой деятельности, сколько практическая реализация накопленного багажа и новые формы работы, в которых язык – это не цель, а средство достижения профессионального успеха.

Условия, в которых учатся и работают аспиранты, существенно изменились за последние несколько лет. Изменения коснулись, прежде всего, самого статуса молодого ученого. Современные ученые должны быть специалистами не только в своем регионе, но и в мировом научном сообществе. Это обусловлено открытостью и доступностью информации о научных достижениях, образованием глобальных баз цитирования, развитием академической и профессиональной мобильности. Кроме того, в требованиях новых ФГОС для подготовки кадров высшей квалификации отражены следующие универсальные компетенции, которыми должен обладать выпускник, освоивший программу аспирантуры: «готовностью участвовать в работе российских и международных исследовательских коллективов по решению научных и научно-образовательных задач (УК-3); готовностью использовать современные методы и технологии научной коммуникации на государственном и иностранном языках (УК-4)» [1]. Таким образом, процесс обучения иностранным языкам в аспирантуре также претерпевает изменения. Кафедры иностранных языков с различной долей энтузиазма внедряют ново-

введения, на что есть много причин. Тем не менее даже неязыковые вузы уделяют все больше внимания владению и активному использованию аспирантами иностранных языков, поощряют использование преподавателями современных технологий.

В свою очередь, преподаватели кафедры иностранных языков, работающие с аспирантами, должны иметь четкое представление о потребностях молодых ученых в иностранном языке. В настоящее время будет неверным строить курс только на чтении и переводе специальной литературы. Ведь использование иностранного языка не ограничивается кандидатским экзаменом. На наш взгляд, для повышения эффективности курса иностранного языка целесообразно проводить анализ потребностей аспирантов в использовании иностранного языка. В отечественной науке проблема диагностики языковых потребностей наиболее полно рассмотрена Е. Г. Беляевой [2], которая доказала необходимость комплексного исследования языковых потребностей в целях оптимизации разработки учебных программ и курсов обучения иностранному языку. Одним из путей определения языковых потребностей является анкетирование. В анкету включаются вопросы о наиболее востребованных видах речевой деятельности в профессиональной деятельности аспирантов, самых распространенных формах общения на иностранном языке, с которыми им приходится сталкиваться, а также об имеющихся пробелах в языковом образовании. Анализ анкет поможет скорректировать курс иностранного языка в соответствии с потребностями аспирантов или разработать специальный модуль в рамках курса.

По результатам анкетирования, которое проводилось среди аспирантов Горного университета в 2013 и 2014 гг., выяснилось, что основными сферами применения английского языка являются следующие:

- 1) подготовка статей и аннотаций к ним для публикации в зарубежных сборниках;
- 2) подготовка докладов и презентаций, выступление с ними с последующим обсуждением на международных научных конференциях;
- 3) оформление документов (заявок, анкет и др.) на получение и участие в грантах;
- 4) устное общение с зарубежными коллегами, собеседование с представителями зарубежных университетов и компаний при прохождении, например, конкурсного отбора для участия в совместных проектах.

Как выяснилось в ходе дальнейшего анализа, наибольшую трудность для аспирантов представляют выступление с презентацией на конференции и прохождение собеседования. В качестве основной причины был указан психологический дискомфорт во время публичного выступления, т. е. волнение, которое мешает чувствовать себя свободно и применить все приемы успешной презентации. Кроме того, аспиранты боятся не понять вопросы, которые им могут задать.

Определившись с основными потребностями и проблемами, был разработан модуль «Практика профессионального общения», нацеленный на развитие умений устной речи и работы с презентацией, а также аудирования. Это решение было принято по согласованию с аспирантами, т. е. часть ответственности за результаты обучения эксплицитно легла на них. За счет этого была повышена мотивация аспирантов к совершенствованию умений устной речи. Еще одной причиной усиления мотивации стала возможность практического применения умений в ближайшем будущем. Кроме того, повысились объем и качество выполняемой самостоятельной работы. Модульное обучение было выбрано по следующим причинам:

- 1) строится на принципах компетентностного подхода, вобравшего в себя все прогрессивные наработки личностно-деятельностного подхода;
- 2) стимулирует активность аспирантов, обеспечивает ценностно-рефлексивное взаимодействие в организации иноязычного общения;
- 3) обладает большим потенциалом для индивидуализации обучения за счет актуального содержания, проблемности, а также опоры на жизненный опыт.

Кроме того, модуль дает возможность уровневой организации материала.

Что касается определения модуля в методической литературе, то общей чертой в них является идея определенной автономности образовательного модуля, его тематической замкнутостью, а с другой стороны, – идея вхождения модуля как части в определенное целое. Несомненно, модуль должен вписываться в рамки всего кандидатского курса, с одной стороны, и решать конкретные частные задачи – с другой.

По результатам данных анализа потребностей были сформулированы следующие частные задачи модуля:

- 1) уметь излагать точку зрения по научной проблеме в устной и письменной форме;
- 2) уметь реагировать на высказанное мнение по научной тематике в устной и письменной форме;
- 3) читать оригинальную литературу на английском языке и извлекать информацию при помощи создания вторичного текста – аннотации, реферата, перевода.

Для решения задач по развитию устной речи используются различные методические приемы, такие как формулировка дефиниций, устный анализ цифровых значений статистических данных, импровизация и другие. Они позволяют наиболее эффективно сформировать навыки и развить умения устного общения с учетом ограниченных временных возможностей кандидатского курса по иностранному языку. Особое внимание уделяется самостоятельной работе аспирантов. В результате аспиранты становятся активными участниками образовательного процесса, способными непосредственным образом влиять на него.

Одним из современных методов обучения является метод проектов. Поскольку диссертационная работа – это большой проект, над которым аспиранты работают несколько лет, то этот вид работы хорошо им знаком и понятен. Поэтому вполне естественно и закономерно применять метод проектов при обучении иностранному языку аспирантов. На наш взгляд, он будет максимально эффективным еще и потому, что в процессе выполнения проектных заданий в группе устанавливаются отношения партнерства и сотрудничества, формируется благоприятный психологический климат. Проектная методика реализуется в заданиях на поиск иноязычной информации, ее переработку и подготовку окончательного продукта в виде схемы, диаграммы, таблицы или презентации с обязательным устным предъяснением. Несомненно, при организации проектных заданий следует в первую очередь принимать во внимание профессиональные интересы аспирантов и возможность использования приобретенных умений в профессиональной деятельности. Проектная методика показывает наибольшую эффективность при установке на практическое владение иностранным языком как средством общения.

В процессе работы над проектом практическая деятельность и опыт выходят на передний план, а иностранный язык становится средством приобретения новых знаний в сфере профессиональной специализации и формирования различного рода умений. Проекты интегрируют специальность и иностранный язык. Иностранный язык перестает быть предметом, имеющим отдаленное (если вообще какое-то) отношение к профессии, а становится инструментом для профессионального роста. Кроме того, у аспирантов появляется свобода выбора в источниках информации, что индивидуализирует процесс обучения.

При работе с зарубежными источниками аспиранты зачастую довольно хорошо переводят тексты по специальности, поскольку тематика им хорошо знакома. С запоминанием терминов также дело обстоит неплохо. Наиболее актуальной задачей является, на наш взгляд, развитие иноязычной устной речи.

Как известно, произносить речь совсем не трудно: требуется только говорить нужные слова в нужное время по нужному адресу. Однако ограниченные возможности не позволяют развивать навыки и умения иноязычного устного общения вне языковой среды.

Каким образом можно подготовить аспиранта к выступлению? Здесь, конечно, не обойтись без упражнений по ораторскому искусству. Ниже представлены простые, но эффективные упражнения, доказавшие свою действенность на практике.

1. Передача смысла прочитанного. После прочтения текста и предварительного снятия лексических и грамматических сложностей, следующим этапом работы с текстом является обсуждение. Простой по форме вопрос *What is this text about?* очень часто вызывает затруднения, так как непросто по содержанию и требует мыслительных операций анализа и синтеза. Особенно тяжело приходится студентам, если есть ограничение по количеству предложений в ответе. Но это очень полезное упражнение, поскольку в ходе его выполнения речь и мышление связаны самым непосредственным образом.

2. Выделение ключевых слов (опор) с дальнейшим пересказом прочитанного. При выполнении этого упражнения аспиранты учатся выделять и фиксировать главное. Они строят каркас своего выступления, что позволяет не намертво цепляться за имеющуюся фразу, а достаточно свободно формировать ее.

3. Определение понятий, формулировка дефиниций. Упражнение в разработке определений очень важно для оратора. Он должен уметь быстро и точно постигать суть явления, предмета, если в дискуссии ему будет предложено дать разъяснение какого-нибудь предмета или слова.

4. Рассказ. Достаточно сложно на иностранном языке увлекательно рассказать о каком-либо случае, событии. Поэтому целесообразно начинать с облегченного варианта – попросить аспирантов рассказать, что они делали сегодня или вчера. Хорошее упражнение на концентрацию внимания – это устный обзор дня, когда студенты должны рассказать в течение пяти минут о наиболее существенных итогах дня.

5. Упражнения на развитие умения выразить свою точку зрения. Это умение широко востребовано в повседневной жизни и в академической деятельности аспирантов. Наверное, поэтому сформированность данного умения тщательно проверяется в ходе различных международных

языковых экзаменов. Развивать умение сформулировать собственную точку зрения можно при помощи подготовки сообщений длительностью от одной до трех минут на определенную тему: профессиональные амбиции, внедрение результатов исследования и т. д.; вначале с использованием ключевых слов, а затем без них. Также можно предложить определить свою точку зрения на содержание статьи, взятой с англоязычного новостного сайта.

6. Подготовка сообщения на основе статистических данных (цифровых значений) собственного диссертационного исследования. Цель задания – объяснить числовые значения, выявляя тенденции и закономерности.

Рассмотренные упражнения имеют много достоинств, а также могут быть модифицированы в зависимости от стоящей задачи, но главное, что они развивают, – это умение размышлять, рассуждать, делать свою речь осмысленной.

Таким образом, учитывая потребности современных молодых ученых, необходимо сделать акцент на более активном совершенствовании продуктивных видов речевой деятельности на иностранном языке. Анализируя современные условия, в которых ведется подготовка кадров высшей квалификации, необходимо подчеркнуть, что:

1) анализ потребностей может с успехом применяться в целях оптимизации курса иностранного языка для аспирантов;

2) наряду с обучением письменной коммуникации необходимо уделять больше внимания развитию устной речи аспирантов;

3) модульное обучение аспирантов обеспечивает возможность уровневой организации учебного процесса, что соответствует международным стандартам.

Примечания

1. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования, уровень высшего образования, подготовка кадров высшей квалификации. Направление подготовки 21.06.01 геология, разведка и разработка полезных ископаемых. Утв. приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 30 июля 2014 г. № 886.

2. *Беляева Е. Г. Теория и практика лингвистического аудита как новой технологии диагностики языковых потребностей в контексте корпоративного обучения иностранному языку: дис. ... канд. пед. наук. М., 2006.*

Notes

1. Federal state educational standard of higher education the higher education, level of the higher education, the training of highly qualified personnel, training course 21.06.01 Geology, exploration and development of mineral resources. Approved by order of the Ministry of education and science of the Russian Federation from July 30, 2014 No. 886. (in Russ.)

2. *Belyaeva E. G. Teoriya i praktika lingvisticheskogo audita kak novoj tekhnologii diagnostiki yazykovykh potrebnostej v kontekste korporativnogo obucheniya inostrannomu yazyku: dis. ... kand. ped. nauk [Theory and practice of linguistic audit as a new technology to diagnose language needs in the context of corporate learning a foreign language: dis. ... Cand. ped. sciences]. Moscow. 2006.*

УДК 378+37.0+39

Т. Н. Кондратьева

Анализ современных нормативно-правовых источников в контексте этнокультурной проблематики в образовании*

В статье рассматривается проблема развития современного этнокультурного образования в условиях реформирования системы профессионального образования. Анализ современных нормативно-правовых источников позволил сформулировать ряд актуальных тенденций, направленных на развитие личности с учетом национальных традиций и идеалов, воспитание культуры национального самосознания и межнациональных отношений.

* Статья подготовлена в рамках исследовательского гранта НШ–2486.2014.6

The article considers the problem of development of modern ethno-cultural education in the conditions of reforming of system of professional education. Analysis of the current legal sources has allowed us to formulate a number of current trends aimed at personality development, taking into account national traditions and ideals, the culture of national identity and international relations.

Ключевые слова: реформа образования, нормативно-правовая база, система высшего образования, компетентностный подход, педагогическое образование, гражданско-патриотическое воспитание, межэтническая толерантность, национальное самосознание, этническая идентичность, этнокультурная компетентность.

Keywords: education reform, the legal framework, higher education, competence-based approach, teacher education, civil-Patriotic education, inter-ethnic tolerance, national identity, ethnic identity, ethnic and cultural competence.

Идея этнокультурного образования с разных сторон охватывает проблемы воспитания личности в духе национальных традиций, материальной и духовной культуры, толерантных установок межкультурной коммуникации. Формирование этнокультурной компетентности человека происходит в течение всей его жизни, но наиболее активно – в специально организованных условиях образовательного учреждения [1].

Усиление этнокультурного компонента в содержании образования считается одним из важных педагогических нововведений в обучении и воспитании подрастающего поколения. При этом «воспитание» как ключевая категория выступает как естественная форма деятельности и поведения. В процессе воспитания учитываются психологические особенности представителей различных этнических групп, что важно при формировании индивидуальной образовательной-воспитательной траектории не только ребенка, но и взрослого. Национальное воспитание выступает не только фактором повышения воспитательного влияния на отдельно взятую личность, но и средством успешного развития нации в целом [2].

Этот факт закреплен в ряде документов, принятых в нашей стране в последние годы.

Проведенный в рамках исследования анализ нормативно-правовых источников подтвердил усиление внимания к этнокультурному образованию и показал динамику изменения отношения к данной проблеме.

1. *Федеральная целевая программа развития образования на 2011–2015 гг.* [3] Целью Программы является обеспечение доступности качественного образования, соответствующего требованиям инновационного социально ориентированного развития Российской Федерации.

Задачи Программы:

- модернизация общего и дошкольного образования как института социального развития;
- приведение содержания и структуры профессионального образования в соответствие с потребностями рынка труда;
- развитие системы оценки качества образования и востребованности образовательных услуг.

На первом этапе (2011–2013 гг.) в соответствии с мероприятиями Программы были сформированы стратегические проекты развития образования, включающие в себя ряд новых взаимоувязанных направлений. Эти проекты были реализованы субъектами Российской Федерации, образовательными и иными учреждениями и организациями при федеральной поддержке с участием профессионального педагогического сообщества.

В результате выполнения первого этапа были получены устойчивые модели для дальнейшего массового внедрения преобразований и оценки их результативности, разработаны сценарии для различных типов образовательных учреждений, регионов и социально-экономических условий.

На втором этапе (2014–2015 гг.) предстоит завершить начатые на первом этапе стратегические проекты, обеспечив последовательные изменения в сфере образования на всей территории Российской Федерации. На этом этапе будут сформированы новые модели управления образованием в условиях широкомасштабного использования информационно-телекоммуникационных технологий, а также определены основные позиции по целям и задачам федеральной целевой программы развития образования на следующий период.

В рамках подпрограммы «Развитие профессионального образования» был предпринят ряд шагов по содержательной модернизации профессионального образования, по повышению его качества, по интеграции российского профессионального образования в международное образовательное пространство. В первую очередь речь идет о вхождении России в Болонский процесс, повышении гибкости образовательных программ, преодолении ранней узкой специализации, внедрении федеральных государственных образовательных стандартов профессионального об-

разования. Эти стандарты предусматривают большую самостоятельность образовательных организаций, возможность индивидуализации.

Выраженной тенденцией развития кадрового потенциала организаций и предприятий становится создание собственных центров и программ обучения персонала. Как показывают проведенные исследования, 66% работодателей предпочитают доучивать и переучивать своих работников на базе собственных образовательных подразделений. В целом такое положение отвечает мировой тенденции повышения роли внутрифирменной подготовки сотрудников. Программа обеспечит повышение роли корпоративной подготовки, установление более тесной связи профессионального образования с субъектами спроса на рынке труда.

В результате реализации Программы сеть учреждений и организаций профессионального образования приобретет структуру, соответствующую реалиям экономики знаний. Она будет включать ведущие исследовательские университеты (40–60 вузов), являющиеся двигателями развития инновационной экономики, опорные вузы региональных экономических систем, обеспечивающие специализированную профессиональную подготовку, и вузы, осуществляющие широкую подготовку бакалавров. Подготовка аспирантов будет сосредоточена в основном в исследовательских университетах. В большинстве вузов наряду с образовательными программами бакалавриата и магистратуры будут реализовываться программы прикладного бакалавриата. К 2020 г. все студенты будут учиться по индивидуальным учебным планам, включающим значительную долю самостоятельной работы с использованием информационных технологий.

Важнейшее место в системе непрерывного образования будет занимать сертификация квалификаций, в том числе полученных путем самообразования.

Задачами подпрограммы «Вовлечение молодежи в социальную практику» стало:

- обеспечение высокого качества российского образования в соответствии с меняющимися запросами населения и перспективными задачами развития российского общества и экономики;
- повышение эффективности реализации молодежной политики в интересах инновационного социально ориентированного развития страны;
- формирование гибкой, подотчетной обществу системы непрерывного образования, развивающей человеческий потенциал, обеспечивающей текущие и перспективные потребности социально-экономического развития Российской Федерации;
- развитие инфраструктуры и организационно-экономических механизмов, обеспечивающих максимально равную доступность услуг дошкольного, общего, дополнительного образования детей;
- модернизация образовательных программ в системах дошкольного, общего и дополнительного образования детей, направленная на достижение современного качества учебных результатов и результатов социализации;
- создание современной системы оценки качества образования на основе принципов открытости;
- объективность, прозрачность, общественно-профессиональное участие; обеспечение эффективной системы по социализации и самореализации молодежи, развитию потенциала молодежи.

2. *Национальная стратегия действий в интересах детей на 2012–2017 гг. (2012)* [4]. В Российской Федерации Национальный план действий в интересах детей был принят в 1995 г. и рассчитан на период до 2000 г. В рамках очередного этапа социально-экономического развития страны актуальным стала разработка и принятие Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 гг. (далее – *Национальная стратегия*).

Главная цель Национальной стратегии – определить основные направления и задачи государственной политики в интересах детей и ключевые механизмы ее реализации, базирующиеся на общепризнанных принципах и нормах международного права.

В Российской Федерации должны создаваться условия для формирования достойной жизненной перспективы для каждого ребенка, его образования, воспитания и социализации, максимально возможной самореализации в социально позитивных видах деятельности.

Необходимо разрабатывать и внедрять формы работы с такими детьми, позволяющие преодолевать их социальную исключенность и способствующие реабилитации и полноценной интеграции в общество.

Обеспечение профессионализма и высокой квалификации при работе с каждым ребенком и его семьей. В Российской Федерации формирование и реализация политики в области детства должны основываться на использовании последних достижений науки, современных технологий, в том числе в социальной сфере. Необходимо обеспечить условия для качественной подготовки и регулярного повышения квалификации кадров во всех отраслях, так или иначе связанных с работой с детьми и их семьями.

В Российской Федерации политика в области детства должна опираться на технологии социального партнерства, общественно-профессиональную экспертизу, реализовываться с участием бизнес-сообщества, посредством привлечения общественных организаций и международных партнеров к решению актуальных проблем, связанных с обеспечением и защитой прав и интересов детей. Необходимо принимать меры, направленные на формирование открытого рынка социальных услуг, создание системы общественного контроля в сфере обеспечения и защиты прав детей.

В реализации Национальной стратегии можно выделить следующие основные направления: семейная политика детствосбережения; доступность качественного обучения и воспитания, культурное развитие и информационная безопасность детей; здравоохранение, дружественное к детям, здоровый и безопасный образ жизни; равные возможности для детей, нуждающихся в особой заботе государства; создание системы защиты и обеспечения прав и интересов детей и дружественного к ребенку правосудия; дети – участники реализации Национальной стратегии.

В качестве мер, направленных на формирование безопасного и комфортного семейного окружения для детей, названы:

- разработка и принятие программы, пропагандирующей ценности семьи, приоритет ответственного родительства, защищенного детства, нетерпимость ко всем формам насилия и телесного наказания в отношении детей через средства массовой информации, систему образования, социальной защиты, здравоохранения и культуры;

- формирование полноценной системы подготовки и повышения квалификации специалистов, работающих с детьми и в интересах детей, и др.

Низкий уровень этического, гражданско-патриотического, культурно-эстетического развития различных категорий детей приводит к возникновению в подростковой среде межэтнической и межконфессиональной напряженности, ксенофобии, к дискриминационному поведению детей и подростков, агрессивности, травле сверстников и другим асоциальным проявлениям.

В качестве основных задач решения вышеперечисленных проблем называются:

- формирование новой общественно-государственной системы воспитания детей, обеспечивающей их социализацию, высокий уровень гражданственности, патриотичности, толерантности, законопослушное поведение;

- организация профилактики межэтнической, межконфессиональной и социально-имущественной напряженности в образовательной среде в соответствии с современными вызовами.

Меры, направленные на развитие воспитания и социализацию детей:

- разработка общенациональной стратегии развития воспитания как основы реализации государственной политики;

- обеспечение развития научных основ воспитания и социализации подрастающих поколений;

- внедрение современных программ гражданско-патриотического воспитания, направленных на формирование российской гражданской идентичности, культуры толерантности, социальной компетентности в сфере этнического и межконфессионального взаимодействия, готовности к защите Отечества и позитивного отношения у молодых людей к службе в рядах Вооруженных Сил РФ;

- нормативное урегулирование ресурсного обеспечения воспитательной деятельности (материально-технического, финансового, кадрового, информационно-методического) и организации контроля за условиями, созданными в образовательных учреждениях для воспитания и социализации детей;

- обеспечение проведения комплексной профилактики негативных явлений в детской среде; обновление форм и методов борьбы с детской безнадзорностью, наркоманией, алкоголизмом, преступностью, проституцией; разработка эффективных механизмов профилактики девиантного поведения детей;

- внедрение эффективных механизмов сотрудничества органов управления образованием, гражданского общества, представителей различных конфессий, средств массовой информации, родительских сообществ в области воспитания и социализации детей.

За последние годы в связи с глобализацией отмечается увеличение количества разного рода исследований, цель которых – выявить как универсальные, общие для всех, так и специфические особенности развития человека под влиянием социальных, культурных, этнических, экологических и других факторов [5]. Ожидаемым результатом является стимулирование интереса детей к историческому и культурному наследию России, многообразию культур различных народностей и этносов, религий; увеличение вариативности программ дополнительного образования, реализуемых музеями и культурными центрами; рост посещаемости детских библиотек, музеев, культурных центров, театров и др.

3. Доклад Правительства Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации о реализации государственной политики в сфере образования (2014) [6]. В системе профессионального образования приоритетами государственной политики являются повышение результативности деятельности образовательных организаций высшего образования с учетом их специализации, эффективное взаимодействие организаций высшего и среднего профессионального образования и работодателей. Основными направлениями планируемых изменений в сфере профессионального образования являются:

– реструктуризация сети образовательных организаций высшего образования посредством мониторинга эффективности деятельности образовательных организаций высшего образования, оптимизации сети образовательных организаций высшего образования, поддержки группы ведущих университетов и региональных образовательных организаций высшего образования;

– модернизация содержания высшего образования, включая оптимизацию перечня направлений подготовки и специальностей, модернизацию федеральных государственных образовательных стандартов;

– совершенствование финансовых инструментов развития высшего образования и социальной поддержки студентов, в том числе реализация новых принципов распределения контрольных цифр приема граждан на обучение по образовательным программам высшего образования, развитие педагогического образования, сближение программ профессионального образования с реальными потребностями работодателей через внедрение программ прикладного бакалавриата, стимулирование работодателей к созданию образовательных организаций профессионального образования, в которых предусмотрено совмещение теоретических знаний с практическим обучением на предприятиях, и др.

Работа Министерства образования и науки Российской Федерации, региональных органов, осуществляющих управление в сфере образования, строится также в соответствии с основными документами стратегического планирования. Это государственная программа Российской Федерации «Развитие образования» на 2013–2020 гг., план деятельности Министерства образования и науки Российской Федерации на 2013–2018 гг.

Государственная программа Российской Федерации «Развитие образования» на 2013–2020 гг. реализуется с 2013 г. Одна из главных задач государственной программы – формирование гибкой, подотчетной обществу системы непрерывного образования, развивающей человеческий потенциал, обеспечивающей текущие и перспективные потребности социально-экономического развития Российской Федерации.

Методическое обеспечение стратегического планирования в сфере образования на уровне субъектов Российской Федерации, государственная программа в субъектах Российской Федерации в 2013 г. реализованы через систему «дорожных карт». Во всех регионах России также разработаны и утверждены региональные планы мероприятий («дорожные карты»), направленные на повышение эффективности образования.

С 2014 г. предусмотрена разработка и реализация мероприятий по повышению эффективности бюджетных расходов и качества услуг в сфере образования за счет оптимизации сети образовательных организаций и образовательных программ с учетом особенностей образовательных организаций, существующей структуры региональной системы образования и перспектив ее развития с учетом социально-экономического развития региона до 2020 г. и в последующие годы. Заключены соглашения, в соответствии с которыми закреплены обязательства регионов в части достижения целевых показателей.

Таким образом, в проанализированных нормативно-правовых документах прослеживается акцент на разработке общенациональной стратегии развития образования как основы реализации государственной политики в РФ. Центральным звеном намечаемой стратегии выступает этнокультурная подготовка как необходимая составляющая содержания современного профессионального образования.

Примечания

1. Кондратьева Т. Н. Педагогический профессионализм в контексте этнокультурного образования педагога // Педагогический профессионализм в меняющемся образовательном пространстве: монография / под науч. ред. Е. В. Андриенко, Т. А. Ромм; Мин-во образования и науки РФ; Новосиб. гос. пед. ун-т. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2014. С. 194–213.

2. Кондратьева Т. Н. Актуальные тенденции развития экологического воспитания в этнопедагогике коренных народов // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2014. № 9. С. 156–161.

3. Федеральная целевая программа развития образования на 2011–2015 гг. // Сайт Министерства образования и науки РФ. URL: <http://old.mongov.ru/>

4. Национальная стратегия действий в интересах детей на 2012–2017 гг. // Сайт Министерства образования и науки РФ. URL: <http://old.mongov.ru/>

5. Андриенко Е. В. Педагогический профессионализм в контексте профессиональной самоактуализации и социокультурной идентификации // Педагогический профессионализм в меняющемся образовательном пространстве. С. 50–52.

6. Доклад Правительства Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации о реализации государственной политики в сфере образования // Сайт Министерства образования и науки РФ. URL: <http://old.mongov.ru/>

Notes

1. Kondrat'eva T. N. *Pedagogicheskij professionalizm v kontekste etnokul'turnogo obrazovaniya pedagoga* [Pedagogical professionalism in the context of ethno-cultural education of the teacher] // *Pedagogicheskij professionalizm v menyayushchemsya obrazovatel'nom prostranstve: monografiya* - Teacher's professionalism in a changing educational environment: monograph / under the scientific ed. of E. V. Andrienko, T. A. Romm; Min. of education and science of Russian Federation. Novosibirsk. Novosibirsk State Ped. University. Novosibirsk: Publishing house of State Pedagogical University. 2014. Pp. 194-213.

2. Kondrat'eva T. N. *Aktual'nye tendencii razvitiya ehkologicheskogo vospitaniya v etnopedagogike korennyh narodov* [Current trends in environmental education in the indigenous peoples ethnological] // *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta* - Herald of Vyatka State Humanities University. 2014, No. 9, pp. 156-161.

3. Federal target program of education development for 2011-2015 // Website of the Ministry of education and science of the Russian Federation. Available at: <http://old.mongov.ru/> (in Russ.)

4. National strategy of actions in interests of children for 2012-2017 // Website of the Ministry of education and science of the Russian Federation. Available at: <http://old.mongov.ru/> (in Russ.)

5. Andrienko E. V. *Pedagogicheskij professionalizm v kontekste professional'noj samoaktualizacii i sociokul'turnoj identifikacii* [Pedagogical professionalism in the context of professional self-actualization and socio-cultural identification] // *Pedagogicheskij professionalizm v menyayushchemsya obrazovatel'nom prostranstve* - Pedagogical professionalism in a changing educational environment. Pp. 50-52.

6. The report of the Government of the Russian Federation to the Federal Assembly of the Russian Federation on the implementation of the state policy in the field of education // Website of the Ministry of education and science of the Russian Federation. Available at: <http://old.mongov.ru/> (in Russ.)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АВДЕЕВА Людмила Ростиславовна – кандидат философских наук, ст. научный сотрудник кафедры истории русской философии Московского государственного университета. 119991, г. Москва, ГСП-1, Ломоносовский просп., д. 27, корп. 4, философский факультет.

E-mail: alzlot@yandex.ru

БАЕВА Евгения Васильевна – аспирант кафедры романо-германской филологии ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: evgenia.baeva@mail.ru

БЕЛОРУКОВА Мария Валерьевна – ст. преподаватель кафедры иностранных языков Национального исследовательского университета Высшая школа экономики – Нижний Новгород. 603095, г. Нижний Новгород, ул. Львовская, д. 1в.

E-mail: mbelorukova@hse.ru

БЕРДНИКОВА Александра Юрьевна – аспирант кафедры истории русской философии Московского государственного университета. 119991, г. Москва, ГСП-1, Ломоносовский просп., д. 27, корп. 4, философский факультет.

E-mail: alexser015@yandex.ru

БОРОДКИНА Наталия Вячеславовна – кандидат исторических наук, ст. преподаватель кафедры всеобщей истории Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского. 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108.

E-mail: borodkinanv@mail.ru

ВАЛОВА Ольга Михайловна – кандидат филологических наук, доцент по кафедре русской и зарубежной литературы ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: olymihalna@yandex.ru

ВАНЧУГОВ Василий Викторович – доктор философских наук, профессор по кафедре истории русской философии Московского государственного университета. 119991, г. Москва, ГСП-1, Ломоносовский просп., д. 27, корп. 4, философский факультет.

E-mail: vanchugov@gmail.com

ГВОЗДЕВА Екатерина Владимировна – кандидат юридических наук, доцент по кафедре государственно-правовых дисциплин ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: evgvozdeva@mail.ru

ГЕРАСИМОВА Ирина Геннадьевна – кандидат педагогических наук, доцент по кафедре иностранных языков Национального минерально-сырьевого университета «Горный». 199106, г. Санкт-Петербург, 21-я линия, д. 2.

E-mail: irina_spmi@spmi.ru

ГОРБАЧЕВ Кирилл Александрович – аспирант кафедры английской филологии Ивановского государственного университета. 153025, г. Иваново, ул. Ермака, д. 39, корп. 3.

E-mail: kpoet@mail.ru

ГОРЮНОВА Татьяна Александровна – кандидат философских наук, доцент по кафедре философии института истории и культуры ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: tagorunova@inbox.ru

КАРАВАЕВ Илья Владимирович – заместитель начальника правового управления администрации правительства Кировской области, ст. преподаватель кафедры государственного и муниципального управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (филиал в г. Кирове). 610019, г. Киров, ул. К. Либкнехта, д. 69.

E-mail: karavaev-kirov@ya.ru

КАРАЕВ Таймураз Муссаевич – доктор философских наук, профессор по кафедре истории русской философии Московского государственного университета. 119991, г. Москва, ГСП-1, Ломоносовский просп., д. 27, корп. 4, философский факультет.

E-mail: rf@philos.msu.ru

КОНДАКОВА Ирина Александровна – кандидат филологических наук, доцент по кафедре лингвистики и перевода ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: irinakondakova@mail.ru

КОНДРАТЬЕВА Татьяна Николаевна – кандидат педагогических наук, доцент по кафедре педагогики и психологии Института физико-математического и информационно-экономического образования Новосибирского государственного педагогического университета. 630126, г. Новосибирск, ул. Вилюйская, д. 28.

E-mail: Tanita973@list.ru

КОНОВАЛОВА Алла Борисовна – кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой уголовно-правовых дисциплин ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: kaf_upd@vshu.kirov.ru

КУВАКИН Валерий Александрович – доктор философских наук, профессор по кафедре истории русской философии Московского государственного университета. 119991, г. Москва, ГСП-1, Ломоносовский просп., д. 27, корп. 4, философский факультет.

E-mail: humanism@yandex.ru

КУДРИН Егор Иванович – аспирант кафедры новой и новейшей истории Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина. 620002, г. Екатеринбург, просп. Мира, д. 19.

E-mail: egor.kudrin@gmail.com

ЛЕВЧЕНКО Максим Владимирович – кандидат исторических наук, доцент по кафедре гуманитарных наук Набережночелнинского института Казанского федерального университета. 423810, г. Набережные Челны, Новый город, просп. Мира, д. 68/19.

E-mail: minos201200@mail.ru

МАСЛИН Михаил Александрович – доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой истории русской философии Московского государственного университета. 119991, г. Москва, ГСП-1, Ломоносовский просп., д. 27, корп. 4, философский факультет.

E-mail: mmaslin@yandex.ru

МОСЕЧКИН Илья Николаевич – преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин Кировского филиала Московского гуманитарно-экономического института, аспирант ВятГГУ. 610014, г. Киров, ул. Щорса, д. 66.

E-mail: Weretowelie@gmail.com

МОТОРИНА Любовь Евстафьевна – кандидат философских наук, профессор по кафедре философии факультета социального инжиниринга Московского авиационного института (национального исследовательского университета). 125993, г. Москва, А-80, ГСП, Волоколамское шоссе, д. 4.

E-mail: lubov-motorina@yandex.ru

НЕНАШЕВ Михаил Иванович – доктор философских наук, профессор по кафедре социологии и рекламы ВятГГУ (ведущий круглый стол). 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: mnenashev@inbox.ru

НИЖНИКОВ Сергей Анатольевич – доктор философских наук, профессор по кафедре истории философии факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов. 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6.

E-mail: nizhnikovs@mail.ru

ПИХ Ольга Вадимовна – аспирант кафедры истории русской философии Московского государственного университета. 119991, г. Москва, ГСП-1, Ломоносовский просп., д. 27, корп. 4, философский факультет.

E-mail: freedomthought@yandex.ru

ПРУЖИНИН Борис Исаевич – доктор философских наук, гл. редактор журнала «Вопросы философии», ведущий научный сотрудник Института философии РАН, профессор НИУ «Высшая школа экономики». 119991, г. Москва, ул. Волхонка, д. 14, стр. 5.

E-mail: prubor@mail.ru

РУБЦОВА Оксана Геннадьевна – соискатель Марийского государственного университета. 424000, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, д. 1.

E-mail: oksana8_7@mail.ru

СРЕТЕНСКАЯ Светлана Валерьевна – кандидат философских наук, магистрант кафедры философии института истории и культуры ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: sretenskayas@gmail.com

СЧАСТЛИВЦЕВА Елена Анатольевна – доктор философских наук, доцент по кафедре философии института истории и культуры ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: abcr@yandex.ru

ТОКАРЕВА Галина Альбертовна – доктор филологических наук, профессор по кафедре литературы и журналистики Камчатского государственного университета имени Витуса Беринга. 683032, г. Петропавловск-Камчатский, ул. Пограничная, д. 4а.

E-mail: tga41@yandex.ru

ТРОФИМОВ Георгий Александрович – аспирант кафедры русской и зарубежной литературы Марийского государственного университета. 424000, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, д. 1.

E-mail: silverbeast@mail.ru

ФОМИЧЕВ Николай Николаевич – аспирант Белгородского государственного национального исследовательского университета. 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85.

E-mail: n-fo@yandex.ru

ХАДЫНСКАЯ Александра Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент по кафедре лингвистики и межкультурной коммуникации Сургутского государственного университета ХМАО-Югры. 628412, Тюменская обл., ХМАО-Югра, г. Сургут, просп. Ленина, д. 1.

E-mail: opus2000@mail.ru

ЩЕДРИНА Татьяна Геннадьевна – доктор философских наук, профессор по кафедре философии Московского педагогического государственного университета. 119991, г. Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1.

E-mail: tannirra@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

AVDEEVA Ludmila Rostislavovna – Candidate of Philosophy, senior researcher of the Department of history of Russian philosophy of Moscow state University. Department of philosophy, 27/4 Lomonosovskiy Ave., 119991, Moscow, GSP-1.

E-mail: alzlot@yandex.ru

BAEVA Eugeniya Vasilyevna – postgraduate student of the Department of Roman-Germanic Philology of Vyatka State University of Humanities. 26, Krasnoarmejskaya str., 610002 Kirov.

E-mail: evgenia.baeva@mail.ru

BELORUKOVA Maria Valeryevna – senior lecturer of the Department of foreign languages of National research University of Higher School of Economics – Nizhny Novgorod. 1b L'vov St. 603095, Nizhny Novgorod.

E-mail: mbelorukova@hse.ru

BERDNIKOVA Alexandra Yur'evna – postgraduate student on the Department of history of Russian philosophy of the philosophical faculty of the Moscow State University. Department of philosophy, 27/4 Lomonosovskiy Ave., 119991, Moscow, GSP-1.

E-mail: alexser015@yandex.ru

BORODKIN Natalia Vyacheslavovna – Candidate of historical sciences, senior lecturer of the Department of universal history of Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky. 108 Respublikanskaya St. 150000, Yaroslavl.

E-mail: borodkinanv@mail.ru

VALOVA Olga Mikhailovna – Candidate of philological sciences, associate professor in the Department of Russian and foreign literature of Vyatka State University of Humanities. 26, Krasnoarmejskaya str., 610002 Kirov.

E-mail: olymihalna@yandex.ru

VANCHUGOV Vasily Viktorovich – Doctor of Philosophy, Professor of the history of Russian philosophy of Moscow State University. Department of philosophy, 27/4 Lomonosovskiy Ave., 119991, Moscow, GSP-1.

E-mail: vanchugov@gmail.com

GVOZDEVA Ekaterina Vladimirovna – Candidate of Legal sciences, associate professor of the Department of state and legal disciplines of Vyatka State University of Humanities. 26, Krasnoarmejskaya St., 610002 Kirov.

E-mail: evgvozdeva@mail.ru

GERASIMOVA Irina Gennad'evna – Candidate of pedagogical sciences, associate professor of foreign languages of the National Mineral Resources University "Mining". 2 21th Line, 199106, St. Petersburg.

E-mail: irina_spmi@spmi.ru

GORBACHEV Kirill Aleksandrovich – postgraduate student of the Department of English Philology of Ivanovo State University. 39/3 Ermak St.153025, Ivanovo.

E-mail: kpoet@mail.ru

GORYUNOVA Tatyana Aleksandrovna – Candidate of Philosophy, docent at the Department of Philosophy of the Institute of history and culture of the Vyatka State University of Humanities. 26 Krasnoarmejskaya St. 610002, Kirov.

E-mail: tagorunova@inbox.ru

KARAVAEV Ilya Vladimirovich – Deputy head of legal Department of administration – of the Government of the Kirov region, the senior lecturer of the Department of state and municipal management of the Russian Academy of National Economy and State Service under the President of the Russian Federation (branch in Kirov). 69 K. Libknehta St. 610019, Kirov.

E-mail: karavaev kirov@ya.ru

KARAYEV Taimuraz Mussaevich – Doctor of Philosophy, Professor in the Department of history of Russian philosophy of Moscow state University. Department of philosophy, 27/4 Lomonosovskiy Ave., 119991, Moscow, GSP-1.

E-mail: rf@philos.msu.ru

KONDAKOVA Irina Aleksandrovna – Candidate of philological sciences, associate professor in the Department of linguistics and translation of Vyatka State University of Humanities. 26 Krasnoarmejskaya str., 610002 Kirov.

E-mail: irinakondakova@mail.ru

KONDRATYEVA Tatiana Nikolaevna – Candidate of pedagogical sciences, associate professor of the Department of pedagogy and psychology of Institute of Physics and Mathematical, Economical and Informational Education of Novosibirsk Pedagogical University. 28 Viluysk St. 630126, Novosibirsk.

E-mail: Tanita973@list.ru

KONOVALOVA Alla Borisovna – Candidate of Legal sciences, head of the department of criminal law of Vyatka State University of Humanities. 26, Krasnoarmejskaya str., 610002 Kirov.

E-mail: kaf_upd@vshu.kirov.ru

KUVAKIN Valery Aleksandrovich – Doctor of Philosophy, Professor of the Department of IP-torii of Russian philosophy of Moscow state University. Department of philosophy, 27/4 Lomonosovskiy Ave., 119991, Moscow, GSP-1.

E-mail: humanism@yandex.ru

KUDRIN Egor Ivanovich – post graduate student at the Department of modern and contemporary history of the Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin. 19 Mira Ave., 620002, Ekaterinburg.

E-mail: egor.kudrin@gmail.com

LEVCHENKO Maxim Vladimirovich – Candidate of historical sciences, associate professor in the Department of the Humanities of Kazan Federal University, branch in Naberezhnye Chelny. 68/19 Mira Ave. 423810, Naberezhnye Chelny, New city.

E-mail: minos201200@mail.ru

MASLIN Mikhail Aleksandrovich – doctor of Philosophy, Professor, head of the Department of the history of Russian philosophy of Moscow State University. Department of philosophy, 27/4 Lomonosovskiy Ave., 119991, Moscow, GSP-1.

E-mail: mmaslin@yandex.ru

MOSECHKIN Ilya Nikolayevich – lecturer of the Department of criminal law disciplines of the Kirov branch of the Moscow Humanitarian Economic Institute, post-graduate student of Vyatka State University of Humanities. 66 Shchorsa St. 610014, Kirov.

E-mail: Weretowelie@gmail.com

MOTORINA Lubov Evstafievna – candidate of Philosophy, Professor at the Department of philosophy of the Faculty of social engineering of Moscow Aviation Institute (National Research University). 4 Volokolamsk Rd., 125993 Moscow, A-80 GSP.

E-mail: lubov-motorina@yandex.ru

NENASHEV Mikhail Ivanovich – Doctor of Philosophy, Professor in the Department of sociology and advertising of the Vyatka State University of Humanities. 26 Krasnoarmeyskaya St. 610002, Kirov.

E-mail: mnenashev@inbox.ru

NIZHNIKOV Sergey Anatolievich – Doctor of Philosophy, Professor of the history of philosophy of the faculty of Humanities and Social Sciences of the Russian University of Friendship of Peoples. 6 Miklukho-Maklaya St. 117198, Moscow.

E-mail: nizhnikovs@mail.ru

PIKH Olga Vladimirovna – postgraduate student of the Department of history of Russian philosophy of Moscow state University. Department of philosophy, 27/4 Lomonosovskiy Ave., 119991, Moscow, GSP-1.

E-mail: freedomthought@yandex.ru

PRUZHININ Boris Isaevich – Doctor of Philosophy, chief editor of the magazine "Questions of philosophy", leading researcher of the Institute of philosophy of RAS, Professor of National Research University "Higher school of Economics". Building 5, 14 Volkhonka St. 119991, Moscow.

E-mail: prubor@mail.ru

RUBTCOVA Oksana Gennadevna – applicant of Mari state University. 1 Lenin square, 424000, Yoshkar Ola.

E-mail: oksana8_7@mail.ru

SRETENSKAYA Svetlana Valeryevna – Candidate of Philosophy on the Department of philosophy of Institute of history and culture of the Vyatka State University of Humanities. 26 Krasnoarmeyskaya St. 610002, Kirov.

E-mail: sretenskayas@gmail.com

SCHASTLIVTSEVA Elena Anatolyevna – Doctor of Philosophy, associate professor at the Department of philosophy of Institute of history and culture of the Vyatka State University of Humanities. 26 Krasnoarmeyskaya St. 610002, Kirov.

E-mail: abcr@yandex.ru

TOKAREVA Galina Albertovna – Doctor of Philology, Professor in the Department of literature and journalism of Kamchatka State University named after Vitus Bering. 4A Pogranichnaya St. 683032, Petropavlovsk Kamchatsky.

E-mail: tga41@yandex.ru

TROFIMOV Georgi Aleksandrovich – postgraduate student of the Department of Russian and foreign literature of Mari State University. 1 Lenin square, 424000, Yoshkar Ola.

E-mail: silverbeast@mail.ru

FOMICHEV Nikolay Nikolaevich – post-graduate student of Belgorod State National Research University. 85 Pobeda St. 308015, Belgorod.

E-mail: n fo@yandex.ru

KHADYNSKAYA Alexandra Anatolyevna – Candidate of philological sciences, associate professor on the Department of linguistics and intercultural communication of Surgut State University of Khanty-Mansiysk Autonomous district Yugra. 1 Lenin St. 628412, Tyumen region, KHMAD Yugra, Surgut.

E-mail: opus2000@mail.ru

SHCHEDRINA Tatyana Gennadevna – Doctor of Philosophy, Professor in the Department of philosophy of Moscow state pedagogical University. Building 1, 1 Malaya Pirogovskaya St. 119991, Moscow.

E-mail: tannirra@mail.ru

Вестник
Вятского государственного гуманитарного университета
Научный журнал № 2 (2015)

Подписано в печать 27.02.2015 г.
Формат 60x84 ¹/₈. Бумага офсетная. Гарнитура Cambria.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 18,0. Тираж 1000. Заказ № 25.

Издательство
Вятского государственного гуманитарного университета,
610002, г. Киров, ул. Красноармейская, 26
(8332) 673-674

Отпечатано в полиграфическом цехе
издательства ООО «Радуга-ПРЕСС»
610044, г. Киров, ул. Лепсе, 69-48
(8332) 262-390